

Л. В. ШАПОШНИКОВА
ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ВТОРАЯ
ПО МАРШРУТУ
МАСТЕРА

Н.К.Рерих на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции

Л.В.Шапошникова

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

ПО МАРШРУТУ МАСТЕРА

I

МОСКВА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР РЕРИХОВ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ИМЕНИ Е.И.РЕРИХ
МАСТЕР-БАНК
1999

ББК 26.89
Ш 24

Л.В.Шапошникова

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Книга вторая. **ПО МАРШРУТУ МАСТЕРА. I**

Москва, Международный Центр Рерихов,

1999, 400 с, ил.

Вниманию читателя предлагается вторая книга Л.В.Шапошниковой из трилогии «Великое путешествие» — «По маршруту Мастера» (первая книга, «Мастер», увидела свет в 1998 году и сразу же завоевала сердца читателей). Людмила Васильевна Шапошникова — известный ученый-индолог и исследователь творческого наследия Н.К.Рериха — прошла по маршруту его Центрально-Азиатской экспедиции в 1970-е годы. Удивительные по красоте пейзажи Алтая и Гималаев, история, обычаи и культура народов, населяющих эти места, встречи с разными людьми, беседы о Рерихах — таково содержание этой живо и увлекательно написанной книги.

Для широкого круга читателей.

На обложке: *Н.К.Рерих*. Молодой лама

ISBN 5-86988-065-3

© Л.В.Шапошникова, текст, цветные фотографии, составление, 1999
© Международный Центр Рерихов, 1999

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Казалось, этой жаркой и унылой пенджабской равнине не будет конца. Раскаленный ветер гнал желтую пыль по ослепительно сверкающей ленте асфальта, обжигал глаза и горячими ладонями сердито стучал по тонкой обшивке нашего «Москвича». Пыльное марево стояло над равниной, которую, казалось, уже давно покинули люди. И только время от времени на обочине дороги возникали домики с плоскими крышами, повернутые слепыми, без окон, стенами к этой дороге. И миля за милей, час за часом — плоская желтая равнина, яростное солнце и буйство раскаленной пыли.

Время от времени где-то на горизонте сквозь желтую пелену возникали очертания гор, но мне они казались миражом, плывшим над этой безлесьной раскаленной равниной. Мираж то появлялся, то исчезал, и там, где только что были горы, повисали бесплодные тучи, не пролившиеся ни единой каплей дождя. Тучи тоже были похожи на мираж. Однообразие всего было таким одуряющим, что я не заметила, как появились холмы, поросшие колючим кустарником, и дорога стала карабкаться куда-то вверх. Потом холмы сменились невысокими горами, а кустарник — густыми лесными зарослями. Но жара почему-то не спадала, хотя мутный диск солнца уже касался вершин гор. Солнце опускалось все ниже и ниже. Внезапно наступила темнота. И в этой темноте где-то на горах заревом раскаленной печи светился горящий лес. Пахло дымом и пылью. Дорога была пустынна, и ее серые кольца то свивались, то вновь распрямлялись. Откуда-то снизу доносился шум невидимой реки. Слева потянулись отвесные стены скал, справа был обрыв, который падал куда-то в темноту, туда, где шумела река. Временами я погружалась в странное забытье, и тогда дорога и скалы сливались в какой-то причудливый рисунок, дрожавший в свете фар и в тумане пыльной завесы. Наконец туман исчез, и я стала замечать огоньки, которые мелькали справа и слева от дороги.

— Долина Кулу, — сказал шофер. — Теперь нам надо найти

Наггар и этот дом.

— Что, разве уже Гималаи? — спросила я.

— Конечно, теперь здесь везде Гималаи.

Я напрягла глаза, но ничего, кроме темноты, редких огоньков и кусочка дороги, освещенной фарами, не увидела. Только река, которая шумела внизу, была теперь где-то совсем рядом. Воздух стал чуть прохладнее, но машина была так разогрета, что разница эта почти не ощущалась.

И вновь дорога поползла кверху, а машина, цепляясь за нее, с ревом карабкалась куда-то в темноту. Мы проехали горный поселок с темными узкими улицами и домами-призраками. И через несколько минут машина уперлась фарами в ворота. За воротами мелькнули какие-то тени, деревянные створки бесшумно распахнулись, и я увидела освещенные окна большого дома, затянутого доверху плющом. И откуда-то сбоку знакомый голос сказал:

— Рад вас приветствовать в долине Кулу.

Я вышла из машины, разминая затекшие ноги, и увидела прямо перед собой высокую фигуру Святослава Николаевича Рериха и его приветливо улыбающиеся глаза. Появившаяся из темноты Девика Рани сразу затормозила меня и сказала, что надо немедленно идти ужинать. И только теперь я поняла, что воздух был свежим и прохладным, а звезды близкими и яркими и что все вокруг виллы Рерихов было напоено запахом хвои и роз. И этот запах как-то тревожил и в то же время успокаивал. Меня ввели в освещенную гостиную. Я опустилась в мягкое кресло, и оно, почему-то ритмично раскачиваясь, поплыло вместе со мной туда, где вилась раскаленная дорога по однообразной желтой и жаркой равнине...

На следующее утро гималайская долина Кулу предстала передо мной во всей своей красоте. Зажатая с двух сторон западными и восточными отрогами Гималаев, она лежала, прорезанная лентой бурного Биаса. Ближние склоны гор поросли сосной и кедром, и среди этих роц были разбросаны редкие дома. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в изломах которых дробился голубой цвет неба. Внизу раскинулся древний поселок Наггар. Крыши под серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими, извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

От виллы Рерихов шла тропинка к небольшой площадке, на которой цвели розы и лежал гранитный камень с надписью на языке хинди: «Тело Махариши Николая Рериха, великого

друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, соответствующего 15 декабря 1947 года. Ом Рам». Слово «Махариши» значило «Великий мудрец», а «Ом Рам» можно было приблизительно перевести: «Да будет мир!»

Старинный дом принадлежал Николаю Константиновичу Рериху. Именно здесь он поселился после Центрально-Азиатской экспедиции. Отсюда он продолжил свое Великое путешествие. В этом доме много лет спустя я оказалась гостем его сына, известного художника Святослава Рериха. Был май 1972 года. Тогда я только начинала приобщаться к «миру Рериха». Этот мир влек меня неудержимо сияющими красками рериховских картин, необычными путешествиями, мыслями ученого и художника. В то утро я думала о том, как мало мы знаем о Николае Рерихе, этом замечательном человеке, жизнь которого была подвигом в полном смысле этого слова. И мне захотелось о нем рассказать. Но как? Разве можно описать рериховские картины? Эти горящие краски горных закатов и восходов, эти резкие, но в то же время совершенные линии гор, эти... «Эти» надо показать. К тому же Кулу — только часть удивительного мира Николая Константиновича Рериха. Ведь было и многое другое: Алтай, Сикким, Индия, Тибет, Монголия.

Как собрать воедино необъятный мир, который соединялся только в одном человеке по имени Рерих?

За обедом я была рассеянна и невнимательна. Старый слуга Рерихов Вишну огорчился, решив, что мне не нравятся его блюда. Из задумчивости меня вывел голос Девики Рани, жены Святослава Николаевича.

— Зачем ты солишь фруктовый салат? — удивленно спросила она.

— Что? — не поняла я.

— Я спрашиваю... — начала снова Девика.

— Мадам, — почтительно сказал Вишну, — она положила уже туда горчицу.

— Это может случиться с человеком, — улыбнулся Святослав Николаевич.

— Но для этого должна быть причина... — сказала Девика.

К концу этого удивительного дня я пришла к твердому убеждению, что о Рерихе надо снять документальный полнометражный фильм.

Когда я вернулась в Москву, то с Ренитой Григорьевой, единственным кинематографистом, которого я знала, начала писать сценарий документального фильма о Николае Константиновиче Рерихе.

Летом 1974 года, в год столетия Рериха, мы начали съемки на Алтае.

Из Горно-Алтайска вертолет доставил нашу киноэкспедицию к самой высокой (4500 м) горе Белуха. Лето было жарким, горели леса. Дым стлался понизу, и мы плохо различали хребты гор и их лесистые склоны. И только Катунь голубой лентой указывала нам направление к снежным горам. Когда открылось сверкающее царство снегов Белухи, что-то неуловимо в ней напомнило Гималаи. Только очертания ее были мягче, а игра света богаче. Двуглавая вершина графически четко вписывалась в голубизну летнего неба. И там, за ее снегами, бесконечно тянулись синееющие хребты гор. Мы не могли оторваться от этого зрелища, а наши операторы уже зависли на ремнях с кинокамерой в открытой двери вертолета...

К вечеру мы оказались на берегу озера Ак-Кем, где располагалась метеостанция. Заслоняя собой полнеба, над озером поднималась почти отвесная снежная стена северного склона Белухи. Эта сверкающая громада отражалась в молочно-зеленоватой глади озера, и было трудно понять, где небо, а где озеро, где реальная Белуха, а где призрачная. Когда исчезли последние лучи солнца и на темном небе появились яркие звезды, весь снежный массив стал жемчужным. Этот цвет нес в себе странное настроение, напоминая о глубокой древности, когда здесь камлали узкоглазые шаманы и появлялись и исчезали неведомые и таинственные странники.

Мы разбили лагерь у южного склона Белухи, в узком ущелье, куда с ледника стекали ручейки, рождающие одну из красивейших рек Алтая — Катунь. Здесь стояла прозрачная тишина, и отблеск снега ложился на наши палатки. Над Белухой плыли облака, и их тени затевали причудливую игру со снегами, с каменистыми склонами, со струями воды. Эти тени рисовали странные картины, иногда очень правдоподобные. Камни, как и облака, принимали очертания людей, всадников, призрачных дворцов. Как будто оживали древние легенды, воплощаясь в снеге, камне и солнечных лучах. Легенды о спрятанных в этих снегах городах и сокровищах, легенды о Беловодье...

Мне вспомнились слова самого Рериха: «Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород»¹. «Чисто и звонко» — так точно и ярко мог сказать только художник. Тот самый художник, который на лошади проехал через трудные перевалы, чтобы почувствовать эту чистоту и звонкость, чтобы понять, почему столько легенд связано с этой

горой. Здесь он рисовал. Одна из его лучших картин так и называется — «Белуха».

По вечерам над снежной горой всходила Большая Медведица и колкие лучи звезд начинали свою космическую феерию. В огне костра, вздымая красно-оранжевые кудри, снова камлал узкоглазый шаман и бил в синий бубен умирающих углей...

Потом начались съемки в Монголии и Индии. Мы работали в местах, по которым шла Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов. И, продвигаясь по ее маршруту, я все больше убеждалась, что экспедиция была главным свершением в жизни Николая Константиновича Рериха. Вся предыдущая его жизнь была подготовкой к ней, вся последующая — работой над ее результатами. Тогда я окончательно поняла, что надо пройти по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции спокойно, не торопясь, внимательно вглядываясь в то, что открылось Рериху на этом пути, о чем он писал и размышлял.

В общей сложности мое предприятие заняло пять лет, с 1975 по 1980 год. Но непосредственная работа на маршруте заняла чуть больше года. Остальное же время я продолжала работать в Московском университете, ждала подолгу оформления на выезд, каждый раз доказывая необходимость зарубежной командировки. Но так или иначе, все свершилось. И теперь я могу написать о том, что я видела на маршруте крупнейшей экспедиции нашего века, о чем думала и к каким выводам пришла. На моем пути Алтай был первым.

I. ШАГИ ПЛЕМЕН

В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад.

Н.К.Рерих. Алтай — Гималаи

- Маршруты путешествий
- Границы государств
- Границы Республики Алтай и штатов Индии
- Демаркационная линия между Индией и Пакистаном в Кашмире
- УЛАН-БАТОР** Столицы государств
- ГОРНО-АЛТАЙСК** Столица Республики Алтай
- СРИНАГАР** Центры штатов Индии
- Населенные пункты с числом жителей (в тыс.)
 - 100—500
 - 50—100
 - менее 50

- × Перевалы
- 3941 Отметки высот над уровнем моря
- Автомобильные дороги
- Грунтовые дороги
- Вьючные дороги

Маршрут автора по Алтаю

1. В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО

Конечно, искать прошлое всегда трудно. Время смывает его следы. Лето 1976 года было таким же дождливым, как и 1926-го, когда Рерих шел по алтайскому маршруту. Проливной дождь стучал в окна Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, где меня принимал его директор Павел Егорович Тадыев. Павел Егорович рассказывал мне об археологических экспедициях института, о древних курганах, каменных бабах Курая, об удивительных наскальных рисунках Бичектубома и Елангаша.

— Не знаю, как другие считают, — говорил директор, — а я уверен, что Алтай с точки зрения исторической один из богатейших районов. Действительно, Рерих был прав.

17 июля я выехала из Горно-Алтайска на машине местного Комитета по радиовещанию и телевидению. Председатель комитета Екатерина Павловна Кондаракова, женщина энергичная и приветливая, тоже села в машину и сказала, что проедет до Черного Ануя. Мы держали путь в село Алтайское, а оттуда на юг, через Усть-Кан и Усть-Коксу в Верхний Уймон. По этому пути пятьдесят лет назад ехали подводы рериховской экспедиции. И конечно же шел дождь. Наш «уазик» бойко бежал по дороге, которая петляла меж низких гор и холмов, покрытых мягкой травой. Временами из-за туч прорывались солнечные лучи, и тогда холмы и предгорья вспыхивали яркими красками: цветы синие, сиреневые, желтые, лиловые, красные росли везде — и вдоль дороги, и на лугах, и по склонам гор. Я никогда не видела такого обильного разноцветья. Над цветами деловито жужжали пчелы. Те пчелы, которые собирают знаменитый алтайский мед, по своим целебным качествам превосходящий даже мед кашмирских Гималаев. Несмотря на дождь, воздух сохранял ту удивительную прозрачность, какая бывает только в горах.

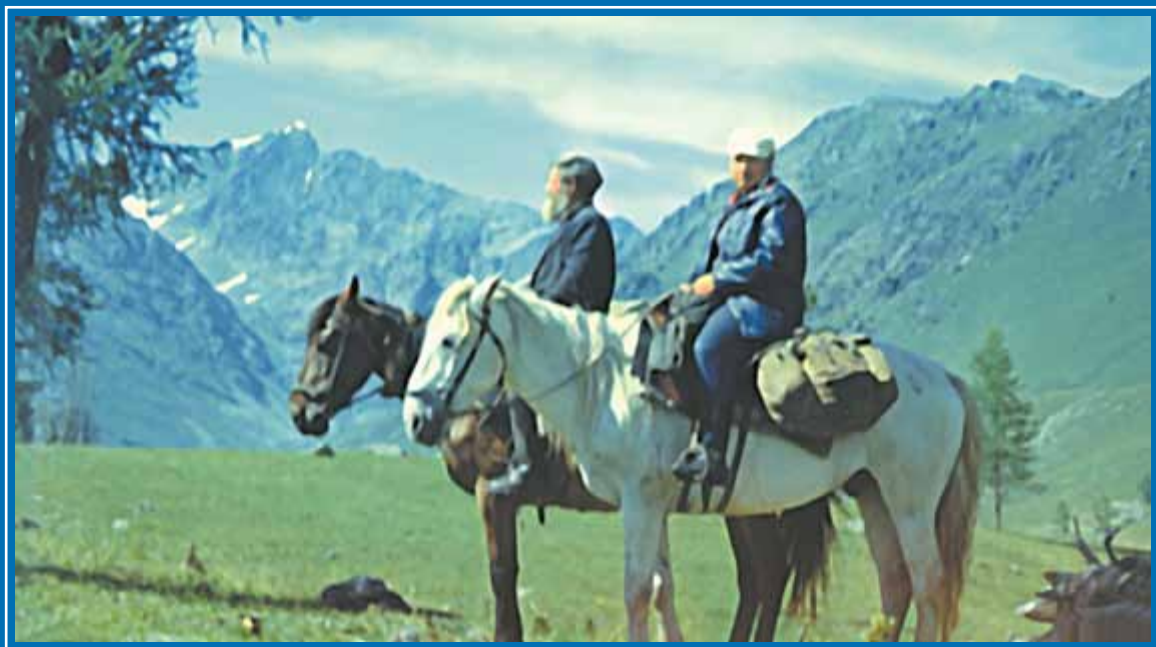
Мы проехали Алтайское, где давно уже не было того постоянного двора, в котором за большим деревянным столом дремали участники экспедиции Рериха. Были каменные дома и дымящие трубы завода, придававшие Алтайскому вполне городской вид. От Алтайского дорога нырнула в лес и пошла по берегу мирно шумевшей горной реки. И тут нас настиг проливной дождь с градом. Крупные градины вперемежку со струями дождя стучали по обшивке машины, и я подумала о большом преимуществе этой машины перед подводой. Но позже я убедилась, что подумала так зря. Грунтовые дороги предгорий раскисли, жирный чернозем стекал со склонов, а вместе с ним «стекал» и наш

Гора Белуха

Ледник Ак-Кем (слева)

Дед Василий и автор

«уазик». И «тек» до тех пор, пока какая-нибудь естественная преграда не останавливала его. Все кончилось тем, что первую ночь пришлось провести в основательно засевавшей машине. Утром нас вытащил из колеи совхозный трактор.

В долине реки Черный Ануй мы разбили палатку на самом берегу. Вдоль берега тянулся узкий луг, покрытый цветами, а за лугом высились скалистые горы. Где-то неподалеку от нашей палатки находилась знаменитая Черно-Ануйская пещера, о которой писал Рерих. Самим найти ее в этом каменном лабиринте было трудно, и поэтому Екатерина Павловна отправилась на машине в село Черный Ануй. Оттуда она привезла трех проводников. Это были самые лучшие проводники на свете, какими бывают мальчишки в возрасте от восьми до двенадцати лет. И конечно, Черно-Ануйская пещера была для них как дом родной. Пещера находилась в полутора километрах от нашей стоянки, и к ней мы вышли, пройдя через заросли высокого кустарника у подножия почти отвесной горы. Вход в пещеру был низким и напоминал арку вполне правильной формы. «Арка» вела прямо в огромный каменный зал высотой не менее 25 метров и площадью около 300 квадратных метров. Зал был величествен и строг и этим напоминал пространство готического собора. Сходство усиливали два симметричных хода, между которыми было некое подобие приземистой колонны, упиравшейся широким верхом в каменный потолок. За этими ходами чудились длинные сводчатые коридоры...

Я стояла посреди зала, и меня почему-то не покидало ощущение, что

Черно-Ануйская пещера

многое здесь сделано руками человека. Возможно, я и ошибалась. Сверху через отверстие в потолке в пещеру проникал рассеянный свет дождливого дня. Он ложился призрачными бликами на странные поганки, росшие около стен. Грибы были похожи на ядовитые цветы, рожденные тьмой и сыростью. Когда-то, очень давно, в пещере жили. Земляной пол был мягким и представлял собой желанный для археолога культурный слой. Там, под ним, хранилась память каменного века, материализованная в каменных наконечниках копий и холодном пепле человеческих очагов, пылавших тысячелетия тому назад. Один из ходов оказался засыпанным, и луч моего фонарика уперся в груды крупных валунов. Второй ход, начавшийся сводчатым коридором, неожиданно сужался до низкого лаза, по которому можно было только ползти, упираясь руками в мокрые, отсыревшие камни основания. Луч дробился в туманном воздухе хода и время от времени выхватывал из темноты фантастические фигуры химер, каких-то бородатых людей в остроконечных шапках, странников в старинных плащах. Но стоило приблизиться к этим барельефам-натекам, как химеры расплывались, одаривая вас прощальной улыбкой сожаления, а люди в остроконечных шапках и старинных плащах уходили в камень, таинственным и непостижимым образом исчезая в нем. Так, может быть, когда-то они исчезали в темноте этого загадочного хода, чтобы уйти куда-то в неведомое. А лаз все сужался и сужался и наконец уперся в большой валун.

— Все, — сказали проводники. — Дальше нет даже щелочки.

Валун плотно прилегал к низко нависшему потолку и упирался всей своей массой в неровный пол лаза. Я ударила ногой в пол, и он отозвался гулкой пустотой большого и просторного хода. Но мы были отрезаны от него валуном. Как он здесь оказался и зачем? Пещера на каждом шагу задавала вопросы, ответы на которые терялись где-то в глубинах заваленных ходов. Куда вели эти ходы? Сколь далеко они шли? Кто высек прямую линию в их каменном своде? Известковые химеры плясали по стенам, а старцы в остроконечных шапках хитро улыбались и молчали. «Или было, что женщина беловодская

вышла давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицо темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые»².

Женщина, говорят, вышла пещерным ходом. Вышла и ушла в легенду, подобно вестнику другой, неведомой жизни.

Легенды о вестниках, легенды о кладах. Они оплодотворили творчество Рериха-художника и придали его картинам то волнующее своеобразие, за которыми стояли воспоминания о каких-то забытых тайнах и утерянном знании. Легенды живут в народе и сейчас. И многие из них навеяны таинственным миром пещер. Поэтому Рерих так интересовался этими пещерами. Он пытался найти в них реальную основу красивых и необычных легенд Алтая.

Давно это было. Так давно, что люди уже забыли имя этого охотника. Охотник шел через горы по тропинкам, одному ему ведомым. Это был ловкий и сильный человек. У него были правильные, будто высеченные резцом искусного мастера черты лица и чуть косо поставленные, как у всех алтайцев, глаза. День был осенний и ясный, и охотник радовался солнцу, разноцветным деревьям, бодрящему горному воздуху. Охотник был очень удачлив и поэтому носил, в отличие от других, расшитую легкую шубу и новую шапку из лисьих хвостов. Он шел и пел. Пел о том, что видел. И вдруг песня его оборвалась. Ибо то, что он увидел, не укладывалось в эту песню. В песне можно было петь о солнце, о горах, о птицах, о шумевших желтых и красных листьях. Но в песне нельзя было петь о веревке. А эта веревка висела среди обрывистых скал, и ее конец уходил куда-то вверх.

— Ну и ну, — сказал охотник. — Никогда я здесь не видел такой толстой и длинной веревки. Зачем она здесь?

И, свернув с тропы, стал карабкаться по скалам вверх, чтобы найти ее конец. Вскоре он увидел, что веревка укреплена на отвесной каменной стене. Охотник потянул за нее, и перед ним открылась каменная дверь. Он смело вошел в пещеру и в изумлении

Часть первая. ШАГИ ПЛЕМЕН

остановился. Вся пещера была наполнена странным желтоватым сиянием. Через мгновение охотник понял, что сияние исходило от множества золотых вещей. Он сделал еще шаг, и вдруг его волосы под шапкой из желтых лисьих хвостов зашевелились. Прямо на него пустыми глазами смотрел человеческий череп. Возле кучи золота сидел скелет. Рядом с ним находился другой. Охотник был не из робкого десятка, но ему стало вдруг страшно. Захотелось сразу уйти, но потом подумал: никто не поверит, что он здесь был. И тогда охотник взял золотую ве-

Усть-Канская пещера

Цветы

щицу, а выйдя из пещеры, увидел, как дверь сама собой закрылась и ее очертания исчезли в каменной стене. И хотя охотник принес с собой домой золотую вещицу, его рассказу о пещере с сокровищами никто не поверил. Многие ходили в то место, но ни веревки, ни двери не нашли. Потом охотник заболел и стал чахнуть на глазах. И люди сказали, что это случилось из-за той вещицы. Тогда ее выбросили, а шаман много дней читал заклинания над больным. Говорят, что охотник выздоровел, но уже никогда не был таким сильным, как раньше. И больше никогда не ходил к пещере, где лежал заколдованный клад.

Рассказчик повернул ко мне лицо, и я увидела правильные, будто высеченные на желтоватой меди его черты. Мы сидели на горе, где почти у самой вершины находилась знаменитая Усть-Канская пещера, где когда-то тоже жили неизвестные нам люди и где археологи нашли немало интересных реликвий. Но золота там не было.

Алтайские чабаны приносят все новые легенды: о змее, высеченной на камне, о следе человеческой ноги на скале, о найденных медных рудниках Демидова, которые до сих пор охраняются. И каменные круги древних курганов, покоящиеся в узких солнечных долинах у Яконура, Усть-Кана, Верхнего Уймона, продолжают питать народную фантазию, вызывая в воображении загадочные племена, ушедшие под землю...

2. ВЕРХНИЙ УЙМОН

Староверческое село Верхний Уймон лежало в долине меж двух хребтов. Село было крепким. Потемневшие от времени рубленые избы выглядели

справными и ухоженными. Заборы напоминали невысокие укрепления. Село было «странноприимным», и странников там привечали. Но этим дождливым летом странники были в дефиците. И поэтому все не утоленное в этом году «странноприимство» верхнеуймонцев обрушилось на меня. После долгих препираний в совхозной конторе меня увела к себе Матрена Лукинична Коньшина.

— Вот как бывает, — говорила она, когда мы сидели вечером, попивая чай с душистым алтайским медом, — приехал человек, пожил в селе и оставил о себе долгую память. И дом, где он жил, теперь стал знаменитым, мемори-

альную доску повесили. А когда появился у нас, наверное, подумали: «Вот еще один странник». — И сердобольно посмотрела на меня.

Сама Матрена Лукинична Рериха не помнила — была тогда еще в «бессознательном возрасте».

ЗДЕСЬ ЖИЛ И РАБОТАЛ
В 1936 ГОДУ
ИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ХУДОЖНИК
НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
РЕРИХ

Мемориальная доска

Дом Атаманова

К концу нашего разговора я поняла, что приехала в Верхний Уймон слишком поздно.

— Где ж вы были раньше? — подтвердила мою мысль хозяйка. — Теперь вот все старики, видевшие его, померли. И Вахрамея Атаманова давно уже нет, и брат его Серапион помер, и Агафья, Вахрамеева дочь, преставилась в 1973 году. — И горестно подперла щеку рукой.

С благодарностью вспомнила я тогда барнаульского художника Леопольда Романовича Цесюлевича, который сумел приехать в Верхний Уймон вовремя и застать еще многих стариков в живых. Он записал их воспоминания и опубликовал в журналах «Алтай» и «Сибирские огни»³.

Что же помнили о Рерихах? Одно свидетельство мне бы хотелось привести полностью. Оно удивительно своей жизненностью и теми человеческими деталями, которые делают любой рассказ достоверным и ярким. Это был рассказ дочери Вахрамея Атаманова — Агафьи Зубакиной.

«Шибко хорошие люди были, — поведала она Леопольду Романовичу. — Молодолицые, разговорчивые. Сама (Елена Ивановна Рерих. — *Л.Ш.*) была вся беленькая, светлая. И волосы светлые, и глаза⁴. Шибко красивая была. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела, писала. Все на свете рассказывала. По младшему сыну (С.Н.Рерих. — *Л.Ш.*) скучала, плакала. Три года его не видела. Учился все где-то. Сам (Н.К.Рерих. — *Л.Ш.*) тоже весь светлый был. С седой бородой, в сером костюме, хоть и жарко на дворе, в тубетейке. А поверх тубетейки еще шляпу надевал. А глаза светлые,

стотой. Добела отмытые половицы пола были застелены домоткаными дорожками.

— Ну садись, — сказала хозяйка, показывая мне на стул.

Сама она уселась на старинный сундук и положила сухие, пергаментные руки на растрепанную Псалтырь.

— Вот читаю, — сказала она как будто с вызовом, кивнув на книгу.

...Она была совсем молоденькой девчонкой, когда необычные люди появились здесь, в Верхнем Уймоне. Их почему-то называли американцами. Может быть, потому, что двое из них действительно были из Америки. Фекла занималась своими делами и не очень интересовалась прибывшими. Теперь она об этом жалеет.

— Если бы я знала, что так получится и столько людей будет спрашивать меня о них, я бы все запомнила, — говорит она задумчиво и с сожалением.

Но живая память иногда доходит до нас неожиданными путями. Слишком яркий след оставили Рерихи в душах тех жителей села, которые непосредственно с ними соприкасались. Слишком долго эта память жила. И теперь она сливалась во что-то единое с тем, что знала сама Фекла, обогащала это знание, придавала ему необходимый смысл и достоверность очевидения.

— А самого так и звали, — продолжает Фекла, — «светлый с белой бородой». Так он и стоит у меня перед глазами, глаза строгие, а иногда улыбчивые. И все-то он знал. Вот ты мне скажи, кто он был? — вдруг неожиданно спрашивает Фекла.

Я объясняю.

— Нет, я не про то. — И по усохшим старушечьим губам ползет загадочная улыбка. — Вот слушай, раз он проезжал то место, где теперь стоит село Тихонькое. Ты его видела, когда ехала сюда. Так вот он нашим мужикам говорит: «Здесь будет село». И правда, через девять лет заложили первые избы в Тихоньком. Как это понять? — И сверлит меня неумным пристальным взглядом. — Или вот. Говорил, что меж Катандой и Уймоном, в долине, будет обязательно город. Звенигород — называл его. Пока еще его нет. Однако может быть. Построят ГЭС, проведут железную дорогу, и будет город. А место шибко красивое. Как ты думаешь?

Я охотно соглашаюсь и говорю, что Рерих был человеком необычным и проницательным и многие его предсказания и предположения потом сбылись.

— Понимаю, понимаю, — кивает Фекла, поправляя темный платок. — Он был как святой. Говорят, в Индии у старцев, что в пещерах сидят, многому научился.

И это слово «Индия» так неожиданно прозвучало в избе на краю далекого алтайского села... Человек приходит и оставляет след. След глубокий и памятный. Потом Фекла рассказывает о чудесной стране Беловодье, которая упрятана где-то за белыми снегами Белухи и куда

пристальные. Когда посмотрит, как будто насквозь видит. Много книг у него было. Сам все книги показывал, всяко разрисованные.

А Юра (Ю.Н.Рерих. — *Л.Ш.*) простой, простой был. Двадцать три года ему было. Молод был, а бороду не брил. Здесь рубашку купил коленкоровую зеленую. Навыпуск ее носил. Все в ней бегал. Мне та рубашка совсем не нравилась, как у всех мужиков. А она ему почему-то мила была. До дому хотел довести. Осторожно велел стирать, чтобы не полиняла, не порвалась.

...В шесть часов утра вставали. Шибко много работали. А придут вечером, переоденутся и опять за работу. Три минуты им дороги. Керосин не жгли. При свечах вечером жили. Старик больше у себя сидел, а Юра бегал или в горы выезжал. А иногда вместе ездили. И туда ездили, и туда. Во все стороны ездили. Мой батюшка их водил. И сама в горы ездила. Ей коня смиренного нашли. Здесь ездить училась. Говорила: “Теперь уже смелее езжу”»⁵.

Обосновавшаяся в Верхнем Уймоне экспедиция Рериха находилась под пристальным вниманием его жителей. И поэтому старики, с которыми разговаривал Цесюлевич, хорошо помнили подробности рериховских маршрутов по Катунскому и Теректинскому хребтам, по реке Кучерле, к подножию Белухи. Как-то Николай Константинович попросил показать ему места, где погибли участники гражданской войны. Его привели на Большой Белок, где были расстреляны одиннадцать красных партизан. Место расстрела не было ничем отмечено. Рерих сам установил на могиле гладкую каменную плиту и сделал на ней надпись. Он посетил скромный деревянный обелиск, поставленный в Тюнгуре в память погибшего красного комиссара Петра Сухова.

И все-таки в Верхнем Уймоне кое-что осталось и на мою долю. И этой «долей» была Фекла Семеновна Бочкарева из большой староверческой семьи Атамановых.

Ее дом, добротный и, видимо, сделанный давно, стоял на окраинной улице села. Я поднялась на нижнюю ступеньку высокого крыльца и позвала:

— Фекла Семеновна!

Дверь неожиданно быстро отворилась, и на пороге показалась ладная, аккуратная старушка в длинной юбке. Темный платок, низко надвинутый на брови, скрывал лоб, а из-под платка на меня не постарушечьи живо смотрели умные и внимательные глаза.

— Это ж кто меня кликает? — удивленно спросила она.

— Я. — Это был не очень умный ответ, но по-другому у меня не получилось.

— Вижу, что ты, — Фекла улыбнулась краем высохших губ. — Ну входи. Да скажи, кто ты.

Я сказала.

— Ишь ты! — снова удивилась Фекла. — И тебе все это понадобилось? Мы вошли в небольшую светлую горницу, где пахло травами и чи-

Цветы

ходили два мультинских мужика. О старинной и неведомой чуди, которая ушла под землю, как «только появилась и зацвела белая береза в уймонских лесах», о таинственных каменных кругах, которыми чудь закрыла свои ходы, и о многом другом.

Приглушенный мягкий свет вечерних сумерек лился в окна горницы, старинная Псалтырь лежала на белой скатерке, пахло травами и медом. На какое-то мгновение я ощутила атмосферу рериховского Уймона. Как будто и не было этих пятидесяти лет. Но это мгновение нарушилось треском мотоцикла.

— Вот шалый. Носит тебя, — в сердцах сказала Фекла.

Мотоцикл «несло» к конторе совхоза, где деловито урчали груженые сеном грузовики, делали короткую стоянку трактора и где барнаульские строители возводили каменные дома...

На следующий день я прошлась по селу, заглянула в одноэтажный бревенчатый домик, на стене которого висела мемориальная доска с барельефом «светлого с белой бородой», сходила на берег спокойной здесь Катуня, погуляла по заливным лугам, полыхавшим разнотравьем даже в этот ненастный день. Постояла у камней распаханых теперь «чудских могил», посмотрела на сине-зеленый Катунский хребет, ради которого мне предстояло выдержать еще одно испытание в моей жизни.

Василий Михайлович Морозов, или попросту дед Василий, явился в назначенный срок, ведя на поводу лошадь. Дед был сухонький, поджарый. Рыжеватая борода его победно и задиристо торчала вперед. А из-под клочковатых бровей на мир взирали с живым любопытством дедовы глаза.

— Ну, Васильевна, — сказал он, — лошади подкованы, однако, все в порядке, можем двигаться в путь. И давай мы с тобой совершим большое путешествие. Вон какой простор. Однако одну гору проедешь, встает другая, и конца-края нет. А я давно уже там не был. — Ноздри деда Василия вольно и хищно раздулись, а глаза затянулись голубой дымкой мечты.

Но я не разделяла его восторга. Я смотрела на лошадь, мне сужденную, и мною постепенно овладевали противоречивые и даже резко отрицательные чувства. Дело в том, что я никогда не ездила верхом на лошади и даже никогда на нее не садилась. Но по Катунскому хребту, где проходил один из важных маршрутов рериховской экспедиции, можно было проехать только на лошади. И поэтому у меня не было выхода. Дед Василий, заметив мое состояние, в которое я впала при виде лошадей, бодряческим тоном воскликнул:

— Ничего, Васильевна! Это не смертельно.

Попытка сесть на лошадь обычным путем мне, конечно, не удалась. Тогда посреди Уймона была воздвигнута телега. Одна из немногих телег, оставшихся еще в селе. Любопытные уймонцы в ожидании интересного представления окружили телегу и делали замечания одно ехиднее другого. А некоторые откровенно и непочтительно смеялись.

Кое-что перепало и на долю деда Василия. Но Василий Михайлович до ответов не снизошел.

Я вступила на телегу с тем тяжелым чувством обреченности и безысходности, которое испытывает висельник, поднявшийся на эшафот. Мое положение было даже еще хуже. Ибо собравшиеся зрители не испытывали грусти по поводу происходящего, а громко и искренне радовались. В этот роковой для меня момент я была лишена даже народного сочувствия.

С телеги мне удалось с третьей попытки сесть на лошадь. Она тронулась, а я, как ни странно, удержалась в седле. Однако у собравшихся осталась еще маленькая надежда увидеть, как я сползаю под брюхо лошади или лечу через ее голову. Но ничего подобного не произошло. Трясаясь в непривычном для меня седле, я думала о том, что у меня хватит воли и спортивного азарта выдержать вот так хотя бы два дня. Сегодня и завтра. Сегодня — туда, а завтра — обратно. Но мы вернулись в Верхний Уймон только через десять дней...

3. ПО КАТУНСКОМУ ХРЕБТУ

...Огонь очага в земляном полу то вспыхивает резко и ярко, то сникает, прижимаясь к шипящим сырým дровам. В его неверном свете проступают длинные, сходящиеся где-то наверху жерди. Жерди крыты кусками толстой коры, прокопченной и древней. Дым синей струей тянется вверх, туда, где из отверстия конического жилища

выступают их неровные концы. За стенами жилища стоит непроглядная темень, порывы резкого холодного ветра сотрясают их, дождь стучит по толстой коре. Тень человека с всклокоченной бородой, подстегиваемая языками пламени, скачет по закопченным стенам. Человек поправляет над огнем куски шипящего мяса, и его морщинистое и древнее, такое же, как и кора, лицо временами становится задумчивым и отрешенным. Когда он поднимает глаза, в них пляшут языки пламени. От шипящего мяса поднимается густой аромат и, смешиваясь с запахом дыма, заполняет все пространство жилища. Плотная

прикрытая деревянная дверь не позволяет этому аромату вместе с теплом уйти наружу, туда, где бушует непогода. На много километров тянутся безлюдные горы, где клочья тумана, пропитанные темнотой, вихряются в ветвях тысячелетних кедров. И только этот огонь и кора хранят человека от всего злого и недоброго, что происходит на этом ночном пустынном перевале. А происходят странные вещи. Вдруг в

шум дождя и ветра вплетается плач. Многоголосый и призывный. Горное эхо усиливает его, и он наполняет собой все вокруг. В этом плаче временами звучат какие-то слова. Слова незнакомого, чужого языка. Плач катится по темным вершинам, застревает в ущельях и гуляет по перевалам. И пронзительная печаль этих тайных звуков, заполняющих неизъяснимой скорбью ночной мир, воскрешает трагические фигуры древних плакальщиц, и кажется, не дождь с ветром, а их сломленные горем руки стучат по коре одинокой алтайской юрты.

Человек поднял лицо от огня и вслушался в эту таинственную скорбь плачущей ночи.

— Отара, — сказал он. — Однако овцам тоже плохо в такую погоду. Ишь разблеялись, — и поправил раскаленные угли очага.

И все сразу стало на свои места. Ушедшее было вспять время вновь вернулось в конец XX века, далекий предок вновь превратился в проводника деда Василия, древнее алтайское жилище стало юртой на стоянке совхозных чабанов, а древние плакальщицы растаяли в ночи, оставив вместо себя отару совхозных овец.

— Ну и ну, — только и нашлась я. — Надо же так блеять.

— Это потому, что горы, — наставительно сказал дед, снимая с углей готовый шашлык.

И только этот ароматный шашлык из молодого барашка ни во что не превратился, а остался шашлыком, каким он был тысячу лет назад и каким он являлся сейчас. Есть все-таки на нашей земле непреходящие ценности!..

С того момента, когда я влезла на свою лошадь с телеги в Верхнем Уймоне, я начала понимать, что значит конный маршрут в горах. А таких маршрутов было много в экспедиции Рериха. Теперь, когда все это позади, я бы могла написать о мучительно затекавших ногах, часами находившихся в одном и том же положении, о скользких каменистых тропинках, вьющихся по краю высоких обрывов, где любой неосторожный шаг лошади грозил невесть чем, о бурных горных реках, по камням которых скользили сильные ноги лошадей, о крутых спусках и подъемах, покрывавших бока коней темным, едким потом, о ежедневном развьючивании и навьючивании и о многом другом. Мы ехали по Катунскому хребту, где «гора вставала за горой», по выражению деда Василия, и эти горы, покрытые то лесами, то яркой зеленой травой, то снегами, бесконечно тянулись до горизонта и даже в пасмурную погоду играли всеми оттенками синего и голубого цветов. По горам шли облака, которые иногда оказывались под нами, и тогда расселины скал, каньоны рек и лесистые ущелья причудливо меняли свои очертания иплыли куда-то вместе с этими облаками. Время от времени облака сгущались и от этой густоты становились серыми. Потом зловещий черный цвет захватывал их края, клубился в их нагромождении и проливался сильными прозрачными струями дождя на землю. Лошади мокли и неохотно шли дальше, а дед Василий надевал брезентовый плащ с ка-

Катунский хребет

Озеро Тайменное

пушоном и от этого становился похожим на бродячего средневекового монаха. Из-под потемневшего от дождя капюшона торчала рыжеватая дедова борода, как всегда победно и задиристо.

— У, страмец! — покрикивал дед Василий на очередного нерадивого Гнедка или Серка. — Давай двигай! Чего плетешься?

Слово «страмец» у деда Василия было самым сильным и самым универсальным. Трудная дорога с крутым подъемом и лесными завалинами называлась «страмная дорога». Дождь из «страмцов» не вылезал. Но, несмотря на мелкие конфликты, в которые входил Василий Михайлович с лошадьми, дорогой и погодой, он оказался отличным проводником, очень надежным и знающим. Даже приходя в остервенение от каких-либо неурядиц, он никогда не падал духом, произносил свою знаменитую философскую фразу: «Это не смертельно» — и быстро успокаивался. Мы проезжали обширные горные пастбища, перевалы, реки, тихие горные долины. Звучали старинные и малообъяснимые названия: Малый Батун, Большой Батун, Холодный Белок, урочище Аланчакта, река Сугаш, перевал Залавок, река Зайчонок, перевалы Быстрый Собачий и Тихой Собачий, Большая речка, озеро Тайменное...

К этому озеру мы и держали теперь путь. Тот самый путь, по которому пятьдесят лет тому назад проехал великий человек. И даже теперь здесь нет еще наезженных дорог, нет поселков. Время от времени попадает навстречу всадник — чабан, едущий на стоянку или от стоянки. Стоит первозданная тишина, нарушаемая только пением птиц, шумом реки или дождя, грохотом сорвавшегося камня или ржаньем

Река Катунь

Берег озера Тайменного

нас накрыл грозовой ливень. Лошади еле бредут, с трудом преодолевая сильные порывы ветра. Пришлось переждать дождь под кедром. Перевалили Большой Батун и выехали на перевал Холодный Белок. Здесь разгуливал ледяной ветер. Ноги совсем заоченели, и пальцы рук почти не слушаются. Очень трудно фотографировать. С перевала свели лошадей на поводу, и ноги вновь ожили. На ночь остановились на реке Сугаш. Горел наш костер, накрапывал дождь, а с гор наползал туман. Мирно пофыркивали пасущиеся лошади. Вдруг одна из них тревожно заржала. Видно, где-то близко бродит медведь.

31 июля

Утро было ясным, но к середине дня небо вновь затянуло дождевыми тучами. На перевал Залавок пришлось тянуть по крутому подъему лошадей на поводу. Нас снова настиг дождь, на этот раз с сильным градом. Пересекли три бурных горных реки. Лошади пугались и не хотели ступать в воду. Перед перевалом Тихой Собачий дорогу преградил каменный завал. Огромные валуны громоздились друг на друга, а в узких щелях между ними хлюпала болотистая почва. Пришлось спешиться. Лошади спотыкались, мы — тоже. Только к вечеру добрались до перевала Быстрый Собачий. Обогрелись в пустой чабанской юрте, сделанной по образцу старинных алтайских юрт. Всю ночь шел дождь.

1 августа

Только утром я смогла разглядеть окрестности нашего перевала. Перевал высотой около 2 тысяч метров над уровнем моря. Западный его склон обрывается ущельем, на дне которого шумит река. На юге высятся изломанные пики хребта. Пики покрыты только что выпавшим снегом. За ними — сплошная снежная белизна высокогорья. Почему-то не хочется отсюда уезжать. Но надо вьючить лошадей. Дед Василий торопит. «Все должно быть по плану», — говорит он. От этого перевала до реки Проездной 25 километров. Проездная петляет среди лесистых склонов гор в узкой долине. Неожиданно для горной реки она оказывается широкой, но это не замедляет течения. Лошади, вступив в ее поток, возмущенно фыркают и жмутся к берегу.

— Но, но! — кричит на них дед Василий. — Давай, без дипломатии и маневров! Страмцы!

«Страмцы», напряженно прядая ушами, все-таки преодолевают реку. Вода плещется у самых моих сапог... Теперь едем вдоль берега в направлении Большереченского перевала. Вдруг мой Серко нервно дергается, взвизгивает на дыбы и хрипит. Не ожидая такого «маневра», я тем не менее делаю все правильно, удерживаюсь в седле и посылаю Серка вперед. Ошеломленный внезапностью случившегося, дед Ва-

Младший Майманов

испугавшейся чего-то лошади...

Во время нашей поездки я вела дневник. Дед Василий принимал в этом активное участие. На привале вечером мы сидели у костра, и Василий Михайлович придирчиво проверял, правильно ли я записала название перевала или реки.

— Смотри, Васильевна, — говорил он мне, — не пропусти. Путешественник должен знать все. А мы с тобой совершаем путешествие. — Последнее слово он подчеркивал какой-то значительной интонацией и наставительно поднимал вверх крючковатый указательный палец с желтым растрескавшимся ногтем. — Путешествие, — задумчиво повторял он и смотрел на огонь, неожиданно погружаясь во что-то свое, мне еще неизвестное.

Вот выдержки из этого дневника.

30 июля

От Верхнего Уймона к Катунскому хребту дорога идет по равнине. Она вся размыта недавно прошедшими дождями. Потом начинается лес и подъем. Мокрые ветви деревьев хлещут по лицу. Наконец поднялись на вершину, откуда открывался вид на Уймонскую долину, окруженную синими горами. Доехали до Малого Батуна, где доярки поили нас парным молоком. Лошади спотыкаются об острые камни. Пошли альпийские луга с крупными синими цветами. Между Малым и Большим Батуном

Окрестности озера Тайменного

— Как это — путешественники? — удивились мальчишки.

— А вот так! — злорадно констатировал дед Василий. — Слазьте, будете нам помогать.

Еще раз приказание повторять не пришлось. Позже появился третий. Узкоглазый, скуластый, со спокойными и солидными повадками взрослого чабана. Но все эти нарочитые повадки не могли скрыть неудержимого мальчишеского любопытства к происходящему.

— А ты кто? — спросила я его.

— Майманов я, — ответил он басовито и начал старательно ввинчивать носок высокого чабанского сапога в сырую землю.

— Ишь ты, Майманов он, — засмеялся дед Василий. — Гордится, значит. Знаменитая чабанская династия, однако. Вот и сыновей на каникулах к делу приспособливает.

Майманов-младший не снизошел до ответа и задумчиво уставился на костер.

— Однако, куда едете? — немного погодя спросил он.

— На Тайменное.

— Ага. Мы там скоро будем.

* * *

На озеро Тайменное мы попали к концу того же дня, перевалив две крутые горы. Оно возникло внизу неожиданно, в котловине. Возникло сначала даже не водой, а призрачным отражением перевернутых гор и плывущих облаков. И только какое-то время спустя в этой нереальной игре изломанных линий и неуловимо меняющихся, зарождающихся и исчезающих облаков я заметила голубовато-зеленое зеркало воды. Это зеркало вплотную подступало с севера к снежным горам, и его граница, клубясь повторенными облаками, то исчезала, сливаясь со снежной белизной гор, то вспыхивала ослепительной голубизной то ли неба, то ли воды... Все в этой картине было зыбко и неопределенно, и даже каменистые уступы гор, такие, казалось бы, незыблемые и постоянные. Соблюдая правила какой-то таинственной игры, они двигались и менялись, послушно следуя за бегущими по ним тенями. И от этого плавного, но беспрестанного движения озеро казалось чем-то живым. Это живое подчинялось чьему-то невидимому присутствию, скрытому в неверных и меняющихся очертаниях гор, неба и воды. «Озеро Горных духов, — подумала я. — Никакое оно не Тайменное. Это слово придумали специально, чтобы скрыть что-то более значительное, что стоит за всем этим. Озеро Горных духов».

— А красота-то, однако, какая! — вывел меня из задумчивости голос деда Василия. — Давно я здесь не был. А оно еще краше стало. Это же надо такое сотворить!

Лагерь мы разбили у самой воды, под высокими прибрежными кедрами. Погода неожиданно установилась, по утрам выпадал иней, а ночи были пронзительно-звездными. И в этом звездном свете в озере начиналась какая-

силий подъезжает к уже успокоившемуся Серку, тычет ему в морду увесистым кулаком и говорит с укором:

— У-у, — забывая почему-то свое любимое слово «страмец».

Серко виновато опускает голову и косит крупным добрым глазом. Оказалось, что Серко наступил на осиное гнездо. У перевала Большереченского встали отвесные стены каменных скал. В стенах какие-то темные ходы. Их кажущаяся правильность наводит на мысль о каком-то древнем скальном городе и неведомом народе. У подножия скал небольшое горное озерцо. «Город» отражается в озерце, и в нем, отраженном, происходит какое-то движение. Серко усиленно сопит и пофыркивает, преодолевая крутой подъем перевала. На перевале стоят два алтайских святилища: аккуратные горки камней с березовыми веточками на вершинках. На веточках висят ленточки цветных лоскутов. С перевала видна узкая долина, зажатая между гор, по которой Большая речка чертит свои причудливые и неожиданные узоры. Почти такие же узоры у синей реки на картине Рериха «Песнь о Шамбале». Летними месяцами в этой долине жил Серапион Атаманов, брат Вахрамея.

С перевала мы вели лошадей на поводу. Спуск крутой и скользкий. Тропинка дождями превращена в жидкое болото. Ноги проваливаются в нее по самое колено. Лошади спотыкаются и тоже проваливаются, доверчиво ставя копыта в наши следы. Вконец измотанные, мы достигаем долины, когда на расчистившемся крае неба проявляется первая звезда.

2 августа

Утром на долину опустился туман. Он плыл полосами по горам и кедровым зарослям. От этого очертания гор и деревьев странно менялись и сдвигались. Туман превратил долину во что-то неопределенное и зыбкое. Потом сквозь него пробилась лучи солнца, и туман, долго сопротивляясь им, наконец отступил. Передо мной лежала долина, тихая и узкая, наполненная запахом цветов и неумолчным стрекотанием кузнечиков. Прозрачная река, журча на разноцветных камнях, хитро и обманчиво текла к снежным горам. В полдень раздался топот копыт и перед нашей палаткой возникли два всадника.

— Здравствуйте, — солидно сказал один из них, лет шестнадцати от роду. — Мы вот чабаны, наша стоянка поблизости.

— Чабаны мы, — повторил второй, которому было и того меньше.

В это время появился дед Василий, и оба чабана радостно закричали:

— Дядя Василий! Дядя Василий! А мы-то думали...

— Что вы думали? — строго и подозрительно спросил дед Василий.

— Мы думали, однако, туристы.

— Туристы, туристы... — недовольно заворчал дед. — Путешественники мы, понятно?

Кучерлинская долина

то иная игра. Темные громады гор, голубовато мерцаая снегами, угрюмо надвигались на берега, сдавливали их, оставляя небольшое пространство воды, в которой холодно и неподвижно светились те же звезды. Потом полосы ночного тумана странно и фантастически расчленили эти горы. И их мерцающие вершины, оторванные от оснований, плыли к звездам, насыщались их светом и отдавали его сверкающей воде.

В Верхний Уймон мы возвращались два дня, проведя в последний из них одиннадцать часов в седле. А потом из Усть-Коксы приехал «газик». За его баранкой в спортивной куртке и лихо надвинутым берете сидел Алексей Кайдасынович Сакашев, третий секретарь Усть-Коксинского райкома партии. И мы вдоль берега Катуня двинулись к Тюнгуру, минуя древние курганы Катанды. Это были такие же курганы, какие Рерих видел потом в Монголии, а позже и в Тибете...

4. КАРА-ТЮРЕК

К Кара-Тюреку от Тюнгура можно было проехать по Кучерлинской долине. По той долине, по которой экспедиция Рериха прошла к подножию Белухи. Ни в Катанде, ни в Тюнгуре о Кара-Тюреке ничего не знали. Слышали, но где это — плохо представляли. И только Петр Яковлевич Антонов, краевед-любитель, был там однажды. В 1939 году. Он и согласился быть проводником. Но в успех нашего маршрута

я верила слабо. Слишком много лет прошло с тех пор, когда молодой метеоролог Антонов увидел эту необычную скалу — Кара-Тюрек.

В Тюнгуре нам дали лошадей. Это были плохие лошади — со сбитыми спинами, израненными ногами и по одной подкове на четыре копыта каждой. Других лошадей, нам объяснили, в Тюнгуре не было. Пришлось согласиться и двинуться на них в дальний путь.

Холмистая равнина, которая тянулась по берегу Катуня, постепенно меняла свой вид. Лесистые горы теперь вплотную приблизились к ней, и конная тропа потянулась вверх. К полудню тропа свернула в

Кучерлинскую долину, и под нами, внизу, уже шумела не Катунь, а Кучерла. Тропа поднималась все выше и шла по краю каменной кручи, отвесно обрывавшейся в воды бурлящей реки, которая, пробивая себе путь в лесистых склонах, уходила куда-то вдаль. Временами долина сужалась и превращалась в каньон с уступами коричневых отвесных скал. И над этим каменным нагромождением, над бушующей рекой постепенно возникало что-то, что дополняло картину и придавало ей

композиционную стройность и завершенность. На ярко-голубом небе появились линии снежных гор. Я где-то уже видела эти очертания, в рисунке этих гор было что-то для меня знакомое.

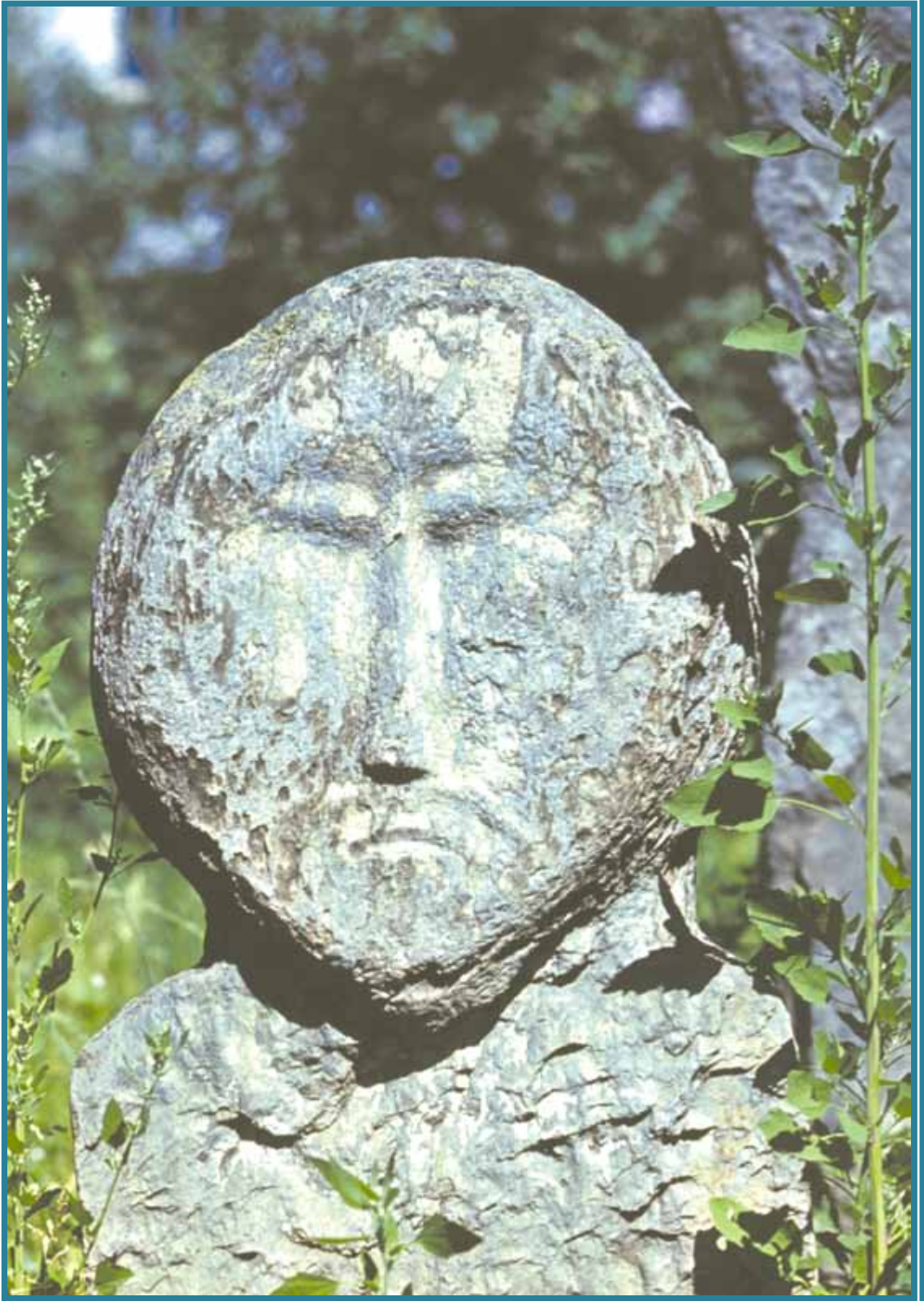
— Что это? — спросила я Петра Яковлевича.

— Отроги Белухи, Кучерла Баш.

— Ну конечно! — обрадовалась я. — Мы ведь облетели их на вертолете тогда, в августе 1974 года.

Солнце стояло уже низко, когда тропа пошла под уклон, а отвесные скалы отступили от реки, освобождая ее и давая простор высокой траве и пестрым цветам речной долины. Резкое стрекотание кузнечиков затихало, утомленно жужжали шмели, пересвистывались птицы, готовясь

Тюркская «баба»

Петроглифы Кара-Тюрека

Часть первая. ШАГИ ПЛЕМЕН

типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике... Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую нас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников — стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Синьцзяне, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспоминая Халристингары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и

Петроглиф Кара-Тюрека

ко сну. Постепенно свет угасал. На долину спускались сиреневые сумерки, и их отблеск мягко ложился на цветы, траву, деревья и превращал снега гор в легкий рисунок, сделанный на фиолетово-голубом полотне. На земле есть места, которые называют заповедными. Называют их так по разным причинам, чаще всего труднообъяснимым. Я не ошибусь, если скажу, что Кучерлинская долина там, где мы расседлали своих коней, тоже относится к таким местам. Было действительно что-то заповедное и тайное в неуловимом и тихом очаровании, которое пронизывало здесь все.

Тут же стояла почерневшая от времени скала, нависая своей верхней частью над сухой, утоптанной землей. Полускала, полупещера.

Ночью над долиной взошла полная луна, резкие тени кедров и лиственниц легли на траву и уснувшие цветы. Кучерла Баш засветилась бело-голубым светом и стала похожа на высокий сказочный замок, у подножия которого, казалось, был разбит огромный парк.

...Они стали появляться, как только первая струя воды попала на древний камень Кара-Тюрека. Сначала это был человек, немножко неуклюжий, но все-таки человек. Он поднял вверх обе руки, как будто сдавался или кого-то приветствовал. Потом появился олень, изящный и легкий. За ним сквозь камень проступили козлы, с мощными рогами, заброшенными на спину. Так я впервые увидела древние рисунки Кара-Тюрека. Или, как их еще называют, петроглифы. Их было немного, и они покрывали боковые и среднюю части скалы на уровне человеческого роста. Вода четко проявила их линии, утонувшие в темной окраске выветренного камня. И эти линии были совершенны. Здесь действовал строгий закон искусства — «ни прибавить, ни убавить». Ничего лишнего. Каждая линия несла свою нагрузку выразительности. Сколько тысяч лет жили рисунки в этой скале? Некоторые из них по стилю напоминали петроглифы ранних кочевников Алтая, тех пока еще не очень хорошо известных нам народов, которые создали свою удивительную культуру в первом тысячелетии до нашей эры. Другие, видимо, возникли еще до них. Может быть, даже в конце неолита, нового каменного века. Видел ли Рерих рисунки Кара-Тюрека? Ответить трудно. Но такая возможность не исключена. Один из конных маршрутов его экспедиции пролегал именно по этой долине. Петроглифы для Рериха были ярчайшим следом, оставленным прошедшими здесь народами. Он их исследовал и анализировал. Они нашли отражение в его творчестве. Картина «Знаки Гесэра» посвящена древним рисункам. Особое внимание Рериха привлекали круторогие козлы. Именно их он относил к периоду неолита. В своей книге о Центрально-Азиатской экспедиции он писал:

«Так уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим

складывать»⁶.

Круторогие козлы Индии, Монголии, Алтая. Они похожи друг на друга и по стилю, и по технике изображения. Не зря именно их Рерих написал в «Знаках Гесэра». В этой картине они превратились в некий символ древних народов, чем-то связанных друг с другом, в символ их общих путей. Но «не будем делать выводов», я бы добавила — поспешных.

От Кара-Тюрека вновь протянулись нити в большой и сложный мир Центральной Азии.

Алтайские «бабы», уникальные тюркские памятники раннего средневековья, тоже были связаны с этим миром. Они имели непосредственное отношение к переселениям и движениям народов. Рериха интересовала география этих памятников. Когда-то на Алтае их было много. Они стояли на трактах, в горных долинах, по берегам больших рек, в степях. Теперь становится все труднее найти такой памятник в его естественном состоянии. Алтай, если можно так сказать, сейчас «обезбавили». Время и невежество людей разрушали изваяния. Спасением оставшихся «баб» занимались археологи и музейные работники. Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск, даже районные центры Алтая имеют коллекции редчайших изваяний. Их там можно изучать. Но я мечтала найти «бабу» там, где ее воздвигли древние создатели. Удача с Кара-Тюреком настроила меня оптимистически.

Тюнгурский житель Некор Сайланкин обещал показать мне «камни с лицами», которые он видел неподалеку от слияния Ак-Кема с Катунью. Да, это были именно «камни с лицами», а не «бабы». «Баб» я видела в музее в Горно-Алтайске. Это были высеченные в камне фигуры, с намеченными руками и деталями одежды. Некоторые из них держали в руках загадочные чаши, на поясах других висели мечи. Здесь же все это отсутствовало. Только вертикальный камень-менгир с темным, древним лицом. Они стояли на расстоянии друг от друга, повернув странные бесстрастные лица с близко посаженными глазами в сторону солнечного восхода. И глаза эти выражали какую-то неведомую печаль и отрешенность, как будто какая-то неотступная мысль, много веков заключенная в камне, искала своего выхода и не могла найти. Не могла вырваться из этой каменной тюрьмы. Над зеленым холмом, где стояли эти одухотворенные кем-то менгиры, поднималась синяя гряда гор, а у его подножия вилась голубая река. Вдоль реки шла такая же древняя, как и эти таинственные камни, дорога. Снова что-то очень знакомое почудилось мне и в облике этого необычного горного ландшафта, и в этом сочетании сине-зеленых красок, и в этой гордой печали древних лиц. Конечно же картина Рериха «Страж пустыни». Там такие же синие горы и зеленые холмы. Над ними полоса догорающего закатного неба. И то же замкнутое печальное лицо, высеченное в камне. Только камню уже придана форма фигуры. Эти фигуры и

«камни с лицами» — такие, казалось бы, близкие друг другу и в то же время далекие. Что их разделяет? Время? Или, может быть, принадлежность к разным народам? Кто первый высек лицо на менгире? То самое лицо, которое позже превратилось вместе с менгиром в изваяние тюркского воина. А может быть, кто-то позже подражал этим изваяниям, высекая лица на грубых камнях? Такое ведь тоже могло быть. Есть гипотезы, есть предположения. Но трудно пока еще что-то сказать определенное. «Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов разбиваются на множество необъясненных подразделений <...> Оленьи камни, керексуры, каменные бабы, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили»⁷.

Это опять Рерих. «Но пути народов еще не явили». Чьи пути проходили по этой дороге над рекой Катунью, через эту зеленую и солнечную горную долину? Мы знаем лишь о немногих из них. Каменные лица менгиров повернуты на восток, туда, где вдоль дороги идут линии древних курганов, аккуратно выложенных камнями.

5. ШАГИ ПЛЕМЕН

...Она стоит на 381-м километре Чуйского тракта. Двухметровая стела, или менгир. Называть ее можно по-разному. Дело не в названии, а в чем-то совсем другом. Стелу венчает высеченная в камне голова.

Очень странная и необычная голова. Она не похожа на то, что я видела на «камнях с лицами» под Тургундой. Ее сделал кто-то другой. Некоторые считают, что тюрки. Но в ней нет ничего от тюркской традиционности. В ней нет черт этого народа. Поэтому она уникальна, таинственна и малообъяснима. Она стоит перед отвесной скалой, повернув свое неразгаданное лицо к восходу солнца. Между нею и шумящей внизу Чуей пролегает древний путь. Может быть, самый древний из всех путей, которые мы знаем. Теперь он называется Чуйским трактом.

Голова эта удивительно органично слита с грубым, почти не обработанным камнем. Ее нельзя отделить от него. Вне его она не будет существовать. Линии этого камня причудливы и неожиданны. Поэтому порой кажется, что это не камень, а развевающийся плащ. И еще кажется, что камень был человеком. Человеком из иного, далекого времени, человеком, пережившим неповторимую и странную судьбу. Он взял на себя какую-то очень тяжелую, но вместе с тем и необходимую миссию. Она заставила его, идущего вместе

Стела на 381-м км Чуйского тракта

со своими соплеменниками по этому древнему пути, остановиться, сойти в сторону, чтобы навечно застыть в камне. Ибо только камень был в состоянии донести до грядущих неведомых поколений облик, характер, стремления и судьбу прошедшего по этому пути народа. И во имя сохранения памяти об этих ушедших один из них согласился стать камнем. Представлял ли он, на что шел? Была ли в его сердце какая-нибудь надежда? Конечно, была. Надежда на то, что они снова сюда вернуться. Они должны были прийти с востока, и он ждал их, повернув лицо туда, где каждое утро алела полоска зари. Сколько прошло веков? Уже другие шли по древнему пути, вдоль берега шумящей реки. У них были иные лица, иная одежда. Они говорили на чужом ему языке. Он остался один в этом незнакомом и быстро меняющемся мире. Один из тех, навсегда ушедших. Он долго их ждал и ждет до сих пор. Века безнадежного ожидания меняют даже камень. И поэтому так скорбно сжаты тонкие губы ждущего, так много печали скопилось в каменных глазницах. В нем что-то неуловимо напоминает сфинкса Египта, который, может быть, тоже ждет...

И когда вы уходите от древней печали этих глаз и начинаете рассматривать обратную сторону этой необычной стелы, то вас ожидает еще одно открытие. Рисунки. Грифон, какое-то странное животное с телом лошади и оленьими рогами. Меч. Так рисовали алтайские кочевники скифской эпохи. Имеют ли эти рисунки отношение к тому, кто застыл в камне? Пока сказать определенно нельзя.

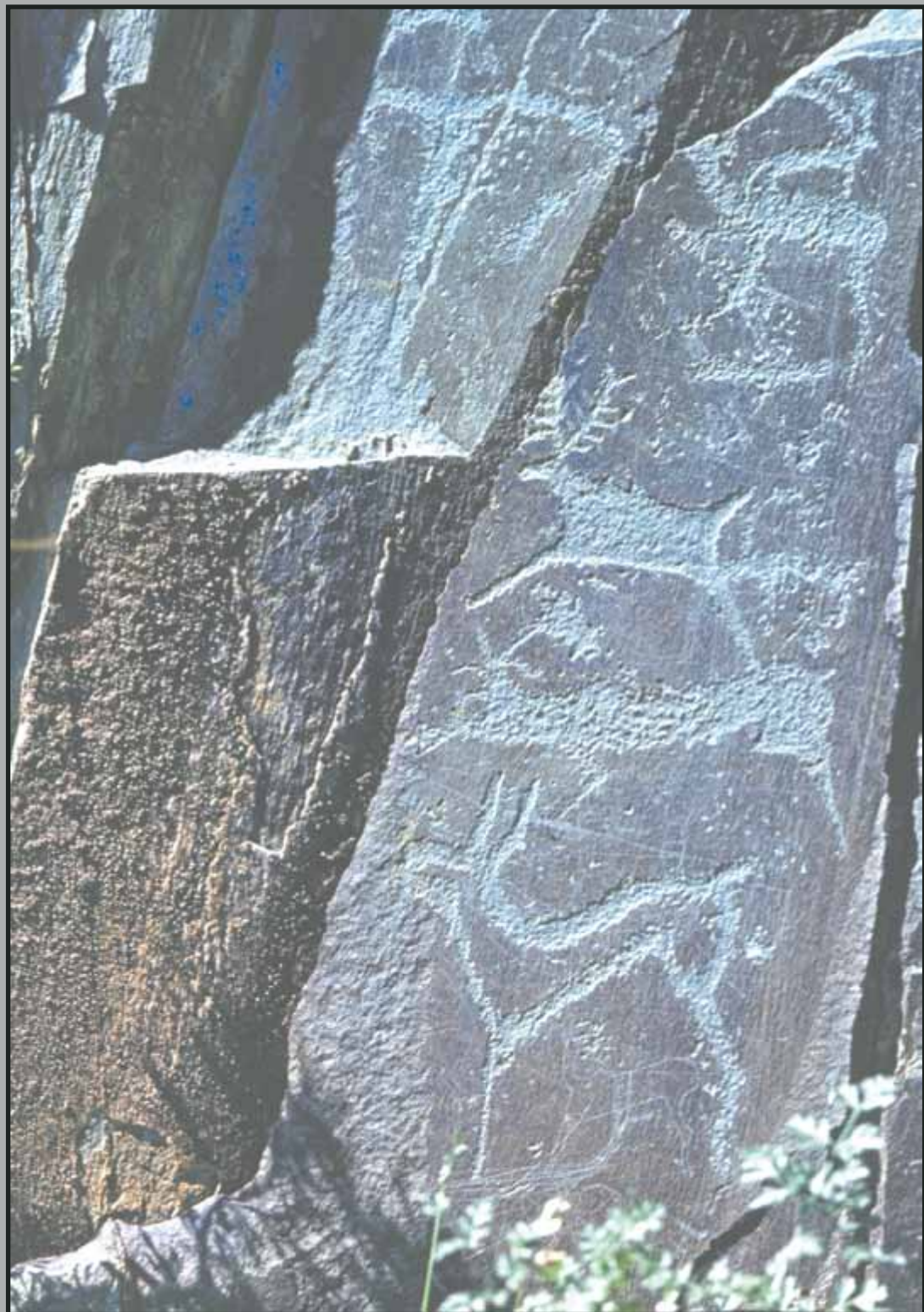
На отвесной скале позади стелы опять рисунки, но какие-то другие. Олени с рогами-елочками, косули, бараны, колесницы, люди. Кто-то оставил их здесь. Возможно, те же ранние кочевники, чьи курганы и менгиры идут вдоль тракта. Каждый народ оставлял здесь о себе память. Память в камне, память в земле. Память в оставшихся после них словах. «Столько много народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаги племен уходят и приходят»⁸. Шаги племен. Скифы, гунны, тюрки. Эти условные названия скрывают множественность и многообразие прошедших здесь народов. Они катились по этому тракту, волна за волной, на протяжении многих веков. Одни шли на восток, устремляясь туда, к неприступным снежным горам. Другие двигались на запад, к обширным равнинам Сибири.

Древняя дорога была похожа на гигантскую артерию, в которой толчками пульсировала молодая горячая кровь кочевого мира. И кровь эта временами вливалась в устоявшиеся миры оседлости, стремительно меняла их, омолаживала и поселяла в них тревожную мечту о неизведанных землях и вечном движении. Откуда рождалось желание этого движения? Того движения, что гнало век за веком по алтайскому тракту через горы и перевалы, через сухие степи многие тысячи людей? Говорят, что движение народов всегда обусловлено целесообразностью. Ими двигала жажда завоевания новых пространств, поиски тучных пастбищ. Богатства более удачливых соседей тоже были побудитель-

Северо-Чуйский хребет

Древние петроглифы на Чуйском тракте

ной силой этого движения. Но только ли это? Можно ли сложнейший и богатейший процесс движения народов объяснить только такой целесообразностью? А не было ли в этом еще какой-то силы, которая так легко позволяла сниматься с насиженного места и устремляться в неведомое? Той силы, которая таится где-то внутри каждого человека и нередко движет его поступками. Определить ее однозначно нельзя. Как нельзя однозначно определить психологию человека. В ней заключено множество компонентов. Освобожденность, стремление увидеть новые места, необъяснимая привлекательность дали, желание познать неведомое, наивная попытка преодолеть черту таинственного горизонта... Мне кажется, что все это несли в себе кочевники. И если целесообразность двигала их телами, то эта сила владела их душами. Поэтому столь долгим и неотвратимым было их передвижение.

Давно затихли шаги прошедших племен, века и необозримые пространства поглотили их живые следы. Древний путь превратился в широкое асфальтированное шоссе Чуйского тракта. На тракте день и ночь гудят грузовики, автобусы, легковые машины. Тракт — основная транспортная артерия Горного Алтая. По ней идут грузы в соседнюю Монголию и из Монголии. Вдоль нее тянутся провода высокого напряжения и телефонные кабели. В 1926 году тракт выглядел иначе. Но Рерих о нем не писал. Его экспедиция не проходила по этому главному пути движения народов через Алтай. Николай Константинович предпочел параллельный, на мой взгляд, второстепенный путь. Но это только на мой взгляд, я пока не знаю побудительных мотивов, заставивших Рериха, для которого проблема переселения народов была одной из основных, пойти другим маршрутом. А они, эти мотивы, конечно, были. И оттого, что я о них не знаю, они не становятся менее важными и значительными. Ибо Рерих знал, что делал. Случайности и неожиданно возникшие трудности не влияли на его решения. Они всегда были правильными и приносили нужные результаты. Значит, второстепенный путь был в чем-то важнее главного. Но чем? Что он надеялся там обнаружить и чего достичь? Может быть, не только переселение народов его интересовало, а и что-то другое, что пока от нас скрыто. Но как бы то ни было, проблема загадочного отклонения экспедиции от главного пути возникла и требует объяснения. Думаю, что со временем оно придет...

Но я попала на Чуйский тракт. «Проведите линию, — писал Рерих в экспедиционном дневнике, — от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов»⁹.

Мы едем по Чуйскому тракту уже второй день. И проедем еще пять. Тракт непередаваемо красив. Представьте себе ленту дороги, которая вьется среди синеющих гор, идет по обрывистым берегам быстрых рек, подходит вплотную к отвесным скалам, взбирается на перевалы и

спускается с них, устремляясь к белеющим вдали снежным хребтам. Эти хребты надвигаются на тракт, и кажется, что дорога сейчас упрется в них, остановится и прекратит свой извечный бег. Но ничего подобного не происходит. Снежные вершины постепенно отодвигаются к горизонту и дают простор Курайской степи, которая приветствует давнишнего своего друга — дорогу — феерией красок. Степь образует самые неожиданные сочетания холмов, невысоких гор и обнаженных скал. По ним бегут тени облаков, и от этого желтая, зеленая, лиловая, сиреневая окраска гор и холмов неуловимо меняется, цвета незаметно переходят один в другой, порождая множество неожиданных и немислимых оттенков. А дорога стремится дальше, мимо Северо-Чуйского хребта к Кош-Агачу. За Кош-Агачем она делает резкий поворот к югу и через просторные речные долины уходит к Ташанте, а затем, пересекая государственную границу, исчезает в горах и степях Монголии.

Мы едем по этому тракту целую неделю и ищем следы прошедших здесь племен и народов. Мы находим их везде и вдоль самого тракта, и в долине Каракола, и между реками Барбугазы и Юстыд. Стоит только внимательно присмотреться, и вы сразу замечаете древние курганы. Они очень

Алтайские менгиры

Грифоны. Звериный стиль

разные: насыпанные из камней, большие и малые, просто каменные круговые выкладки, погребения, отмеченные менгирами и без них. Многие погребения были ограблены еще в древности, другие — в наше время. Неистребимое племя кладоискателей и охотников за сокровищами много веков подряд отбивает хлеб у археологов.

С курганами соперничают вертикальные камни менгиров. Большие и малые. Одиночные и расположенные компактной группой. Целые аллеи менгиров, уходящие туда, где восходит солнце. Реже попадаются стелы, те же менгиры, но выше. Иногда до четырех метров. На них высечены боевые топоры, мечи, а иногда три таинственных круга, которые позже стали символом на Знамени Мира Рериха. Наибольшее впечатление производили курганы Туэкты. Сложенные из камней, покрытых темной патиной времени и разноцветными лишайниками, они возвышались в тихой солнечной долине на окраине поселка. Вокруг них расстилалось поле, и ветер волнами пробегал по не созревшему еще овсу.

Погребения такого типа давно привлекали внимание археологов. Еще в конце XVIII — начале XIX века их копал русский археолог П.К.Фролов. В 1865 году В.В.Радлов раскопал катандинские курганы, в 1911 году А.В.Адрианов изучал погребения на реке Майэмире. Советские археологи продолжили. В 1927 году М.П.Грязнов провел раскопки в долине Урсул. С.И.Руденко занимался алтайскими курганами с 1929 года и в 1954–1955 годах раскопал первые погребения в Туэкте. Почти каждое лето на Алтае ведут работы археологи Новосибирска и Горно-Алтайска. Постепенно каменные могилы отдают свои тайны. Год за годом в Эрмитаже растет коллекция найденных реликвий. Чьи же останки выдают эти погребения?

Их называют скифами, саками. В древности называли «грифами, стерегущими золото». Теперь все чаще осторожно величают ранними кочевниками. Они были кочевниками-коневодами. Европеоидные по своему типу, они говорили на диалектах североиранской языковой группы и занимали огромную территорию евразийской степи от Карпат до Памира, Тянь-Шаня и Алтая. Это был целый кочевой мир со своей культурой, организацией, занятиями. О них написано уже много и будет написано еще больше. Поэтому нет смысла пересказывать то, что каждый может прочесть. Что же нашли в этих погребениях? Вещи, принадлежавшие мертвым, которые, по мнению живых, нужны были им в «ином мире» так же, как и в этом. Одежда, оружие, украшения, предметы домашнего обихода, конская сбруя и многое другое отдал в руки археологов «иной мир» древних могил. Керамика, ткань, кожа, дерево, бронза, золото, железо служили материалом для этих вещей. Они были разными по форме и по назначению. Но искусство объединяло их в одно целое. В искусстве господствовал знаменитый «звериный стиль» кочевников евразийских степей. Тот самый стиль, который оставил свой след в культуре множества более поздних народов, от Китая до Европы.

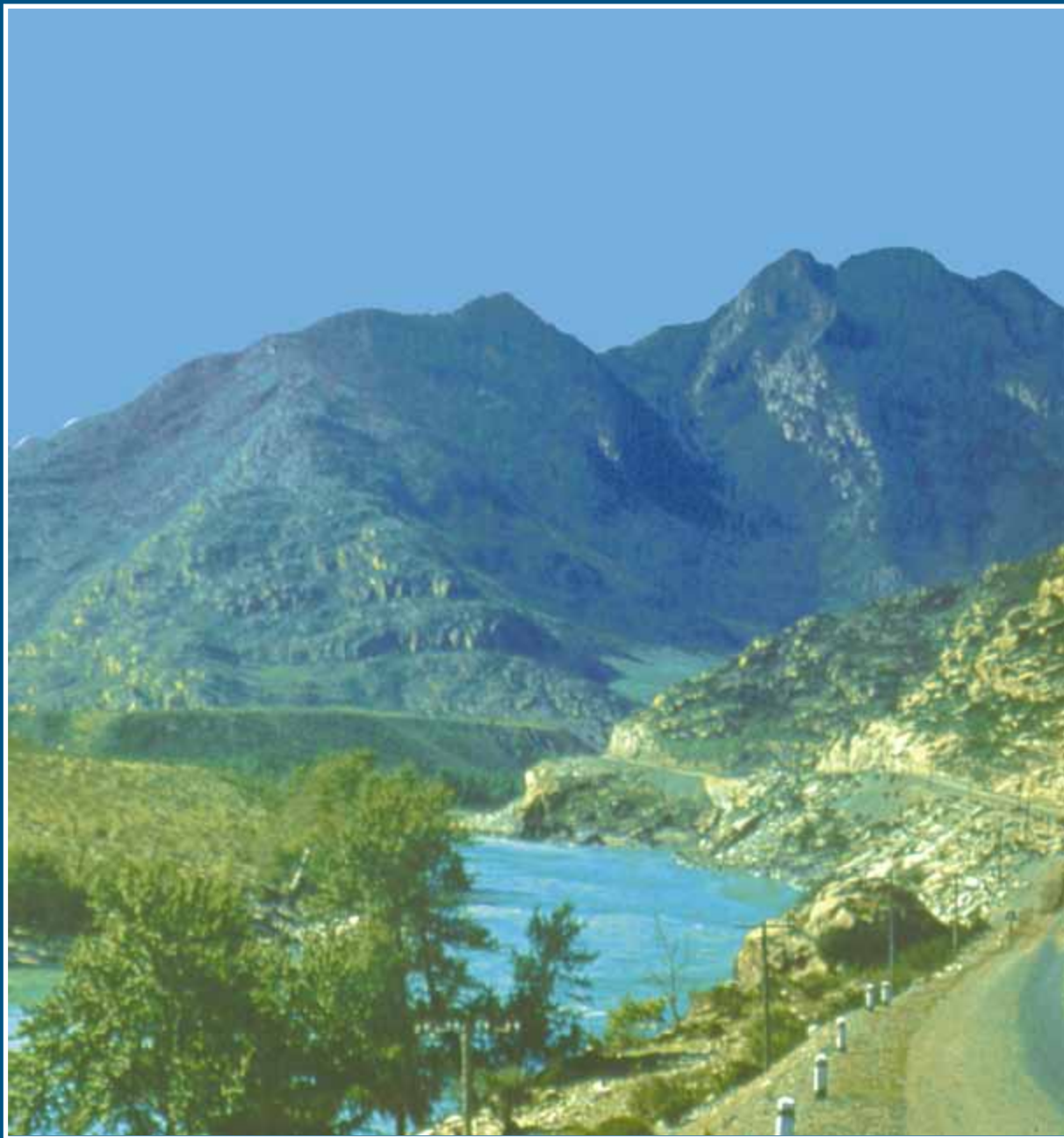

Курган в Туэкте

Часть первая. ШАГИ ПЛЕМЕН

с другими зверьми они совершенствовались из поколения в поколение, заимствуя друг у друга и отбирая наиболее удачные изобразительные приемы»¹⁰.

Все здесь сказано верно и очень хорошо, но может быть отнесено

В алтайских курганах он был представлен в наиболее чистой, классической форме. Многочисленные изделия, найденные в погребениях, были украшены изображениями животных. Олени, горные козлы, горные бараны, лоси, тигры, волки, лошади, орлы, петухи, лебеди...

Фантазия древнего художника нередко сочетала в удивительных комбинациях зверей и птиц. Поэтому у тигра вырастали крылья, а у орла — звериные уши. Но эти сочетания были столь художественны и гармоничны, что казалось — такие птицевзвери существуют и в природе.

Теперь позволю себе привести цитату из книги археолога М.Грязнова.

«Кочевники Алтая, — пишет он, — хорошо знали зверей со всеми их повадками и особенностями, так как они много занимались охотой на дикого зверя не только ради промысла, но и в качестве военно-спортивных упражнений. Естественно, что зверей они изображали любовно, проявляя при этом острую наблюдательность охотника. Искусство изображать зверей в их характерных позах, в движении, в ожесточенных схватках

На Чуйском тракте

«звериный».

Существует удивительное единство художественного изображения в этом стиле. Только человек, ощутивший это единство своими мышцами и телом, смог так точно его передать. Этому единству научила его лошадь, подарившая ему счастье динамичного единения с ней. В каждом звере, сделанном мастером-кочевником, незримо, а иногда и зримо живет лошадь. Живут ее дух, ее линии, ее движения. У оленей по-лошадиному крупно раздуты ноздри, у птиц удлинненные конские глаза... Эти звери украшали конскую сбрую. Лошадей украшали многие народы. Расписные и резные седла, шитые золотом чепраки, тяжелые накидные уздечки, узорчатые, причудливые налобники, но ничто так не гармонировало с сильным совершенным телом лошади, как сбруя, украшенная алтайскими древними мастерами.

На Алтае «звериный стиль» сохранялся очень долго. В других местах его «размывали» иные влияния. Как «размывало» греческое влияние позднее искусство причерноморских скифов.

Когда я бываю в Эрмитаже, то захожу в те залы, где хранится коллекция, собранная в алтайских курганах. Я внимательно смотрю на все эти вещи. И каждый раз у меня перед глазами возникает напряженное, стремительное и совершенное тело лошади, несущейся по степи, туда, к синим горам Алтая...

6. ГОРА СОЛНЕЧНОГО ОЛЕНЯ

Чуйский тракт был главной артерией, которая соединяла Алтай с Центральной Азией. Тысячелетиями по нему текли народы, о которых мы помним, и те, память о которых уже стерли века. Но все они оставили после себя знаки. И не только на самом Чуйском тракте. Путь древних переселенцев был обширнее, нежели эта главная артерия. Тракт служил им ориентиром, который проложила река Чуя. Но от Чуи отходили притоки, и по этим притокам, вблизи воды, шло множество дорог, каждая из которых была частью древнего пути. Одним из таких притоков был Елангаш, берущий начало в снегах Южно-Чуйского хребта. Здесь тоже проходил путь в далекую Монголию и дальше, в Китай. На альпийских лугах высокогорного плато сошлись культуры Внутренней Азии, Переднего Востока и Южной Сибири. Отсюда шли пути через Сибирь в Европу. Караванные и кочевые тропы среди красно-коричневых скал и валунов образовали исторический перекресток во Времени и Пространстве. Перекресток, где проходящие народы и эпохи оставили таинственные и еще не разгаданные письмена-петроглифы.

К реке Елангаш мы прибыли уже в темноте. Остановились около бревенчатой избушки чабана. Избушка была пустая. Прямо над нами в звездном небе нависал темный массив гор. Внизу, в каменистом ложе, шумела река. Дул ледяной ветер. Мы находились на высоте около трех

не только к ранним кочевникам Алтая. Охота была самым древним занятием человека. И первые, еще неумелые рисунки, сделанные нашим далеким предком на камнях пещеры, изображали знакомых ему животных. В рисунках проявлялись и острая наблюдательность, и знание повадок животных. Но то, что позже назвали «звериным стилем», в этих петроглифах отсутствовало: не было четкости и лаконичности. Некоторые склонны объяснять появление такого стиля влиянием высоких цивилизаций стран Древнего Востока и их художественных культур. Вряд ли можно отрицать такое влияние. Кочевой мир евразийских степей был подвижен и деятелен. Пространства, отделявшие его от других народов, не были особым препятствием. Стремительные лошади легко преодолевали их. И кочевникам были знакомы Передняя Азия, Иран, Индия и Средиземноморье. Оттуда приходили в степи и горы иные сюжеты и иные звери, иное мастерство. Но и это влияние не может объяснить появления «звериного стиля». Его истоки надо искать в самом мире кочевников, в чем-то характерном только для этого мира. Таковой была лошадь. Та лошадь, на которую сажали кочевника, как только ноги его делали первые, еще неуверенные шаги по земле. Та лошадь, которая становилась для него на всю жизнь другом и уходила вместе с ним во тьму и неизведанность «иного мира». Та лошадь, с которой он сливался и от которой был неотделим, когда стремительно преодолевал степные и горные пространства. Та лошадь,

чьей силой, совершенными пропорциями он не уставал любоваться. Короче говоря, лошадь для него была всем и через нее он постигал мир с момента рождения и до самой смерти. И в этом многообразном и несущемся ему навстречу мире ничего не было прекраснее той же лошади. Лошадь становилась для него эстетическим мерилom. Для художника, пробуждающегося в нем, не было на всем свете более высокого критерия, чем совершенство лошади. Им мерил он свое достоинство, свои человеческие качества, свое чувство прекрасного. И поэтому во все, что он создавал, он невольно переносил лошадь.

Еще связанный с миром далекого прошлого, ощущая свои корни в этом прошлом, он, как и его далекий предок, изображал зверей. Он вырезал их из дерева, выковывал из золота, выкраивал из кожи, выкалывал на сильных телах воинов. Но это уже были иные звери. Он перенес в них, не нарушая гармонии, стремительность и выразительность лошадиного бега. Он увековечил в них реальность лошадиных мышц, их экономичную лаконичность и завершенность линий. Именно лошадь и породила особый стиль,

Долина реки Елангаш

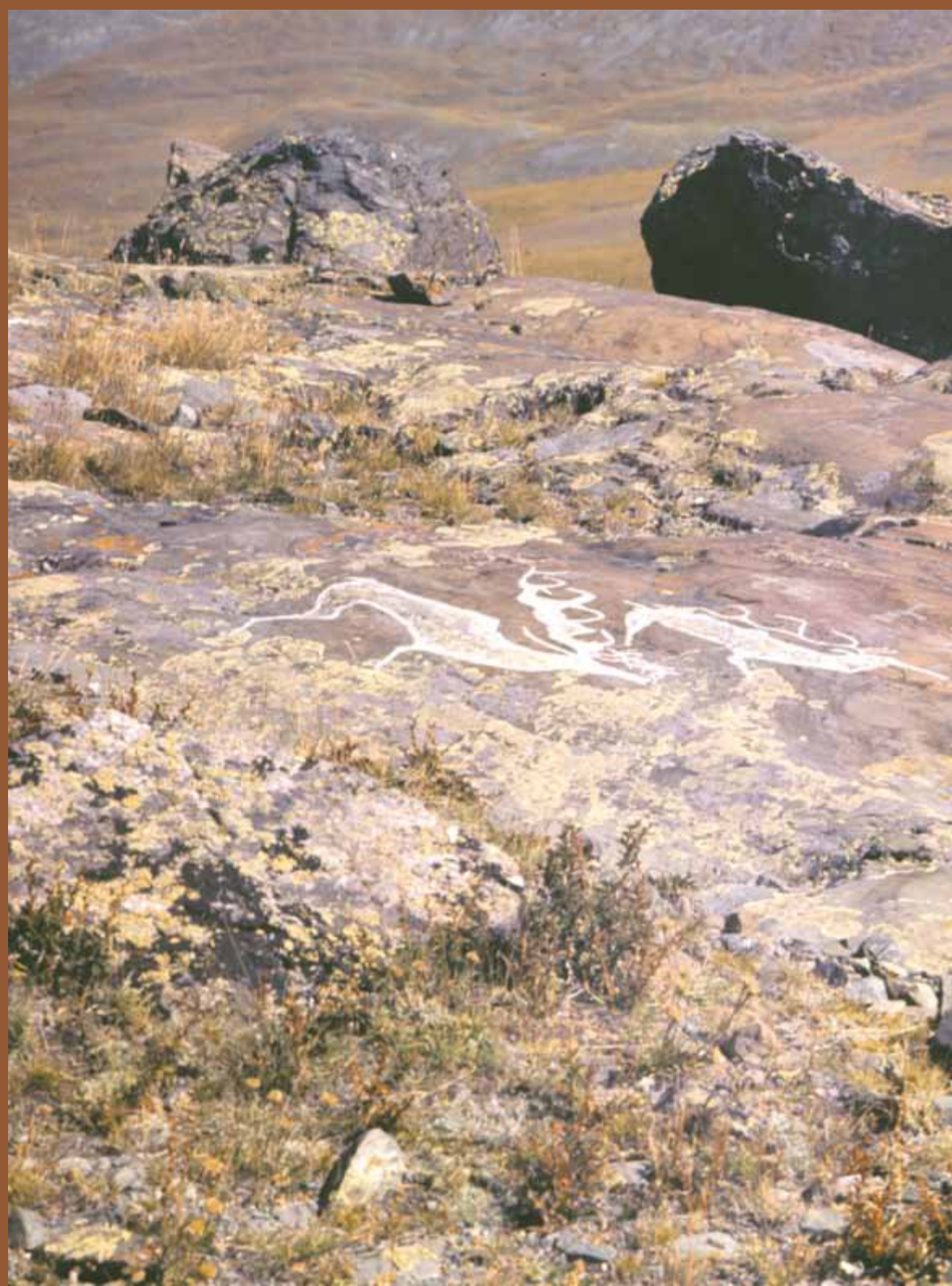
тысяч метров над уровнем моря. Я заснула с надеждой на утреннее чудо. Чудо же застыло каменной скалой на том берегу реки, где-то неподалеку от чабанской избушки. И только один человек среди нас, Володя Елин, знал точно, где оно находится. А потом наступило утро. На траве лежал иней, и его хрупкие хрусталики разноцветно вспыхивали в лучах восходящего солнца. Прямо перед нами, врезанная в синеву неба, стояла снежная скругленная вершина. Она упиралась основанием в узкую каменистую долину, похожую на ущелье. Красновато-коричневые выходы древней породы причудливых очертаний придавали всей долине суровый и отрешенный облик. И в этой тяжелой массе снегов, в этих голых камнях и скалах было что-то от застывшей вечности, от давления прекратившего свой бег времени. И только легкая и бесстрашная пляска солнечных лучей свидетельствовала о чем-то ином, о другом, прекрасном и недосыгаемом мире, к которому стремились эти горы и камни, но, не преодолев своей тяжести, застыли обреченно и тяжко.

Красноватые отполированные временем глыбы начинались сразу у зеленой травы. Они полого поднимались вверх, заслоняли собой кусок синего неба и упрямо и самонадеянно утверждали себя в центре этой каменистой долины.

— Это здесь, — сказал Володя, кивая на гору. — Нужно только немного подняться.

Я стала спокойно подниматься, ибо не знала, что все произойдет так быстро и неожиданно. Из-под неосторожно поставленной мною ноги вдруг вырвался всадник и, туго натянув лук, устремился за убегающим оленем. Олень был чем-то похож на птицу. Он летел по коричневатой патине времени, забросив на спину ветвистые рога. Я отдернула ногу, но она повисла в воздухе, потому что пространство, предназначенное ей, было занято мирно пасущимся яком. Очень задумчивым и грустным. Он помахивал хвостом, на конце которого была трогательная кисточка. С безнадежностью человека, не имеющего выхода из положения, я посмотрела вверх, на каменистые выступы горы, и вдруг ясно осознала, что попалась. Выхода действительно никакого не было. Вся панель огромной горы, сверху донизу, оживала на глазах, двигалась и дышала. Дышала древностью, неведомой и давно ушедшей жизнью. Ее звуки, освобожденные из каменного плена веков бесстрашием солнечных лучей, наполнили мои уши. Я слышала прерывистое дыхание мчавшейся лошади и протяжный крик всадника с луком. По камням прогрохотала колесница, издали донесся звон колокольчиков каравана, захлебывались лаем охотничьи собаки, призывно трубили олени, хрипловато и тревожно блеяли горные козлы. Потом звуки стали куда-то уходить, исчезать. И, как бы растворяясь в этой каменистой пустыне, они возвращались в камень, замолкали, оставляя после себя лишь звонкое эхо тишины.

Рисунки, покрывавшие гору, были очень разные по стилю: неумелые и угловатые, похожие на детские, старательные и добросовест-

Петроглифы на реке Елангаш

Петроглифы Елангаша

ные, выполненные со знанием техники, точные и динамичные, где чувствовался полет мысли и руки. Разный уровень мастерства, разные художники. Разные века, разные эпохи. Разные народы. Там были петроглифы неолита, творения ранних кочевников, там присутствовали образцы скифского «звериного стиля» и искусства тюрков.

Мое внимание привлекли олени, несущие на рогах солнце. Это о них Алексей Павлович Окладников сказал удивительно точные и поэтические слова: «Летающие в космос птицеголовые мифические олени на этих изваяниях сопровождаются изображениями литых бронзовых дисков зеркал. Каждое такое сияющее зеркало означает солнце. И не случайно у солнечных оленей Монголии и Забайкалья зеркало-солнце вырастает прямо из этих ветвистых рогов, указывая тем самым на космическую природу священного зверя древних кочевников Евразии». Этим академик Окладников подтвердил предположение Рериха о том, что среди кочевников, проходивших по Монголии, Алтаю, Тибету, существовал культ солнца. Сама же гора на Елангаше являлась своеобразным святилищем, где самые разнообразные культы оставили свои следы.

Неолитические козлы, забросившие на спину изогнутые рога, свидетельствовали о глубокой древности. Николай Константинович Рерих в своих путешествиях упорно обращал внимание на этот знак, связывая с ним какие-то очень важные передвижения древних народов. Святилище на Елангаше, по-видимому, возникло еще до того, как появились народы, населяющие теперь Алтай. «В то время, когда складывался народный алтайский эпос, такие основы мировоззрения его творцов, как генеалогические легенды, мифы о происхождении Вселенной, представления о вечной борьбе добра и зла, были уже запечатлены на камнях Елангаша»¹¹.

Создатели этой горы-галереи поклонялись не только солнцу. Они поклонялись искусству и красоте, полнокровности и стремительному движению жизни. Возможно, у них были и свои боги, чьи имена не донесло до нас время. Но на рисунках я не смогла отличить богов от людей... Для себя я назвала это древнее святилище Горой Солнечного Оленя.

7. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, РАЗРЕШИВШИЕ СОМНЕНИЯ

Алтайский маршрут Центрально-Азиатской экспедиции был мною завершён в лето 1976 года. У меня не возникло тогда сомнений

в правильности сделанного. Алтай открыл передо мной целый мир, который был частью того, чем занимался и над чем работал Рерих. Я считала, что все те проблемы, о которых он писал в экспедиционных дневниках, имеют перспективу, они только

начало того исследования, которое нужно продолжать. Так думала я. Но другие так не думали. И поэтому меня спрашивали — зачем это надо было делать? Идти по пути экспедиции, которая состоялась полвека назад и сделала все, что ей было положено. Нужно ли было искать ее прошлые следы?

Прошлое... Оно бывает разное. Чем определяется его значимость? Чем измерить смысл прошлого деяния? Думаю, не ошибусь, если скажу, что смысл и значимость прошлого заключены в его связи с настоящим и будущим. В той неразрывной связи, которая по-инному заставляет нас осмысливать наше настоящее и яснее видеть будущее. Обладало ли этим свойством все то, что удалось сделать Рериху пятьдесят лет тому назад во время

Пантера. Бляха

его Центрально-Азиатской экспедиции? На это можно ответить утвердительно. Но, возразят мне, а где же доказательства? Доказательства? Вот они.

В октябре 1976 года в Новосибирске проходила не совсем обычная конференция, организованная Сибирским отделением Академии наук СССР. В ней участвовали люди самых разных специальностей: археологи и историки, востоковеды и биологи, искусствоведы и физики, философы и архитекторы. Конференция называлась «Рериховские чтения» и была посвящена пятидесятилетию сибирского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. Столь разнообразный состав участников конференции свидетельствовал о множественности научных интересов самого Рериха и о значительности сделанного им в каждой из этих областей человеческих знаний. Наиболее интересной частью конференции были блестящие сообщения сибирских археологов и историков: академика А.П.Окладникова, докторов наук В.Е.Ларичева и Н.Н.Покровского, научного сотрудника В.Д.Кубарева. Они сумели доказать, что рериховские исследования в области археологии Сибири и Алтая и его изыскания в области переселения народов имеют актуальное значение для ученых наших дней. За годы, про-

*Пластина с изображением сцены
борьбы тигра и фантастического волка*

шедшие со времени Центрально-Азиатской экспедиции, сибирские археологи сделали очень много. Я не буду всего перечислять. Это уже отдельная тема. Собран огромный материал. Мы были свидетелями их открытий, полки научных библиотек пополнялись их великолепными исследованиями. Но и в этой ситуации, оказывается, рериховские предположения и гипотезы не утратили своего значения. Более того, по мере расширения наших знаний об Алтае и Сибири они приобретают все больший смысл и истинность. Алексей Павлович Окладников, один из крупнейших ученых нашей страны, счастливый обладатель удивительного «археологического» таланта, назвал эти предположения и гипотезы Рериха «археологическими грезами». На мой взгляд, назвал очень точно, ибо грезы всегда могут стать реальностью. И поэтому академик Окладников сказал: «Мы идем за ним». Еще лет десять тому назад рериховская классификация наскальных рисунков на неолитические и более поздние не воспринималась археологами. Теперь эта классификация подтверждена последними открытиями академика Окладникова. В те далекие годы Николай Константинович Рерих высказал смелую догадку о том, что во время великого переселения народов готы, сыгравшие свою роль в европейской истории, шли с Востока на Запад, через Алтай и Сибирь и, возможно, Гималаи были их прародиной. Осторожно относясь к самой догадке, академик Окладников тем не менее считает, что в этом направлении необходимо вести исследования. В последнее время в Средней Азии, на Алтае, в Монголии были найдены наскальные изображения боевых колесниц, датируемые II тысячелетием до нашей эры. Это был период широкой экспансии индоевропейских народов в Центральной Азии. И возможно, предположения Рериха имели свои основания.

Полевой сезон 1976 года принес новосибирским археологам немало удач и находок. Обнаружены галереи древних рисунков, раскопаны могильники алтайских скифов, в реликвиях которых ярко проявил себя знаменитый «звериный стиль», пополнена коллекция уникальных староверческих рукописей.

На Юстыде, под стелой с таинственными знаками, Владимир Дмитриевич Кубарев раскопал святилище бронзового века. Ему везет не только на святилища. Он главный «добытчик» скифского золота. Пополняются коллекции, расширяются знания. «Грезы» становятся реальностью.

Теперь, после того как я все увидела и услышала, я могу ответить на тот давний вопрос. И ответить с уверенностью. Да, по пути экспедиции Рериха стоило идти. И нужно было идти. Ибо экспедицию организовал и вел человек необычный, всей значимости которого мы еще не постигли...

Поэтому я продолжила свой маршрут. Он теперь уходил на юг,

Часть первая. ШАГИ ПЛЕМЕН

туда, где древний путь пересекал границу Монголии.

Н.К.Рерих. Ойрот – посланник Белого Бурхана

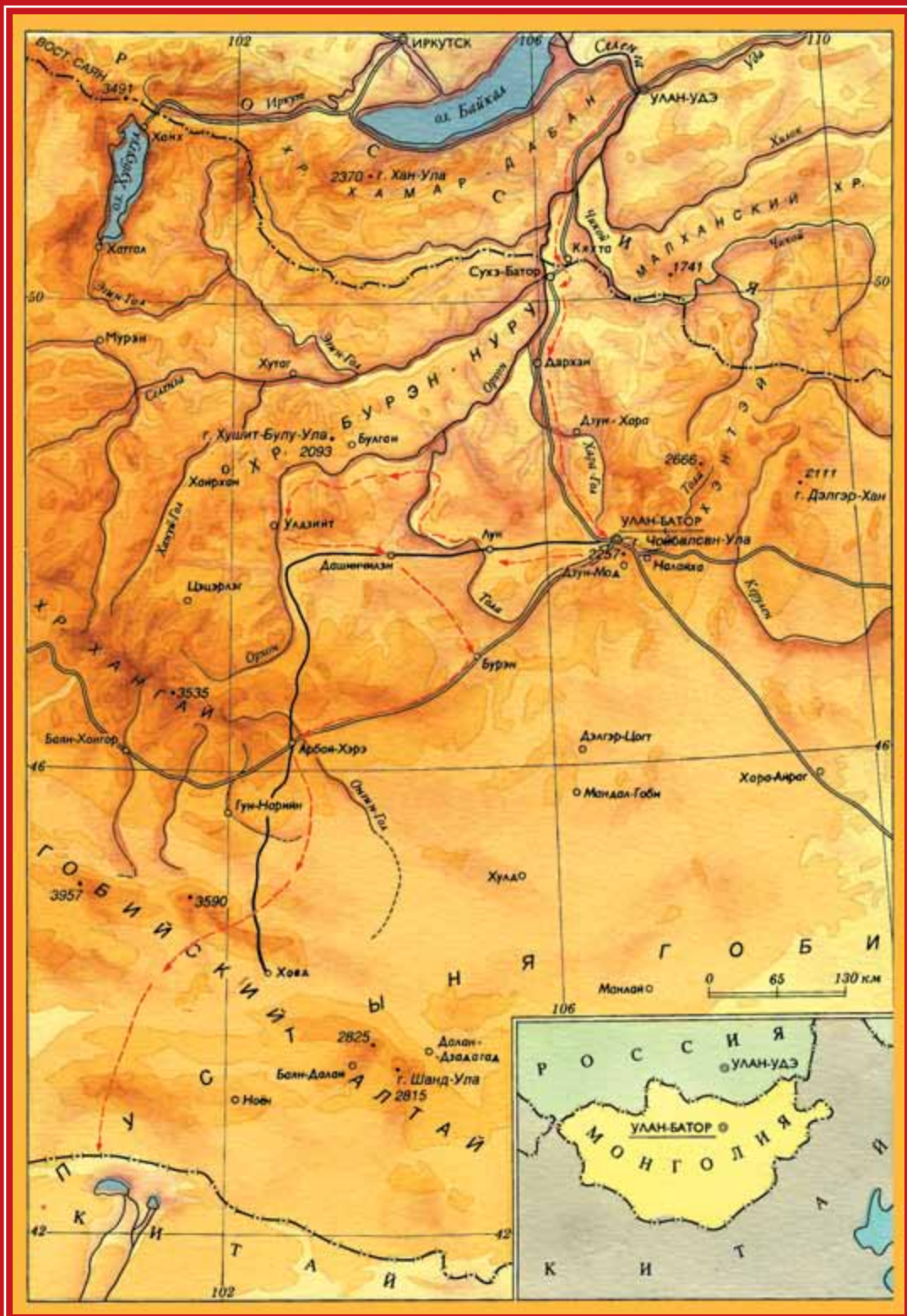

II. ДОРОГА ВЕЛИКИХ СТРАННИКОВ

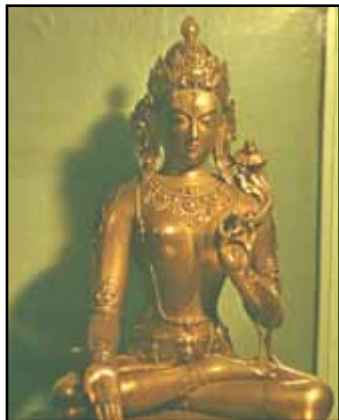
Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Обглоданными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов, где проходили великие путники, народы переселений. Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культы.

Н. К. Рерих. Сердце Азии

Маршрут автора по Монголии

1. ВЕЛИКИЙ ВСАДНИК

Два сотрудника музея в шелковых дэли осторожно спустили картину по лестнице, вынесли во двор и прислонили к шершавой каменной стене. День был ясный, солнечный, и картина сразу вспыхнула всеми красками. Красный конь, легко касаясь копытами розовых облаков, стремительно несся по густо-синему небу. Всадник, пригнувшийся к луке седла, громко и призывно трубил в раковину. Внизу, под розовыми облаками, вставала синяя гряда гор, а неподалеку от них, в зеленой степи у большой юрты, на ковре сидели люди в ярких монгольских халатах-дэли. Картина звучала. Звучала

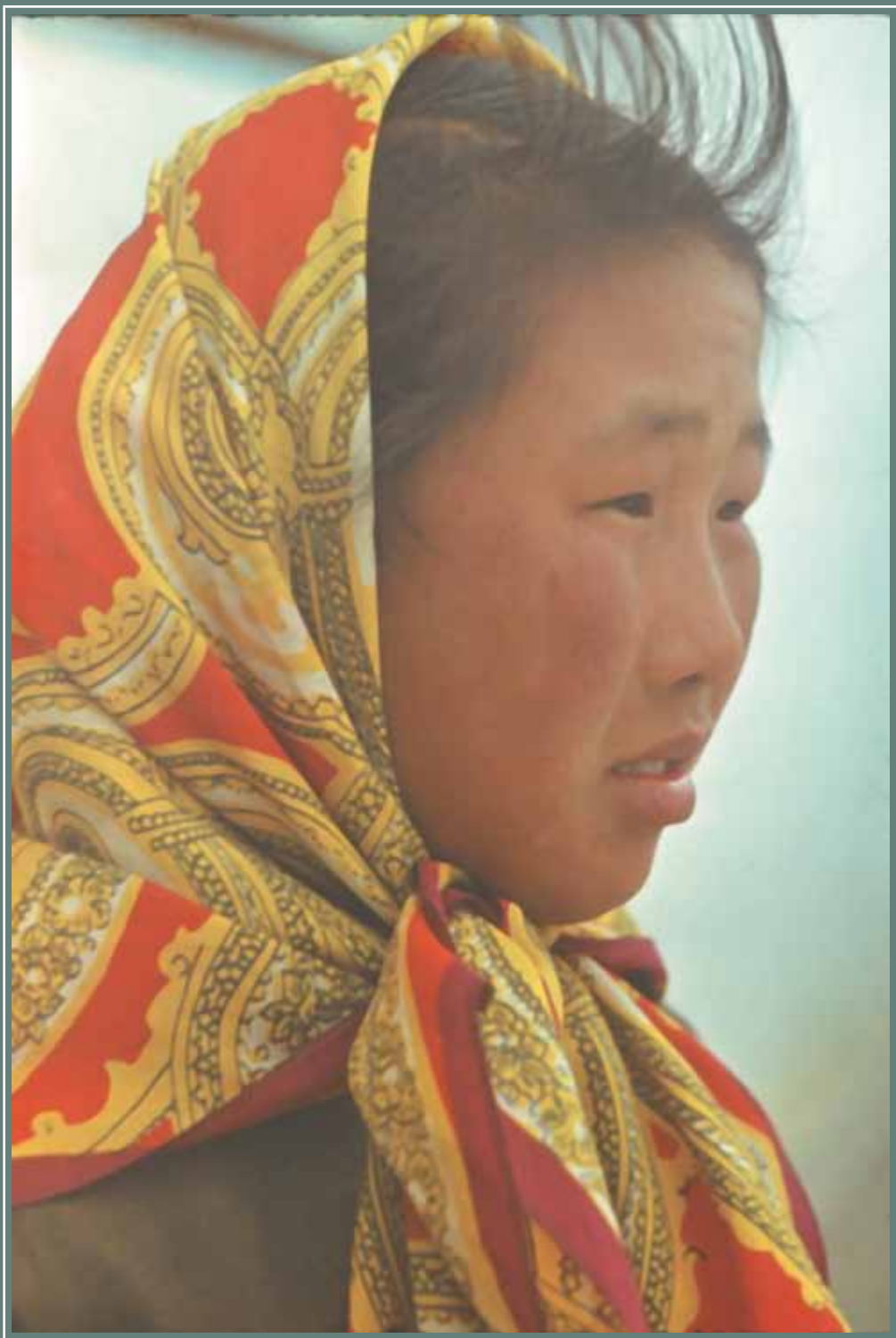
красками, стремительным бегом лошади и низким, протяжным голосом раковины. Я прислушивалась к этому звучанию, и мне казалось, что стоящие рядом со мной тоже слушают картину. Не только смотрят, но и слушают. Один из них, помоложе, в лиловом дэли, осторожно прикоснулся к картине тонкими длинными пальцами.

— Ригден-Джапо, — сказал он. — Владыка Шамбалы. А здесь, — и снова тонкие пальцы коснулись полотна, — заседает Хурал. Великий Хурал революционной Монголии.

От этой звучащей картины было трудно оторвать взгляд. Все в ней притягивало — и всадник с лицом, напоминающим храмовую маску, и полыхающие розово-красным огнем облака, и красные сказочные птицы, летящие перед конем. «На красном коне с красным знаменем неудержимо несется защищенный доспехами красный всадник и трубит в священную раковину. От него несутся брызги алого пламени, и впереди летят красные птицы. За ним горы Белухи; снега, и Белая Тара шлет благословение. Над ним ликует собрание великих лам. Под ним — охранители и стада домашних животных как символы места. Эта замечательная старинная тибетская картина принесена нам в последний день жизни в Ладаке»¹². Так писал Николай Константинович Рерих в своем экспедиционном дневнике.

Картина, прислоненная к стене Музея изобразительного искусства в Улан-Баторе, была чем-то похожа на это описание и в то же время не похожа. Она называлась «Великий Всадник» и была подарена Рерихом в 1927 году монгольскому правительству.

В Улан-Баторе стоял ясный и сухой сентябрь 1975 года. Воздух был чист и прозрачен, как это бывает только в горах. Синие близкие предгорья окружали город, и на его улицах чувствовалось дыхание степей и гор. Среди машин и автобусов время от времени возникала фи-

Девушка из Бурэна

Портрет монгола

Улан-Батор. Музей истории религии

гура всадника, и по асфальту цокали копыта лошади. Всадник отрешенно взирал на городскую суету, на людей, снующих по асфальту, на катящиеся машины и спокойно продолжал свой путь, как будто ехал по родной степи. Здесь, в этом городе, как бы сошлись две Монголии. Монголия двадцатых годов, которую я представляла себе по экспедиционным дневникам Рериха, и Монголия семидесятых годов, которую я видела и наблюдала сама. Во времена Рериха город назывался Ургой. Новое название, принятое Великим Хуралом в 1924 году, тогда еще не привилось.

«Между величественными храмами, крыши которых сверкают в лучах яркого монгольского солнца, — писал Юрий Николаевич Рерих, — разбросаны выдавшие виды юрты. Высокие деревянные палисадники, ограждающие большинство домов, и красные ворота, различающиеся только маленькими дощечками с номерами, теснят и без того узкие улицы. Если подворье принадлежит монголу или буряту, то около дома стоит одна или несколько юрт. Монголы живут в доме только летом, на зиму они перебираются в теплые юрты с деревянным полом и железной или кирпичной печкой»¹³.

Теперь монголы жили в многоэтажных домах и летом и зимой, пользуясь центральным отоплением и прочими благами современной цивилизации. Около этих домов, которые не отличались от московских, юрт не было. Деревянный центр Улан-Батора, перемежающийся юртами, уже не существовал. Он бесследно исчез. Я бродила по Улан-Батору целый день, но так ничего утешительного и не нашла. Я высматривала крыши храмов, но и их не увидела. Мне казалось, что я обошла весь город. Но позже поняла, что это было далеко не так. Я обошла только центр. Сам же город был обширен и велик.

Амарджаргал из Монгольского общества дружбы встретила меня на пороге интуристской гостиницы.

— Этого еще не хватало, — сказала она, — человек ушел и исчез. А я за вас отвечаю, — и укоризненно посмотрела на меня.

За меня никто никогда не отвечал, и я удивленно глянула на Амарджаргал.

— Да, — повторила она и тряхнула густой шапкой не по-монгольски вьющихся волос. — Отвечаю.

— А что, — спросила я, — в этих прекрасных просторных улицах таятся какие-то опасности для путника, приехавшего издалека?

Амарджаргал улыбнулась.

— Вы меня поняли не в том смысле.

Но выяснять смысл мы не стали. Я объяснила, что мне нужна Урга. Урга двадцатых годов.

— Зачем она вам? — подозрительно спросила Амарджаргал.

Я объяснила.

— Но ведь новый Улан-Батор много лучше. Вы видели, какой он красивый?

— Видела, — согласилась я. — Но мне нужна Урга.

Амарджаргал вздохнула и устремила взгляд куда-то вдаль, как будто что-то решая для себя. Потом еще раз вздохнула, но на этот раз с видимым облегчением.

— Хорошо. Я вам покажу Ургу. То есть не Ургу, — поправилась она, — а то, что от нее осталось. Но имейте в виду, этого сохранилось очень и очень мало.

На следующий день мы отправились в Ургу, то есть в то, чего, по выражению Амарджаргал, осталось «очень и очень мало». На западной окраине Улан-Батора я увидела юрты. Они стояли у склона холма, покрытого побуревшей осенней травой. Юрт было много. Целые улицы. Улицы были обнесены аккуратными изгородями, а над ними возвышались ворота. Ворота, видимо, запирались на ночь. За изгородями виднелись юрты, обтянутые по каркасу светлым полотном. У юрт были добротные двери, некоторые — резные. Здесь был свой особый, похожий на кочевье быт. У изгороди стояла лошадь, где-то лаяли собаки, тянуло кизячным дымом из железных труб, выведенных на крыши юрт. Женщины в халатах-дэли посматривали на нас из-за оград, но от своих повседневных забот не отрывались и явного любопытства не проявляли. Здесь, видимо, все знали друг друга. Появление «чужаков» не прошло незамеченным. Однако все продолжали заниматься своим делом и в то же время чем-то неуловимым давали понять, что готовы вступить в разговор. Эти аккуратные улицы белых юрт напоминали об Урге двадцатых годов.

Ярко-желтая двухъярусная крыша буддийского храма возникла как-то сразу и неожиданно. Храм был посвящен Авалокиташваре — Великомилосердному — и стоял на территории монастыря Гандан. Здесь все было так, как в те годы. Каменные львы охраняли Святые ворота, золотом горели львиные морды на красных дверях монастыря. Где-то звонили мелодично в колокольчик и раздавалось заунывное пение. Вращались молитвенные барабаны-хурдэ. Прихожане падали ниц перед статуей Дзонкапа, возвышающейся в монастырском дворе. Великий Учитель отрешенно улыбался, сложив на груди гипсовые руки. Бритоголовые ламы в желто-красных одеждах бесшумно двигались по двору. Их лица были строги и замкнуты. Я прошла вдоль монастырских строений и остановилась около одноэтажного домика под изогнутой резной крышей. Неожиданно из-за угла появился лама. На бронзовом неподвижном лице как бы отдельно от него жили глаза, приветливо смотревшие на меня. Я не знала монгольского языка и молча смотрела на ламу.

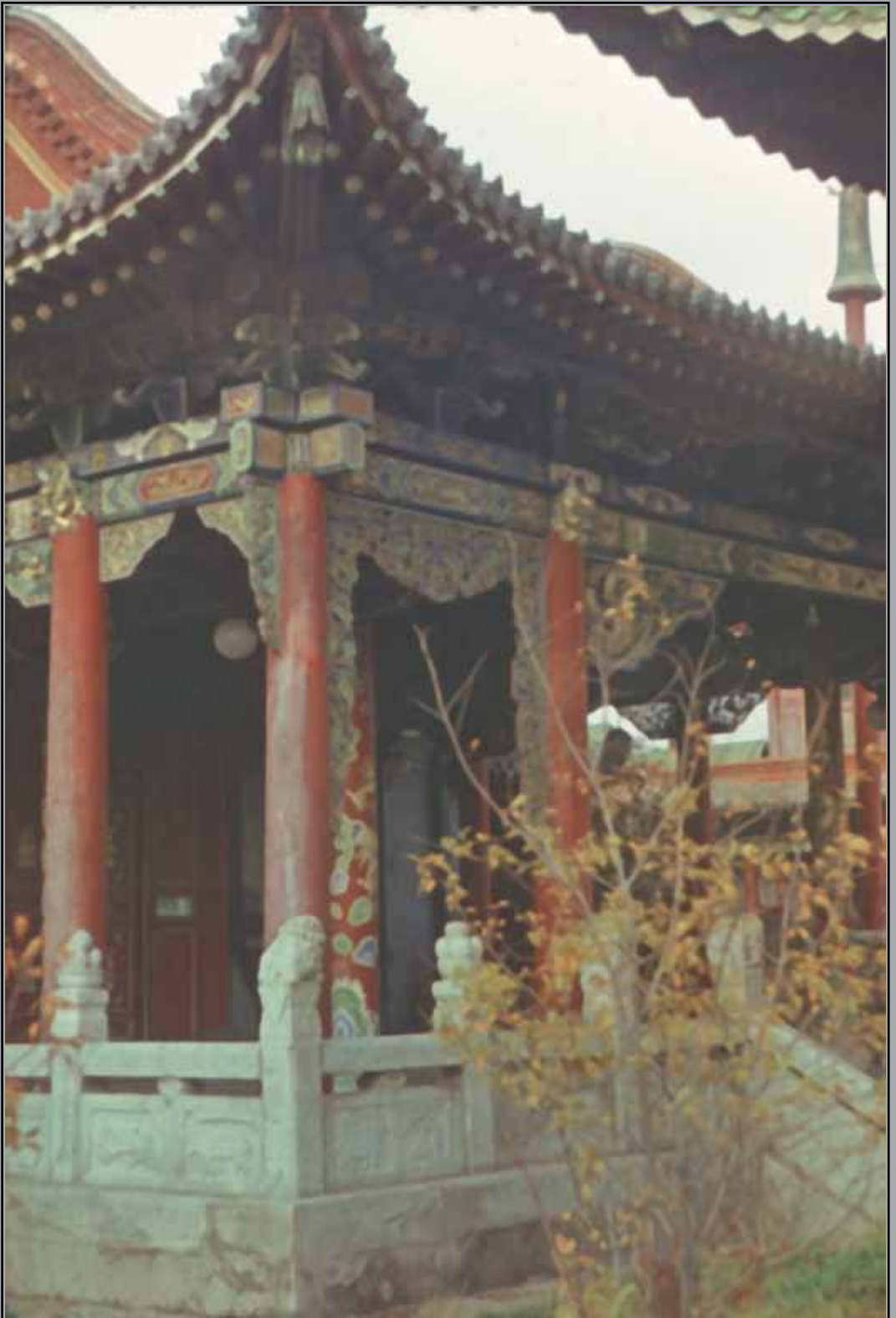
— Библиотека, — сказал лама, показывая на домик.

— Вы знаете русский? — спросила я.

— Немного.

— Можно войти?

Лама отрицательно покачал головой.

Улан-Батор. Дворец богдогегена

Улан-Батор. Дворец богдогегена

— Ключи у настоятеля, а его сейчас нет.

— Очень жаль, — сказала я.

Лама согласился.

— Здесь находятся священные книги. Есть из Тибета, есть из Индии. Большие книги, очень красивые.

— Я была в Индии, — почему-то сказала я.

— Зачем? — спросил лама.

— Я востоковед.

Неподвижные бронзовые черты ламы смягчились.

— А сюда зачем приехала?

Я рассказала о Рерихе и о том, что мы снимаем здесь о нем фильм.

— Я знаю его, — сказал лама.

Я подумала, что мне повезло и я наконец нашла очевидца. Но выяснилось, что Рерихов знал отец ламы, которого не было уже в живых.

— Это были большие люди, — рассказывал лама, — их многие знали в Урге. Они потом ушли в Лхасу. Говорят, их пригласил сам Далай-лама. Картину «Великий Всадник» видела? Это старик сам нарисовал. А молодой хорошо знал монгольский язык и видел наши книги.

Так в старинном монастыре я наткнулась на следы Рериха. Тогда мне показалось это большой удачей. Но потом с такими удачами я сталкивалась на всем пути рериховского экспедиционного маршрута и перестала удивляться. Их помнили везде. С тех пор прошло около пятидесяти лет. Следы экспедиции замели пески и смыли внешние потоки. Они сохранились лишь в памяти людей. И не только в памяти тех, кто видел Рерихов и знал их, но и в памяти потомков этих людей. Я приехала в Улан-Батор слишком поздно. Тех домов, где размещалась экспедиция и где велись приготовления к труднейшей части Великого путешествия, уже не было. «О тех временах, — писала Инна Ломакина в журнале «Юность», — когда здесь путешествовал Рерих, помнят только древние старики. Я еще застала приземистые домики в Улан-Баторе, где квартировала экспедиция. Сейчас они срезаны бульдозерами, на месте их современные здания госпиталя, перед ними зеленеют тоненькие деревца»¹⁴. Но не все, что было связано с пребыванием Рериха в Улан-Баторе, исчезло. На одной из улиц стоит белый одноэтажный дом. Крыша и ставни дома выкрашены в зеленый цвет. Теперь там размещен Музей истории города. Тогда же, в те беспокойные дни, туда приходил Сухэ-Батор. В этом же доме бывал Рерих. Но встретиться им не было суждено. Сухэ-Батора не стало за три года до приезда Рериха. Дом стоит на просторной улице, продуваемой степными ветрами. А там, за улицей, синеют уже холмы предгорий.

...Он пришел под вечер — высокий, сухощавый, в свежем шелковом дэли. Его выцветшие от времени глаза под тяжелыми веками смотрели строго и прямо. Он протянул руку с длинными аристократическими пальцами. Рука была сухая, с твердым, но несильным пожатием. Во

всем его облике присутствовала какая-то странная утонченность, и казалось, что он сошел с давней китайской фрески, материализовавшись из ее тонких воздушных линий, приглушенных пастельных тонов и изящных форм. Ему было где-то под восемьдесят. Он мягко опустился в предложенное кожаное кресло и на мгновение прикрыл глаза.

— Я — Ринчин, — сказал он.

Я ждала его прихода и ни с кем спутать не могла. Академик Ринчин, крупнейший историк Монголии, автор интереснейших исторических романов. Теперь он был стар и утомлен многими трудностями, выпавшими на его долю. Правительственная опала стояла ему многого.

— Рерих? — переспросил он, и взгляд под тяжелыми веками стал испытующим и настороженным. Потом настороженность погасла и глаза стали задумчиво-отсутствующими. Ринчин вспоминал. Но вспоминал не имя, а человека, которого встречал в далекие, уже отходившие от него годы.

— Я знал его, — просто сказал он. — Его «Великий Всадник» великолепен. Удивительно, что он так сумел его написать. Людям с Запада редко удается проникнуть в суть буддийской символики. Рерих обладал таким даром. Этим он привлек многих из нас. Тогда я был только молодым ученым и не знал, что стану академиком. Я многому тогда у них научился, и у Юрия Николаевича, и у Николая Константиновича. — Ринчин отчетливо и верно произнес эти русские имена. Он вновь задумался на какую-то минуту, и я не мешала ему.

— Да... — продолжал он, — хорошо, что вы о нем вспомнили. Мне казалось, что его в России забыли. Это был человек огромных и многосторонних знаний. Он обладал богатейшей эрудицией ученого и зорким глазом художника. Он чувствовал и понимал Восток и глубоко проникал в ход событий в Монголии.

— Вы читали его экспедиционные дневники? — спросила я.

— Нет, у меня не было такой возможности.

Ринчину не было еще и тридцати лет, когда он узнал, что в Ургу прибыла русская научная экспедиция. Это его не удивило. Он знал об экспедиции Козлова и археологических раскопках, которые Козлов вел в Монголии. Он читал о Пржевальском. Однако не спешил познакомиться с руководителем новой экспедиции. Случай столкнул его сначала с Юрием Николаевичем.

— Кажется, это было в монастыре Гандан. Юрий Николаевич пришел посмотреть монастырскую библиотеку. Мы разговорились, а потом я познакомился с Николаем Константиновичем. После этого я виделся с ним часто.

Мы долго говорили с Ринчином о древней культуре Монголии. Ринчин считал, что многое в этой культуре еще не открыто. Он повторял мысли Рериха и был с ними согласен.

— Да, многие народы прошли через нашу страну, — размышлял

Белая Тара. Художник Занабазар

Монастырь Гандан

он вслух. — И все оставили следы. Скифы, гунны, тюрки, кидане. А скольких мы не знаем! Мы ведь находимся на великом перепутье, соединяющем Индию и Гималаи с евразийскими степями. Многое нам еще предстоит открыть. Это прекрасно, что вы решили пройти по маршруту рериховской экспедиции. Рерих умел выбирать маршруты и умел многое предвидеть. Его мысли были неожиданны и парадоксальны. Но впоследствии многие из них были подтверждены. Не забывайте этого.

Уезжая из Урги, Рерих подарил Ринчину кольцо. Серебряное кольцо, на котором были выгравированы три круга. Знак, о котором монголы знали еще в древности. Так всплыли в нашем разговоре слова «Шамбала» и «Махатма». Ринчин знал санскрит, поэтому он и называл Учителей этим словом — «Махатма». Он поведал о визитах Махатм в Монголию. Многое в его рассказе совпадало с тем, что сообщил сам Рерих в экспедиционных дневниках. Ринчин был уверен, что Николай Константинович и Елена Ивановна были связаны с Великими душами.

— Мы не произносим слово «Шамбала» всуе, — сказал он. — За ним стоит Великая реальность. Ученым пора исследовать ее и очистить от наслоений времени и религиозных предрассудков. Рерих сделал в этом отношении первый шаг. Те, кто идут по его следам, должны понимать это.

Ринчин нравился мне все больше и больше. За внешней сдержанностью и строгой изысканностью манер проступал человек сердечный и щедрый. Тогда я еще не знала, что эта беседа с Ринчином сыграет в моей жизни такую роль. Был уже поздний вечер, когда Ринчин легко поднялся с кресла и я ощутила его сухое и несильное пожатие. Он исчез в темном проеме двери, как будто растворился или вновь вернулся на старинную китайскую фреску. После него в комнате остался тонкий, еле уловимый аромат незнакомых мне духов. Больше я не видела академика Ринчина. Он умер вскоре после моего возвращения в Москву.

В тот вечер я узнала от Ринчина и историю здания монастырской библиотеки. Там должна была храниться золоченая мумия восьмого богдогегена, феодального правителя Монголии. Но правитель умер в 1924 году, когда в Монголии уже наступили иные времена. В Улан-Баторе рассказывали интересную историю о том, как колдун и пророк Ловон-лама сообщил в 1920 году арестованному китайскими солдатами богдогегену срок его освобождения — между сороковым и пятидесятым днем заключения. Богдогеген был освобожден войсками барона Унгерна на сорок восьмой день. Давно уже нет высокопоставленного узника, умер Ловон-лама, бежал из революционной Монголии Унгерн.

От тех времен остался в Улан-Баторе дворец богдогегена, превращенный теперь в музей. Десять лет трудились над дворцовым комплексом китайские и монгольские мастера. И дворец получился на диво красивым. Я увидела его на третий день моего пребывания в Улан-Баторе. Изящно изогнутые крыши под зеленой черепицей. От них к красным лаковым колоннам спускалось кружево деревянной изысканной резьбы. Осен-

ние листья золотыми мазками лежали на красных переплетах окон, на лаковых цветах китайской росписи, на причудливо изогнутых облаках. В облаках плыли зеленые драконы, сверкая позолоченной чешуей. На темно-красных дверях входных ворот, предупреждающе подняв мечи, стояли грозные хранители стран света. Над ними, где-то в высоте, несся на красном коне легендарный и неустрашимый Гесэр. Он чем-то неуловимо напоминал «Великого Всадника». Изысканные легкие павильончики возвышались в углах двора, и зеленые большеголовые львы устрашающе открывали красные пасти. Теплый ветер ранней осени шевелил желтые и багряные листья деревьев и тонко звенел в колокольчиках. Здесь, за каменной оградой, дремал старый Китай, и высохшие курильницы храмов, казалось, еще сохраняли терпкий, нездешний аромат. Я открыла резную дверь и вошла во дворец. Ноги утонули в мягком ковре. Стены и потолок были расписаны легкими линиями затейливого китайского орнамента. Из боковой двери, как тень, легко и невесомо выскользнула фигура зрителя в черном шелковом дэли. Во дворце многое сохранилось, как было при богдогегене. Стоял его трон, лежали его вещи. В застекленных витринах мерцали приглушенные краски резных старинных безделушек, привезенных из Китая и Тибета. Узкими переходами я прошла в бывшие храмы. Вдоль стен их стояли статуэтки. Старинная бронза хранила чистоту тона, временами отливавшего

Улан-Батор. Дом, который посещали Рерихи

золотом. Тара Белая, Тара Зеленая. Мать, защитница и покровительница. Та, которая помогала кочевнику-монголу благополучно перейти ненадежный и бурный «океан существования». Статуэтки были сделаны мастером, знавшим суровую жизнь степей и гор и хорошо представлявшим себе, как трудно человеку переходить «океан существования», где часто дуют ледяные ветры и метут снежные бураны и всадник перестает ощущать замерзшими ступнями стремя. Мастер все это знал. И это знание добавило бронзовым Тарам нечто такое, что отличало их от индийских и тибетских сестер. Сквозь тонкую женственность статуэток, сквозь изысканную красоту их тел проступали суровость и простота. Именно они придавали законченную лаконичность формам старинной, чистого тона бронзы. В устоявшиеся традиционные каноны мастер сумел внести свое, то, что жило в глубине его духа, и запечатлеть.

— Это Занабазар, — сказал кто-то сзади.

Я обернулась и увидела стоявшего рядом со мной. В узких глазах трепетали восхищение и радость.

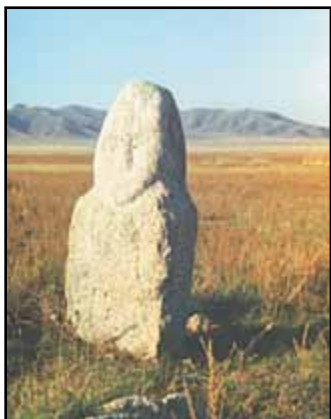
— Он был великий художник. — Человек бережно коснулся загрубевшими пальцами статуэтки. — Самый великий в мире.

Потом бесшумно вышел, пружинисто ступая по ковру мягкими, с загнутыми носами сапогами. Когда я уходила из музея, его низкорослая лошадь под красным расписным седлом еще была привязана к изгороди. В хвосте лошади застряли порыжевшие былинки степной травы.

Занабазар жил в XVIII веке, и его бронзовые статуэтки можно найти во многих музеях Монголии. Но излюбленной его темой были Тара Белая и Тара Зеленая. Говорят, обе одновременно воплотились в двух принцессах, женах тибетского царя Сронцангомбо. Белая Тара — в китайской принцессе, Зеленая — в непальской. Они жили в VII веке и обратили царственного супруга в буддизм. У Белой Тары Занабазара высокие брови и полные губы. Когда я смотрела на нее, то вспоминала китайскую принцессу Вэнь-Чень...

В музеях Улан-Батора я видела древние петроглифы, скифские повозки, оленные камни и менгиры, ковры с диковинными птицами из гуннских могил в Ноин-Ула, каменную голову горделивого Кюльтегина — правителя тюрков, рунические надписи на мраморных тюркских стелах. За всем этим стояла богатейшая история тысячелетий, прошедших в монгольской степи у синих гор. Это была история перекрестка, соединявшего два разных мира. Мир Востока и мир Запада. Я вспоминала разговор с академиком Ринчином и соглашалась с ним, что Рерих действительно умел выбирать маршруты своих путешествий. Он шел там, где протекал основной поток истории. Выбирал те страны, где этот поток имел будущее. И Великий Всадник, мчавшийся на красном коне, утверждал это будущее.

2. ДОРОГА ВЕЛИКИХ СТРАННИКОВ

Намнандорж пришел к нам в гостиницу утром, остановился на пороге номера, зорко оглядел всех присутствующих и улыбнулся. Улыбка была широкой и открытой.

— Это вы едете по маршруту Рериха? — спросил он.

— Да, — ответила я. — Входите.

— Я из Института географии и мерзлото-ведения и буду вас сопровождать.

Он хорошо говорил по-русски, был сухощав, подтянут, узкие светло-карие глаза смотрели внимательно и изучающе. Над бронзовым обветренным лбом поднимался ежик седых волос. Мне показалось, что Намнандоржу нет и шестидесяти. Потом я узнала, что ему уже исполнилось семьдесят. Поначалу я отнеслась к нему как к обычному сопровождающему. Но постепенно стала понимать, что нам повезло. И очень. Намнандорж был монгольским Дерсу Узала. От последнего, правда, он отличался тем, что кончил когда-то Ленинградский университет и занимался научной работой в своем институте.

Юрты в степи

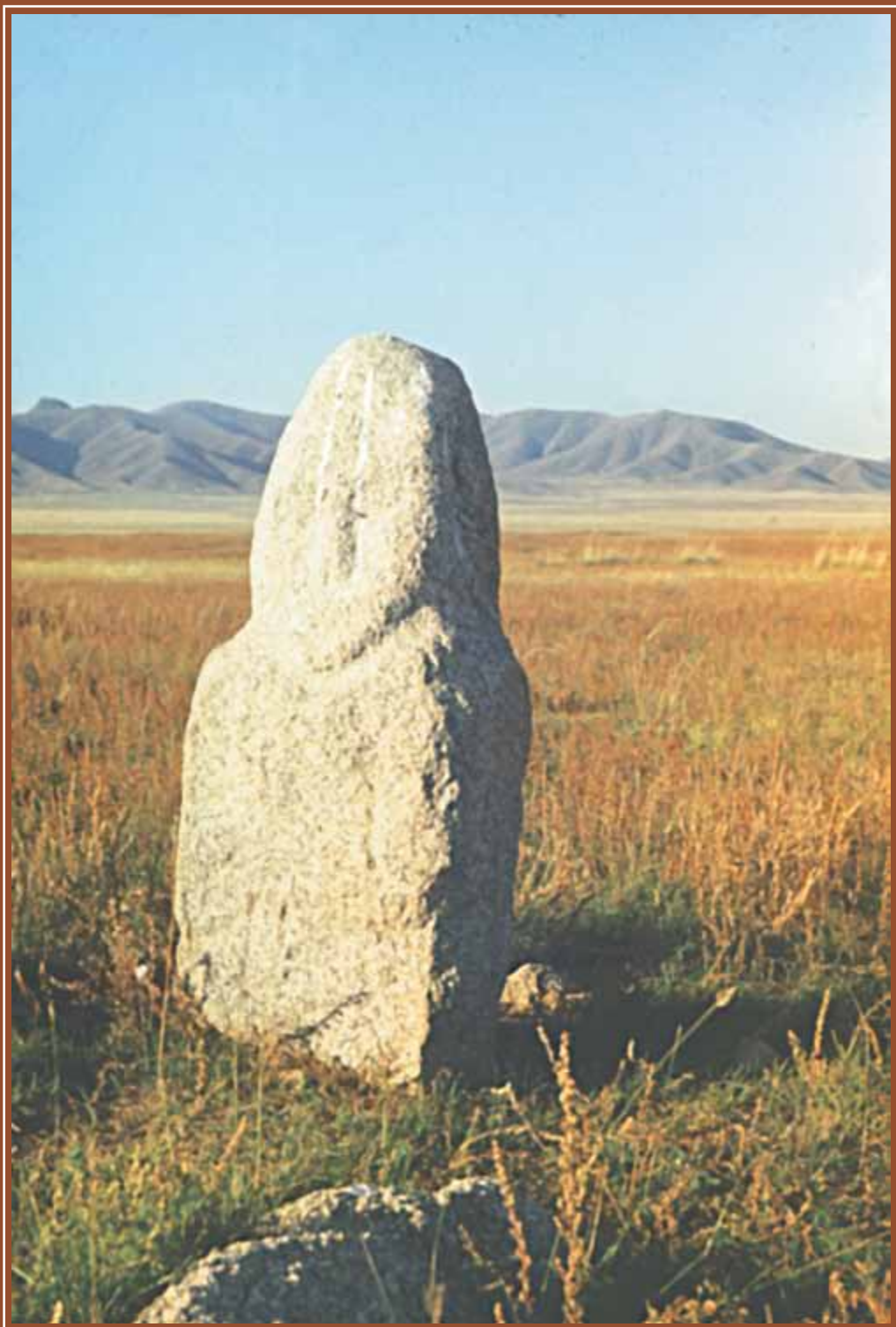

Всадник

Монгольская степь

Тюркское погребение в Толынцагаандер

С самого начала нашего маршрута я поняла, что Намнандорж знает в Монголии всех и все знают его. У меня даже создалось впечатление, что с ним знакомы все полтора миллиона монголов. Скачущие по степи всадники придерживали коней, чтобы поздороваться с ним. Люди из редких юрт, разбросанных в степных просторах, выходили ему навстречу, чтобы пригласить в юрту и побеседовать. Табунщики, пасшие коней в предгорьях, махали приветственно рукой при виде его высокой фигуры в светлом плаще. Директора музеев в маленьких городах почтительно провожали его в свои кабинеты. Ни один камень в просторной монгольской степи не укрывался от его зоркого взгляда. Ни одна птица не оставалась незамеченной. Ни одна горная тропа не забыта. Он мерил километры по степи, искал красивые места на горных перевалах, бродил под палящими лучами в пустыне Гоби. Он собирал и отмечал самое интересное — привозил из Гоби впечатанные в цемент высохших доисторических болот следы вымерших динозавров, нес с гор черные слитки звездных метеоритов, отмечал на карте места, где возвышались курганы и менгиры, стояли каменные бабы, поднимал вросшие в сухую землю степей плиты с таинственными письменами тюрков, осматривал многочисленные валуны, находя на них рисунки тысячелетней давности. Ничто не укрывалось от его зорких узких глаз. Затем бережно отправлял свои находки в музеи, тщательно фотографировал и описывал то, что не могло быть отправлено. Он ревниво следил за историческими памятниками, болезненно переживая не всегда почтительное к ним отношение, и не любил, когда человек, нашедший интересный предмет, присваивал его себе.

— Эти реликвии принадлежат народу, — говорил он. — И всей стране. Пусть они находятся там, где все могут их посмотреть.

Намнандорж в какой-то мере чувствовал себя хозяином сокровищ Монголии и распоряжался ими по-хозяйски. Он никогда не утаивал найденное и любил показывать другим неожиданно обнаруженное им погребение, развалины старинных храмов или петроглифы на темной патине древнего камня. Он радовался восхищению смотрящего, и оно было для него самой высокой наградой. Он сердился, когда кто-то отказывался осмотреть находку, раздражался и переставал на какое-то время замечать этого человека. Намнандорж не любил людей нелюбознательных и равнодушных. Он их не понимал и считал их от природы слепыми.

— Как это можно не видеть? — иногда возмущался он. — Разве можно пройти мимо такой красоты? Вот посмотрите, — говорил он, показывая след, — тут остановился всадник. Знаете почему? Его, простого монгола, остановила красота. Он ее почувствовал. А вон там, видите, прошла «Волга». Даже не притормозила. Так ведь нельзя.

По степи ездили не только всадники, но и грузовые и легковые машины. Всадников было меньше, машин больше. По плоской равнине степи они прокладывали свои дороги. У каждого был свой путь. И по-

этому по степи параллельно тянулось множество дорог в разных направлениях. Указателей не было. Предполагалось, что едущий в седле или за баранкой должен знать свою степь и не сбиваться с дороги. Но если всадники и не сбивались, то шоферы это делали часто. С нами такого не случилось, ибо Намнандорж безошибочно и сразу узнавал ту единственную дорогу, которая кратчайшим путем вела нас к цели. Как это он делал, осталось для меня загадкой. Для нашего шофера тоже. Он задумчиво покачивал коротко стриженной головой и удивлялся:

— Вот это Намнандорж! Как можно запомнить все дороги? Ведь каждый раз кто-нибудь прокладывает новую...

Старинное монгольское седло

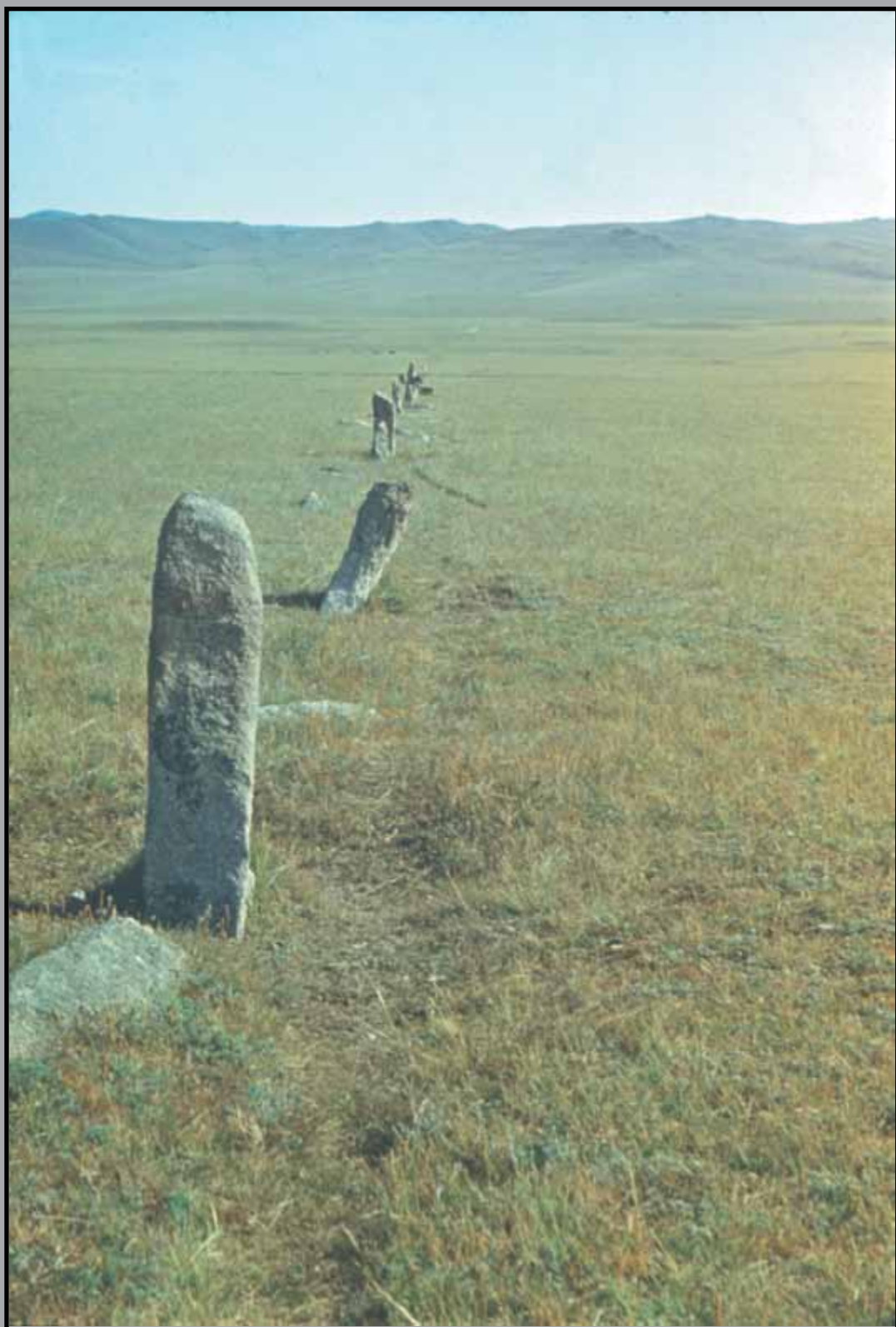
Перед тем как начать наш основной маршрут, мы отправились в Найлах. На этом настоял Намнандорж.

— Вы не можете не побывать в Найлахе, — сказал он и строго посмотрел на меня. — Я уверен, что Рерихи там были. Они не могли пройти мимо этого места.

Намнандорж, как всегда, оказался прав. Теперь я тоже уверена, что Рерихи не прошли мимо Найлаха. Тем более что он расположен недалеко от Улан-Батора, в тридцати пяти километрах на юго-восток от него.

Здесь, в Найлахе, я впервые ощутила степную Монголию, ее ясный осенний простор и легкость прозрачного, пронизанного солнцем воз-

Древние менгиры

Тюркское погребение в Толынцагаандер

духа. Побуревшая, но еще окончательно не утратившая зеленого цвета степь уходила к синим невысоким горам, за которыми поднимались заснеженные вершины. Посреди степи стояли белые юрты. Около них пощипывали траву стреноженные лошади, а чуть поодаль, на склоне зеленого холма, пасся целый табун. В одной из юрт топилась плита, и прозрачный голубой дымок поднимался вверх и медленно уплывал туда, к синим горам. При виде нас стреноженная лошадь тревожно заржала, а из юрты вышел пожилой монгол и, увидя Намнандоржа, шагнул ему навстречу и протянул обе руки. Потом мы сидели в юрте на белых кошмах. На низких столиках перед нами стоял в пиалах кумыс, а на медном блюде лежали квадратички сушеного овечьего сыра. У него был терпкий, но приятный вкус. Хозяин вместе с нами пил резкий, освежающий кумыс и вел с Намнандоржем степенную беседу. Они говорили по-монгольски, и я, конечно, не могла уловить сути беседы. Но время от времени в разговоре всплывало имя «Рерих». Намнандорж чуть заметно склонял голову в мою сторону, а пожилой монгол скашивал на меня глаза и чему-то улыбался. За войлочной стеной юрты похрапывали лошади, из открытой двери юрты тянуло теплым, настоящим на запахах трав ветерком. Меня окружал мир древних степей и гор. Мир, который мало изменился за прошедшие над страной века.

В открытой степи под бескрайним небом стояли древние менгиры. Рядом с ними возвышались «бабы». Здесь же лежали поверженные плиты, почерневшие от старого масла. Следы давнего возлияния говорили о том, что здесь когда-то было святилище. Менгиры имели свой порядок, и Намнандорж, указывая на них, объяснил мне, что лучи восходящего солнца сразу попадают на эти менгиры. От святилища на восток, туда, к горам, линией тянулись грубо обработанные менгиры пониже. Они составляли то, что археологи называют «аллеей». Линия «аллеи» была четкой и строгой, как будто ее провели по нитке, и тянулась не менее чем на три километра. Издали казалось, что это не камни, а люди, идущие друг за другом через степь к синим горам. Люди-странники, вышедшие из какого-то неведомого прошлого и по какой-то причине замершие на один миг, чтобы снова двинуться туда, на восток, к одной только им известной цели. Я смотрела на этих шагающих «странников» и вспоминала менгиры Алтая. Пожалуй, они мало отличались от этих, но здесь масштабы и размах были много больше. Найлахские менгиры принадлежали тюркскому времени и датировались VII—VIII веками. Но сама традиция ставить вертикальные менгиры была много древнее. Их воздвигали и до тюрков, и задолго до появления их предшественников. Монгольская степь хранила многое. В ней, казалось, ничего не пропадало. Цепочкой культурной преемственности шагали странники-менгиры в наш век. Рядом с менгирами я обнаружила несколько насыпных курганов круглой формы. В Монголии они называются керексурами. Какому народу, прошедшему здесь, они принадлежали — не мог сказать даже Намнандорж. Скифам, гуннам

или все тем же тюркам? «Территория Монголии, — писал в 1927 году Николай Константинович Рерих, — хранит огромное количество курганов, керексуров, оленьих камней и каменных баб. Все это ждет дальнейшего исследования»¹⁵.

Старинные китайские хроники писали о голубоглазых, белокурых динлинах, обитавших в древности в этих степных краях. Погребения хранили черепа европеоидного типа. В витринах музеев таинственно поблескивали бляхи и украшения с чеканными и строгими линиями «звериного стиля» ранних кочевников. Страна гор и степей, лежащая на перекрестке Большой истории, неохотно отдавала свои тайны. Она несла на себе следы великих переселений, по ней шли древние дороги и караванные пути. И многие Великие странники на этих дорогах еще остаются безымянными. Как и те гранитные менгиры, которые шагают по степи откуда-то с востока, к современному Улан-Батору... Дорога Великих странников влекла многих. По ней прошли Пржевальский, Козлов. По ней прошел Рерих, сделав на ней свои памятные зарубки. Теперь предстояло пройти нам, снимавшим фильм о нем, но в другом времени, в других условиях.

В Улан-Баторе Намнандорж волновался, что мы припозднимся с выездом на маршрут. Но этого не случилось. Вся киноаппаратура была вовремя собрана и погружена в «газик». За баранкой сидел веселый и все время улыбающийся человек в щегольском дэли, перехваченном красным кушаком. Как только мы выехали из города и началась степь, шофер неожиданно запел. Протяжно и освобожденно. Так, наверное, пел монгол-кочевник, видевший с седла красоту окружающего его мира. И хотя наш «кочевник» сжимал баранку, он все равно где-то в душе оставался всадником, скачущим по степи. Я не понимала слов песни и спросила об этом Намнандоржа.

— Как о чем поет? — удивился он. — Что видит, о том поет. О степи, о дороге, о небе, о птице, летящей вдали.

Мы ехали по долине реки Толы, стараясь придерживаться рериховского маршрута. Тола текла среди низких берегов, и вода в ней была такая же синяя, как безоблачное небо над ней. По этой же дороге, идущей на юго-запад от Урги, 13 апреля 1927 года двинулись машины Центрально-Азиатской экспедиции. Рерихи доехали на машинах почти до самой границы Монголии, до Юм-Бейсе. Там им пришлось пересесть на лошадей. Экспедиционный караван, состоявший из верблюдов и лошадей, под присмотром монгольских погонщиков двинулся другим путем. Не через долину Толы, а вдоль Орхона. Обе части экспедиции соединились в Юм-Бейсе.

И снова перед нами проходили приметы дороги Великих странников. У Толынцагаандер стояли тюркские «бабы». День клонился к концу, и над далекими горами ползли тяжелые лиловые тучи. Лучи низкого солнца, пробиваясь сквозь тучи, ложились красными отблесками на каменные лица «баб». Дул холодный пронзительный ветер, от него

Верблюды

нота подступала к нашему «газику», забиралась в него и била по обшивке машины холодным пронзительным ветром. Наверно, было уже совсем поздно, когда где-то, почти у самого горизонта, мелькнул слабый огонек, затем другой. И как-то неожиданно среди темной ветреной степи прямо у носа машины выросла ограда с деревянными воротами и белыми верхами юрт над ней. Фары уперлись в ворота и погасли. Раздался скрип открываемых затворов, где-то слышались голоса. Из темноты появилась фигура верблюда, беспокойно заржала лошадь.

— Гостиница, — сказал Намнандорж. — Наша степная монгольская гостиница.

Мы вошли внутрь, и в первый момент я ослепла от яркого электрического света. Появилась худенькая девушка в яркой косынке и поставила на низкий столик блюдо мелко нарезанной дымящейся баранины и большой китайский термос, наполненный монгольским чаем, густо заваренным с кобыльим молоком, щедро посоленным и приправленным сливочным маслом. Тут я должна отвлечься и пропеть хвалу этому удивительному напитку буранных степей и снежных гор. Что и говорить, в теплой квартире за столом с изысканными яствами монгольский чай выглядел бы странно, почти экзотически. Любителей на него нашлось бы немного. Но всадник, скачущий сквозь снег, мечта-

Петроглифы на Оленьей горе около Арвахэра

коченели руки и мерзли ноги. «Бабы» больше походили на менгиры. Их грубо высеченные лица, зловеще подсвеченные заходящим солнцем, надменно и таинственно смотрели на запад, а от них на восток, так же как и в Найлахе, уходила вдаль цепь менгиров-странников. На одной из «баб» висели цветные тряпочки. Ветер рвал их, и они трепетали, и казалось, сейчас древнее лицо оживет и сомкнутый столетиями рот разожмется. Но ветер продолжал рвать тряпочки, а каменный рот изваяния по-прежнему оставался упрямо сжатым. Кто повесил эти цветные лоскуты на древний менгир? Сказать трудно. Но, очевидно, те, кто до сих пор чтут этих странников прошлого и поклоняются им. Те, кто это делают, не бьют им головы и не валят бездумно на сухую землю степей. Они складывают у их подножия камни, вешают цветные ленточки и льют на них растопленное масло. Они дорожат своей культурой и поклоняются ее символам.

Солнце в последний раз полыхнуло красным огнем сквозь лиловые тучи и ушло вниз, за близкую гору. На степь опустилась темнота. В разрывах быстро идущих по небу туч время от времени появлялись далекие звезды. Шофер давно перестал петь и теперь задумчиво и тихо крутил баранку. Свет фар бежал перед машиной, вырывая из темноты сухую степную дорогу и серебра ковыль по ее обочине. Тем-

ет о глотке именно такого чая. Изысканный по-китайски заваренный чай ему не нужен. Он не спасет его ни от усталости, ни от холода, пробравшегося внутрь. Путник, падающий от утомления на горной тропе, согласится пить только такой чай, и никакой другой. Когда я смертельно уставала, насквозь промерзала и уже теряла надежду добраться до жилья, перед моим мысленным взором вставал термос с монгольским чаем. В этот момент я не думала даже о еде. Только о чае. Соленом чае, приправленном маслом, с крепким кобыльим молоком, чае кочевников и людей сурового труда. Чае снежных ветреных степей и крутых горных перевалов.

*Плиточные погребения
бронзового века*

Утром снова из-под колес нашей машины убегала степь. И, как призраки прошлого, вновь по всему пути выросли менгиры, керексуры, курганы, «бабы».

Над озером Тухум-нор плыли тяжелые свинцовые тучи. От этого вода в озере тоже была свинцовой. Дул пронзительный холодный ветер и клонил к самой воде прибрежные камыши. Двугорбые верблюды, монументально возвышаясь над степью, задумчиво и надменно взирали на наш «газик» и небольшой поселок Бурэн, прижавшийся к самому озеру.

От Тухум-нора потянулись невысокие горы, и наш «газик» то взби-

рался куда-то вверх, то спускался вниз. Горы преграждали путь степному ветру, и на этой дороге было теплее. Иногда сквозь разрывы туч пробивались солнечные лучи, и тогда оживали краски осени и трава становилась свежей и зеленой.

Через некоторое время мы свернули с каменистой дороги и, обогнув вставшие на нашем пути коричневатые скалы, въехали в долину. Собственно говоря, долиной это место назвать нельзя. Скорее это было широкое ущелье, зажатое между темными скалами. Две каменные крутые горы сторожили вход в ущелье. По дну ущелья кто-то разбросал в беспорядке множество камней, малых и больших. Камни были древние, покрытые патиной времени и заросшие мхом. Но в этих завалах существовала какая-то, не сразу понятая мною закономерность. И когда солнце, в очередной раз прорвавшись сквозь тучи, осветило все вокруг, я поняла, что мы находимся в своеобразной долине погребений. Наверное, все шедшие по этой дороге Великих странников оставляли здесь своих умерших и погибших. И хотя погребения были разные и принадлежали к разным эпохам, но здесь ощущалась какая-то преемственность, неизбежная связь времен. На склоне горы между скал расположились керексуры. Их круги были аккуратно выложены необработанными камнями, а в центре стояли одиночные менгиры. На одном из менгиров я увидела чуть намеченное человеческое лицо. Черты лица были незаконченны и неопределенны. Как будто над этим менгиром размышлял художник. А его размышления века спустя воплотились в тюркских «бабах». Чуть ниже керексуров располагались каменные изгороди «плиточных могил». Их относят к бронзовому веку и связывают с ранними кочевниками, условно называемыми скифами. Погребения возникли где-то на границе второго и первого тысячелетий до нашей эры. Плиточных могил было много. Они шли по дну ущелья, а затем карабкались на склон противоположной горы. Некоторые из них мне напомнили дольмены, которые встречала в Южной Индии. Я бродила среди древних погребений, и тишина давила на уши. Вновь вышло солнце, и от солнечных лучей в ущелье стало еще тише, и было слышно, как шумит под ветром высыхающая осенняя трава. Шумит так же, как и тогда, когда лежащие здесь были еще живы и неутомимо шли по дороге Великих странников, оставив позади сверкающие снежные вершины грозных Гималаев.

До самого Арвахэра не было никаких поселков. Только время от времени вдали белели одна-две юрты да, пригнувшись к луке седла, где-то у самого горизонта проскакивали всадники. Откуда неслись они? Куда торопились? Степь жила своей древней жизнью. Медленно и надменно ступали верблюды, подгоняемые караванщиками. Дорогу пересекали стада овец, и гудела земля под копытами бегущих невидимых табунов. Затягивал песню наш шофер. Он пел о том, что видел, а видел он много больше нас.

Перед заходом солнца наливались густой синевой дальние горы, и

воздух тоже становился синим, как на монгольских картинах и этюдах Рериха.

Осенний ветер по мере нашего продвижения набирал силу. Он нес откуда-то ледяное дыхание зимы, выл и метался по степи, поднимая в воздух тучи пыли и сухую траву. Что-то неуловимо начало меняться в ближних горах. Над ними встала какая-то странная пелена, а когда она рассеялась, на горах белыми мазками проявился снег. Но контуры самих гор оставались резко-черными, и казалось, что кто-то рисовал эти горы по серому полотну неба белым и черным. Над степью кружились снежинки. Ветер подхватывал их, подбрасывал вверх, не позволяя опуститься на бурую пожухлую траву. У самого горизонта ползли лиловые тучи, под ними плыли сиреневые облака. И в какой-то момент эти лиловые тучи и сиреневые облака пронзили розовые и малиновые, похожие на молнии зигзаги. Потом зигзаги стали блекнуть, угасли по краям, и кто-то невидимый и большой стал закрашивать горизонт черно-лиловым непроницаемым цветом. И только графически строгие бело-черные горы какое-то время еще были различимы в надвигающейся тьме.

К полуночи мы добрались до Арвахэра, аймачного центра. Городок был пустынен. Ледяной ветер раскачивал уличные фонари и завывал на небольшой площади, окруженной каменными, современной постройки домами.

К утру погода вновь переменялась: ветер утих, показалось солнце и стало теплее. Начинался третий день нашего путешествия.

В музее Арвахэра стояли менгиры. На них, закинув на спины тяжелые ветвистые рога, неслись космические олени. Их носы, похожие на птичьи клювы, были устремлены вверх, к солнцу. Эти скифские олени безмолвно свидетельствовали о каком-то солнечном культе, как и тюркские «бабы», чьи бесстрастные лица были повернуты на восток, к восходящему солнцу. Такие менгиры назывались оленные камни. Так же называлась и гора, которая стояла неподалеку от Арвахэра, Бугсогош — Оленья гора. Гора была священной с давних времен. По каменной тропе мы поднялись на ее вершину. Там, сложенная из камней, стояла пирамидка-обо, поставленная в честь духа этой горы, который покровительствовал путешественникам. Такие же обо-святителища я видела на горных перевалах Алтая. Но этим сходство Оленьей горы с Алтаем не исчерпывалось. На вершине и по высоким склонам были разбросаны древние валуны, похожие на множество других, которые мы встречали на своем пути. Я шла среди них, стараясь не оступить.

— Стойте! — вдруг раздалось позади.

Я обернулась и увидела Намнандоржа.

— Не проходите мимо, — улыбнулся он. — Посмотрите внимательней.

Я остановилась и удивленно воззрилась на валуны. И вдруг... Почему-то такие события случаются всегда вдруг. Камень ожил. На

«шагали» менгиры. Дорога Великих странников продолжала жить своей древней, молчаливой жизнью. И круторогие козлы стояли на ней непреложными знаками тысячелетних движений и загадочных переселений. Дорога уходила на юг, в великую пустыню Гоби. До пустыни оставалось не более ста пятидесяти километров.

3. КОСТРЫ ПУСТЫНИ

Мираж возникал постепенно, формируясь из облаков, прозрачной дымки, дрожавшей над плоской поверхностью земли, из солнечных лучей и еще чего-то неуловимого и таинственного. Сначала формы были неопределенными, а краски — призрачными и летучими. Но вот у горизонта произошло какое-то неуловимое движение и возникло озеро, наполненное синей прозрачной водой. Где оно находилось и существовало ли оно на земле — было неизвестно. Может быть, это было не озеро, а залив давно исчезнувшего моря. По его берегам росли пальмы, облачные лодки с косыми парусами скользили по призрачной воде. Массивный белый квадрат нездешнего дворца стоял на самом берегу, и от его странно неустойчивых колонн прямо к воде спускалась широкая мраморная лестница.

Мираж был так четок и ярок, что трудно было поверить в то, что мы никогда не доедем до белого дворца у синей воды. Там, в глубинах миража, дул ветер, раскачивая кроны пальм. Какое время и какое пространство нес в себе этот нездешний мираж, я не знала. Я стала наблюдать за лестницей, ожидая, что кто-нибудь на ней появится и тогда пойму, кто живет во дворце. Но лестница была пуста, пустынными были и пальмовые берега. Казалось, во дворце никто не жил, все давно уехали или умерли, и только лодки с косыми парусами печально и обреченно скользили по несуществующей воде. Над всем плоским пространством пустыни мерцал сухой прогретый воздух, и казалось, что это не пустыня, а призрак древнего моря, катившего здесь волны много тысячелетий тому назад. И белый дворец с колоннами явно имел отношение к этому исчезнувшему морю. Как будто сухое растрескавшееся дно древнего моря грезило миражами и посылало воздушные картины — воспоминания о навсегда исчезнувшем.

Мираж сопровождал нас несколько часов. По-прежнему прочно стояли стены сказочного дворца. По-прежнему никто не появлялся на лестнице. И ни одна из лодок не причалила к берегу.

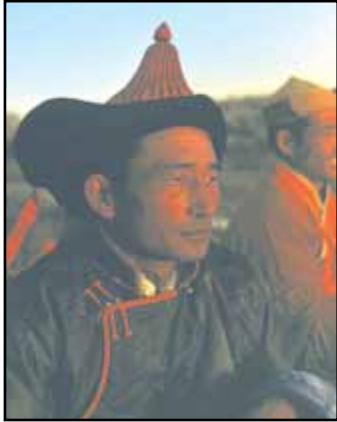
— Миражи в Гоби особые, — прервал молчание Намнандорж. — В это время года они особенно устойчивые. И трудно иногда поверить, что все это только мираж.

— Как вы думаете, — спросила я, — где существует это странное место, которое мы видели?

— Не знаю, — задумчиво произнес Намнандорж. — Я никогда такого не встречал. Если есть миражи Пространства, то, возможно, существуют и миражи Времени. Как вы думаете? — И его узкие глаза стали отрешен-

меня, чуть наклонив голову с изогнутыми тяжелыми рогами, смотрел козел. От неожиданности я не могла вспомнить, где встречала такого же. Ну да — Алтай. Все тот же Алтай. Чуть поодаль от козла появился лучник и натянул тетиву. Мне показалось, что стрела задрожала и вот-вот сорвется с тетивы.

— Это неолит, — сказал Намнандорж. — Рисунки сделаны не менее десяти-пятнадцати веков тому назад. Более поздние относятся к бронзовому веку. Есть также петроглифы ранних кочевников и тюрков.

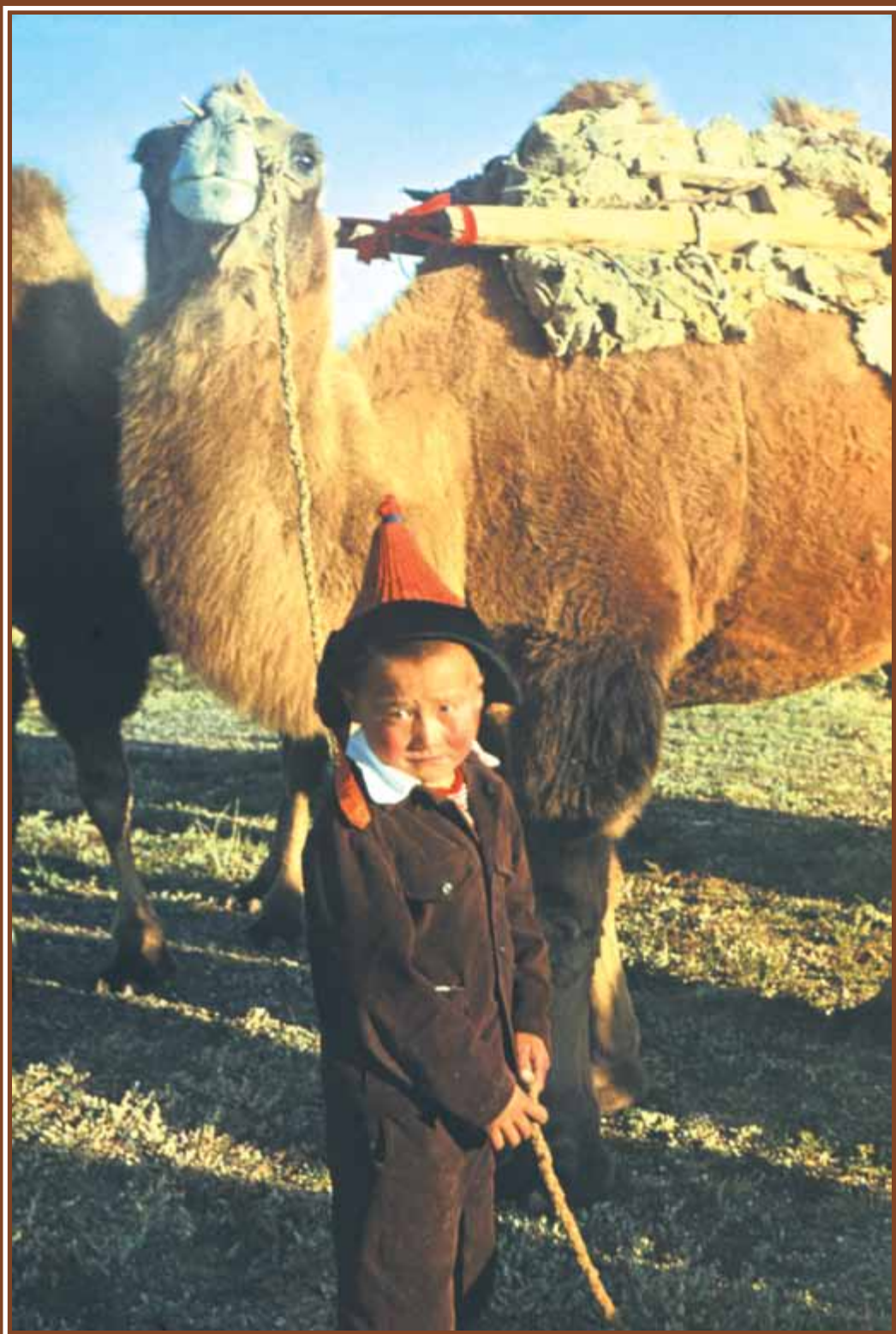

Одна эпоха переходила в другую, один народ сменял другой, но Оленья гора по-прежнему высилась над долиной и по-прежнему считалась священной. Не потому ли, что держала цепь культурной преемственности на своих каменных плечах? Что может быть священнее творчества и культуры? Простой монгол, добавляющий жертвенный камешек к обо, прекрасно это понимал. Дух гор жил в этих рисунках, в четких линиях, высеченных в древних камнях. Я переходила от валуна к валуну. На коричневой патине плясали фигурки, исполняя какой-то таинственный танец. Олени с рогами, похожими на елку, бежали от лучников.

Гордо вышагивали верблюды, и мчались вновь олени, но уже другие. Те, что были высечены на оленных камнях. На одном из валунов я увидела мамонта. Его очертания были только намечены. Но длинные изогнутые бивни и хобот свидетельствовали о том, что передо мной мамонт, и никто иной. Может быть, именно с него и начиналось это удивительное святилище?

Небо совсем расчистилось, и яркие осенние лучи заливали Оленью гору, ложились яркими бликами на всю долину Онгин-гола, которая хорошо просматривалась отсюда сверху. В долине белели юрты, и табуны лошадей мирно паслись на еще зеленых склонах, спускающихся к реке. Я присела на валун и полистала записную книжку. Все правильно. Неолитический период Рерих выделял по «более сочной» линии. Эта линия явно присутствовала на валунах Оленьей горы. Он тогда не упомянул Монголии, когда перечислял страны, где видел на скалах круторогих козлов. В его время петроглифы Оленьей горы и других мест Монголии еще не были открыты. Николай Константинович связывал неолитического козла с добуддийским древнейшим культом солнца, с культом сил природы. На одном из валунов, где в центре композиции был все тот же горный козел, я увидела следы масла, свидетельства живого культа. Оно, видимо, появилось здесь недавно и не успело еще впитаться в камень.

Я спустилась вниз, в долину. От склона соседней горы на восток

Маленький погонщик

Девочка Бор

У костра

ными, как будто погрузились во что-то одному ему ведомое.

— Николай Константинович Рерих, — начала я, — однажды видел такой мираж Времени.

— Где? — оживился Намнандорж.

— На болотах Цайдама.

— Есть легенды, о которых можно найти сведения в древних рукописях. Они утверждают, что древнее море Гоби простиралось до самых Гималаев. На море же был большой остров, где стояли белые дворцы. Потом он затонул со всеми дворцами.

— Как Атлантида?

— Может быть, — кивнул головой Намнандорж.

— У Рериха тоже почему-то возникла мысль об Атлантиде, когда он шел через болота Цайдама, — сказала я.

Мы ехали по Красной Гоби. И глинистая почва была опалена красноватым цветом так же, как прихватывает огонь сырую глину кирпича, оставляя на нем красный свой отблеск. Почва была твердой, сцементированной многими тысячелетиями. Видимо, ее никогда не касались ни плуг, ни мотыга земледельца. И поэтому она глухо затвердела в своей горьковатой, отдающей полынью девственности. Красные травы соткали на ней красный ковер. И только местами этот ковер расцветивался золотистыми, безлистными веточками караганки. Все плоское, ровное пространство пустыни было покрыто осколками красной, похожей на запекшийся сургуч яшмы. И даже воздух над сухой землей был красным. Он тек над пустыней, то становясь интенсивным и ярким, то переходя в нежно-розовые, разреженные тона. Над этим буйством красных оттенков далеко на севере синели горы. Временами красное наступало на синее, и тогда горы наливались лиловым цветом. Но этот цвет был неустойчивым, все время передвигался, и возникало ощущение, что там, у этих далеких гор, бродят лиловые туманы. Время от времени возникали верблюды, единственные живые существа на многие километры вокруг. Верблюды были пугливы, некоммуникабельны и никого к себе не подпускали, даже кинооператоров. Они презрительно наблюдали за их усилиями и в последний решающий момент коварно устремлялись в глубь пустыни на своих сильных и тонких ногах. Красноватый отблеск лежал на верблюжьей шерсти, и мне казалось иногда, что по красному, фантастическому миру носятся красные безумные верблюды, а сам этот мир принадлежит чужой багровой планете, затерянной в глубинах космоса.

Красная Гоби была только частью Великой пустыни. Там, за ее красным миражом, у черных скал лежали древние окаменевшие болота. Болота хранили следы динозавров, которые бродили по тонкому мелководью, оставляя грядущим векам отпечатки своих неуклюжих перепончатых лап. По краям умерших болот в наплывах известняка застыли окаменевшие раковины, свидетели таинственных изменений лика планеты. Приметы миллионов лет, прошедших над Землей, здесь, в Гоби, ощущались более зримо, чем в любом другом месте. Спекшаяся земля и угрю-

Зилняя дорога

мые скалы дышали глубокой древностью. И это дыхание, казалось, было жарким, прерывистым и беспокойным. Временами представлялось, что дышала сама планета, осаждающая на своей поверхности черные нагромождения застывшей лавы, глубокие с неровными краями трещины и безжизненную топь гибнущих соленых болот.

Неожиданно где-то вдаль раздался лошадиный топот. Мы остановились. Из разогретого марева возник белый конь, на котором сидел маленький всадник. У всадника были две лихо торчащие косички и два любопытных глаза, с интересом уставившиеся на нас. Когда всадник спешился, выяснилось, что это была девочка по имени Бор, шести лет от роду. Вслед за Бор прискакали еще такие же всадники. Старшему из них было не более десяти.

— Последний гобийский саймун приветствует вас, — засмеялся Намнандорж.

Он сказал что-то детям, и те, ловко развернув лошадей, понеслись куда-то в пустыню и растворились в красной мгле.

— Вот это всадники! — сказала я.

— Обычное дело, — отозвался Намнандорж. — В Монголии дети сначала учатся ездить на лошади, а затем уже ходить.

Когда мы въехали в саймун, о нас уже все было известно: и какая у нас машина, и сколько в ней людей, и как эти люди выглядят. Намнандоржа здесь тоже хорошо знали, что облегчало задуманное нами. Задуманное называлось «Костры пустыни». Помните, у Рериха? «Снова вокруг костра поднято десять пальцев, и рассказ, убедительный в своей простоте, воодушевляет людские сердца. Теперь сказ идет о знаменитом черном камне. В прекрасных символах старый путник расскажет вам, как в незапамятные времена из других миров упал чудесный камень — Чинтамани индусов, или Норбу Римпоче тибетцев и монголов. И с тех пор часть этого камня блуждает по земле, возвещая новую эру и великие мировые события. Будет сказано, как некий владыка владел этим камнем и как темные силы пытались похитить сокровище... Костры пылают, как древние огни священного служения»¹⁶. Николай Константинович писал о ночных кострах пустыни и в «Сердце Азии», и в книге «Алтай — Гималаях».

Огонь костра означал безопасность и добрую волю. Когда этот огонь горел на стоянке отдыхающего каравана, он знаменовал ночь мира и мудрых бесед. Сколько таких манящих огней было зажжено по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции! Николай Константинович называл их еще «светляками пустыни». Мы решили зажечь «костры пустыни» в Гоби, там, где много лет назад прошла экспедиция Рериха, чтобы воссоздать уже ушедшую в прошлое обстановку. Ничего надуманного и искусственного в этом стремлении не было. Документальная убедительность фильма от этого только выиграла бы. Через Намнандоржа я рассказала все это парторгу гобийского саймуна Церендоржу. Церендорж, коренастый, широкоплечий, с обветренными широкими скулами и умными глазами, слушал нас внимательно и молча. Я не знала, о чем он думал в это

время. В какой-то момент я даже заподозрила, что Церендорж, сославшись на неотложные хозяйственные дела, пошлет нас подальше в пустыню Гоби. Но он слушал, и постепенно странная мечтательность заволакивала его умный и острый взор.

— Я буду ламой, — неожиданно сказал он.

Мы с Намнандоржем оторопели. Через несколько минут о нашем замысле стало известно всему саймуну, и он пришел в движение. Очередные хозяйственные задачи были отложены, и все захотели сниматься в кино. Через полчаса перед правлением саймуна выросла гора одежды. Яркие кушаки, узорчатые с загнутыми носами сапоги, остроконечные монгольские шапки, старинные халаты...

Удивительно, но факт: все жители саймуна обладали каким-то врожденным артистизмом. Никому из них не пришлось объяснять второй раз, что делать. Весь саймун естественно и легко вошел в предложенную ему роль. Конечно, не обошлось и без конфликтов. Но справедливости ради надо сказать, что конфликты имели только творческий характер. Они просто свидетельствовали о том, что у всех участников съемки были свои подходы к изобразительным средствам, подбору цветов одежды и прочим методам отражения окружающей действительности. Окружающая же действительность состояла из куска пустыни Гоби, который пересекало каменистое русло высохшей реки. Церендорж выбрал именно это русло для «костров пустыни». Наши операторы придирчиво осмотрели место будущей съемки и согласились. Но этим еще не исчерпывались достоинства Церендоржа и жителей саймуна. Они проявили такую организационную хватку и безупречную дисциплину, которым бы позавидовала любая наша киностудия. Они подчинялись любому немому жесту оператора, моментально схватывая и понимая операторский замысел. А жесты операторов ставили иногда в тупик даже меня. Что значит, например, опущенный вниз палец левой руки и зверское выражение лица? Конечно, если долго над этим размышлять, то можно в конце концов и понять. Но старый монгол, сидевший у костра, быстро поджал под себя вытянутую левую ногу. Она не входила в кадр. После съемок оператор, вздохнув, мечтательно сказал:

— Нам бы этих людей на студию. Они бы показали этим разгильдяям, как надо работать.

Не прошло и часа после объявления в саймуне волнующей новости о предстоящих съемках, как в пересохшем русле реки было уже все готово. Непокорные и надменные верблюды выстроены в караванную цепь, доставлен кизяк для костров, разложены и зажжены костры в том порядке, какого требовали законы кинокомпозиции. Одеты и придирчиво осмотрены со всех сторон «артисты». И наконец, все рассажены вокруг костров так, чтобы все были видны и все попали в кадр. Солнце еще не успело сесть, а съемку уже можно было начинать. Сначала у «костров пустыни» царила какая-то напряженность. Но люди, сидящие друг против друга, не могут долго молчать. Они стали перебрасываться словами, под-

смеивались над старинной одеждой и комментировали поведение операторов. Постепенно их действия становились свободнее, они перестали обращать внимание на кинокамеры.

Наконец оранжевый свет заходящего солнца погас, над пустыней за клубились голубые сумерки, мерно застрекотала на пригорке кинокамера. Потом съемка кончилась, но никто не хотел уходить от горящих костров. Люди по-прежнему сидели около них. Видимо, все так прочно вошли в свою роль, что не могли сразу ее кончить. Или роль уже перешла в жизнь, в обычную жизнь пустыни. С ее караванами, сухой красной травой, каменистыми руслами пересохших рек и кострами, которые зажигают к ночи усталые путники. То, что началось с игры, теперь завершилось жизнью. Настоящей жизнью караванного пути. Огонь то поднимался, то сникал. Он клал багровые блики на широкие скулы сидевших и плясал в их узких глазах. Старинные монгольские шапки покачивались в такт спокойной беседе, задумчиво сидел лама, запахнувшись в оранжевый халат.

Чьи-то шаги раздались в темноте, и я подумала, что сейчас выйдет седобородый, синеглазый человек и, приветливо улыбнувшись, подсядет к костру. К костру пустыни, так поэтично воспетому им. Но человек не вышел. Он остался в другом времени, а след его каравана давно занесло пылью и песком. Из темноты вышел Намнандорж и опустился рядом со мной на сухую траву. Он молча смотрел на людей, на горящие костры и думал о чем-то своем. Одна за другой на небе выступали колкие, холодные звезды. В мире были только эти костры и звезды. Все остальное утонуло во тьме.

«Мы идем при свете костров. Мы идем при сиянии звезд. Мы дойдем при молнии духа, когда золото солнца вспыхнет внутри нас, поражая неправду», — вспомнила я слова.

Вокруг, простираясь на много-много километров, дышала Великая пустыня. Как будто дышало само Время. «Мы идем при свете костров. Мы идем при сиянии звезд».

— Эти слова сказал великий поэт, — отозвался из темноты Намнандорж. — «Когда золото солнца вспыхнет внутри нас, поражая неправду!» Поэт жил в Азии, — уверенно сказал он.

Рано утром мы покинули саймун, держа путь на юго-запад. Над пустыней стояло блеклое небо. Я всматривалась в горизонт, но его четкая линия оставалась однообразно унылой. Миража не было. Ни миража Пространства, ни миража Времени. Дул холодный ветер и гнал по плоской равнине высохшие веточки верблюжьей колючки. Постепенно красные тона пустыни блекли, сменялись чем-то неопределенным, как будто Гоби выцветала на глазах. Начиналась какая-то совсем другая Гоби. Теперь она приподнялась, вздыбилась и по ней пошли волны холмов. Обнаженная, лишённая всякой растительности, земля была печальна и неудобна.

— Все, — сказал Намнандорж. — Приехали. Дальше нельзя. Скоро начнется пограничная с Китаем зона. Там беспокойно.

Мы вышли из машины. Волны холмов уходили к юго-западу, и там, за

ними, синели невысокие горы. Мы повернули назад, а тот караван, ради которого мы оказались здесь, продолжал свой путь во Времени. Цепочка верблюдов, покачивающих нагруженными боками, медленно и степенно направлялась туда, к гибельным соляным болотам Цайдама. «И еще огни светятся вдали, но не костры это. Они желтые и насыщенно-красные. Из этих таинственных искр создаются сложные построения. Смотри, вон там города в красных песках, вот будто подымаются дворцы и стены. Не священный ли огромный бык мерцает в красных огнях? Не окна ли светятся вдали и призывают путников? Из темноты около вас чернеют темные дыры — как старое кладбище, нагромождены какие-то плоские плиты. Под копытами камней что-то звенит твердое, как стекло»¹⁷. Это был мираж, который несли ветры Времени к бездонным и таинственным болотам Цайдама. «Мы идем при свете костров. Мы идем при сиянии звезд...»

4. «БЬЕТСЯ ЛИ СЕРДЦЕ АЗИИ?»

...Всадник скакал через степь. Он торопился, и временами его лошадь шла наметом, стелясь по забуревшей осенней траве. Лошадь была белая, а на всаднике складно сидел красный шелковый дэли. Всадник ехал в славный и старинный монастырь Эрдени-Дзу. Тот монастырь, у стен которого когда-то ночной порой появилась кавалькада, прискакавшая из Заповедной страны. И человек в шитом золотом кафтане разбудил и поднял лам, чтобы сказать им нечто важное. Всадник в красном дэли тоже вез важную

весть. Белая лошадь проскакала по последнему холму перед монастырем, на какое-то мгновение задержалась на его вершине, и лучи заходящего солнца розовыми бликами легли на потемневшие от пота ее бока.

Внизу, привольно раскинувшись в степи, лежал монастырь. Над его белыми стенами, увенчанными субурганами, вознеслись крытые зеленой китайской черепицей изогнутые крыши храмов. Лиловая туча, стоявшая над монастырем, налилась густым цветом, и на ней, пересекая клубящиеся завихрения, расцвела радуга. Вдали за стенами монастыря текла река Орхон. И там, на ее берегах, лежали

темные руины древнего города Каракорума. Города, дотла сожженного войсками китайского императора. Всадник пустил коня рысью и направил его к воротам монастыря. В надвратном павильончике с такой же изогнутой зеленой крышей, как и на храмах, тревожно и беспокойно трепетал сигнальный огонь. Огонь всегда знак. Но какой? О чем сейчас он возвещает? Об опасности или о важном событии? Тяжелые монастырские ворота

Всадник в степи

Монастырь Эрдени-Дзу

Фрагмент ступы (слева)

Монастырь Эрдени-Дзу. Храм

распахнулись, и вестник, не снижая скорости, проскочил в них.

— Стоп! Стоп! — крикнули всаднику, и тот от неожиданности поднял коня на дыбы. Но к нему уже спешил оператор.

— Еще раз, — сказал он.

Всадник повернул коня, проскакал снова монастырские ворота и устремился к холму, над которым, пересекая лиловую тучу, горела неправдоподобная радуга. Пригнувшись к луке седла, он вновь понесся вниз к монастырским воротам. Мерно зажужжал мотор кинокамеры.

Сцена, которая снималась под стенами старинного монастыря Эрдени-Дзу, называлась «Вестник». Известно, что тема Вестника прошла через все творчество Рериха. Вестники скакали на его картинах на конях, шли пешком по горным тропам, плыли на парусных кораблях. Они спешили с важными и необычными вестями. На вестниках были кафтаны воинов и оранжевые одежды лам. Они возникали на всем пути Центрально-Азиатской экспедиции, предупреждали об опасностях, несли слова одобрения и надежды. Они появлялись неожиданно и также неожиданно исчезали, не называя своих имен. Легенды связывали вестников с заповедной страной Шамбалой или с теми, кто имел к ней отношение. Помните? Это из экспедиционного дневника: «Неожиданные гости прилетают из пустыни. Под вечер прискакал таинственный незнакомец в золотосшитом монгольском кафтане. Кто он? Спешно прошел в шатер. Не называя себя, сказал, что он друг нам и должен предупредить о готовящемся на нас нападении на тибетской границе. Предупредил о необходимости усиленных караулов и раз-

Танка Ченрези

ведочных разъездов. Сказал и ускакал»¹⁸. Или еще: «Вестник, вестник, откуда улыбка твоя?»

Монастырь Эрдени-Дзу был выбран для съемки не случайно. Существовала прекрасная легенда о ночном посещении монастыря Владыкой Шамбалы. В съемке опять все было настоящим, и ничто не противоречило тому, что мы уже знали о Монголии. Радуга была тоже настоящей. Как будто кто-то нам ее подарил в тот день. Заказ операторов был предельно четким. Лошадь должна быть белая. Дэли всадника — красное, а сапоги — с загнутыми носами. Сначала мы нашли лошадь и сапоги. Потом нашли всадника. В Монголии это не трудно. Там каждый встречный — всадник. Но на нем были спортивные брюки и куртка, а не красный дэли. Однако он с видимым удовольствием сменил ботинки на наши сапоги и приготовился ждать. Теперь оставалось найти красный халат. Мы с Намнандоржем разделили свои силы. Он отправился в одну сторону степи, я — в другую.

Поднявшись на соседний холм, я обозрела обширную монгольскую степь и, к своему удивлению, заметила на пустынной степной дороге красное пятно, которое спокойно передвигалось в направлении, противоположном от монастыря. Я устремилась за ним и нагнала его. Старик, на котором был красный дэли, что-то сказал, но я, естественно, не поняла. Монгольский язык был мне неведом. Явно я переоценила свои возможности, ибо не могла ему объяснить, что мне нужен его восхитительный красный дэли. Подойти к нему и молча снять с него дэли я тоже не решилась. Старик мог принять меня за грабителя и оказать сопротивление. Я попыталась знаками объяснить ему, чтобы он какое-то время оставался на месте. Но старик стал что-то говорить и жестиковать. Со стороны мы походили на двух оживленно беседующих людей. Но это была сплошная видимость. Наконец я надоела старику. Он посмотрел на меня печально и сожалеюще, сделал какой-то неопределенный жест и зашагал своим путем. Красное дэли от меня уходило, а я беспомощно смотрела ему вслед. Тут я вспомнила, что на месте съемки еще оставалась Амарджаргал, и она спасет положение. Я сорвалась с места, как спринтер, которому дорога каждая десятая доля секунды. При виде сей впечатляющей картины красное дэли перепуганно вздрогнуло и остановилось как вкопанное. Но Амарджаргал на месте не оказалось. Она была послана к местной княжне за кизяком для огня. Во всей округе кизяк был только у нее. Наконец на дороге, ведущей к монастырю, показалась высокая быстро шагающая фигура Намнандоржа. Я замахала руками, Намнандорж ускорил шаги. Потом побежал. Я тоже. Через несколько минут Намнандорж вскочил в наш «газик» и устремился в погоню за красным дэли. Дэли было достигнуто, водворено в машину вместе со своим хозяином и доставлено к месту съемки. Хозяин почему-то все время веселился, когда смотрел на меня. Намнандорж веселился вместе с ним. Их веселье ни к чему хорошему не привело. Всадник, которому наскучила вся организационная

Дверь храма

ведной страны. Ее знак, три круга, горел на фронте западного храма. Такой же знак имели и некоторые храмовые реликвии. Потом недалеко от Эрдени-Дзу возник храм, посвященный Шамбале. Ламы в этом храме владели тайным учением, но передавали его не каждому. Заповедная страна, окруженная кольцом снежных гор, была изображена на храмовых танках.

В тридцатые годы нашего столетия монастырь закрыли, лам выгнали, храмы разграбили. По степям и юртам разошлись старинные танки и изысканные бронзовые статуэтки. Уникальная коллекция Эрдени-Дзу перестала существовать. Никем не охраняемый монастырь разрушался. Зеленая китайская черепица обваливалась с изящно загнутых крыш храмов. По обветшавшим залам гулял степной ветер. Двор был усеян осколками статуй, светильников, запорошен штукатуркой разбитых стен и субурганов. Но затмение человеческого разума в конце концов проходит, и люди начинают вспоминать о своей культуре и традициях. Они тоскуют о бессмысленной утрате чего-то ценного и непреходящего и пытаются это восстановить. Но восстанавливать всегда труднее, чем разрушать. Год за годом восстанавливали Эрдени-Дзу. Теперь там филиал Исторического музея Улан-Батора.

Я хожу по монастырю вместе с директором музея. Он жалуется, что работы идут очень медленно. Не хватает денег, не хватает рабочих рук, не хватает специалистов. Мы подходим к огромной котловине в центре комплекса, ее дно заболочено, черная тина покрыта ядовито-зеленой ряской.

— Когда-то здесь, — говорит директор, — было прекрасное голубое озеро. В горестные дни разрушений и отрицания повредили систему водоснабжения. Теперь мы не знаем, как поддерживался уровень воды в озере. Не думаю, что нам удастся его восстановить.

Он печально качает головой и задумчиво смотрит на черную вязкую тину, скопившуюся на дне котловины.

Над Эрдени-Дзу стоит ясный солнечный день. Белые облака, похожие на затейливые узоры буддийских танок, плывут над ним, зеленым цветом горит черепица на изогнутых крышах трех уцелевших храмов. Теплый степной ветер шевелит высохшие стебли жесткой травы. Здесь, на Орхоне, снег еще не выпадал, но неизбежное его приближение ощущается во всем, даже в той настороженной тишине, которая стоит над монастырем, степью и еще зелеными холмами. Печально и тонко звенели раскачиваемые ветром бронзовые колокольчики под крышей среднего храма. В полумраке его зала бронзово блестяла огромная статуя Будды. Полуприкрытые тяжелыми веками глаза смотрели отрешенно и печально. Место «третьего глаза» было заделано кругом красной меди. Когда-то в этом месте сверкал огромный рубин. По обеим сторонам бронзового Будды стояли грозные хранители веры. На деревянных резных колоннах висели старинные танки и маски. Пахло пылью и еще чем-то, чем пахнет обычно в музеях, где лежат предме-

неразбериха, ушел в наших сапогах домой. Теперь мы были обладателями белой лошади и красного дэли. Но сапог и всадника не было. Мы даже не знали, в какой стороне тот живет. Когда появилась с кизяком Амарджаргал, безнадежное уныние царило на съемочной площадке.

— Как не знаете, где он живет? — возмутилась она.

Не успели мы оглянуться, как Амарджаргал устремилась куда-то в степь.

— Держите лошадь! Да смотрите, чтобы красное дэли не ушло! — крикнула она нам напоследок.

Через полчаса все было улажено. Белая лошадь, красное дэли, сапоги с загнутыми носками и всадник оказались вместе. Над воротами опять зажгли огонь. Всадник скакал через степь к монастырю...

Монастырь Эрдени-Дзу, или «Храм Сокровища», строился долго. В конце XVI века монгольский князь Абатай-хан воздвиг кумирню на развалинах Каракорума. Позже кирпичи, оставшиеся от руин, пошли на сооружение стен и храмов монастыря. Завершилось строительство монастырского комплекса только в XIX веке. Так в монгольской степи вырос один из крупнейших буддийских монастырей Азии. В нем сошлись разные стили — монгольский, китайский, тибетский. «Храм Сокровища» лежал на перекрестке путей, соединяющих Монголию с Китаем и Тибетом. Когда-то Эрдени-Дзу был известным всей Монголии культурным центром. В его хранилищах находились редкие книги и старинные рукописи. Паломники из далеких краев приходили полюбоваться на изящно сделанные бронзовые статуэтки и расписанные яркими красками танки. Монастырь славился своими мистериями — «цам». Тысячи людей собирались на его красочные представления. Гортанно и протяжно звучали монастырские трубы, били барабаны. Яркие устрашающие маски двигались в медленном танце. В монастыре хранилась самая богатая во всей Монголии коллекция масок. Ее держали в специальных помещениях, куда не допускались непосвященные. По праздничным дням открывали кованные храмовые сундуки и извлекали из них древние реликвии. Их привозили из Индии, Китая, Тибета особые караваны. Они шли тайными тропами, не зажигали по ночам костров. За реликвиями охотились. Они приносили счастье их обладателям. В праздничные дни прихожане созерцали только некоторую часть этих сокровищ. Наиболее ценные и священные из них могли видеть только высокие ламы.

Ночами, когда над монастырем стояло звездное небо, ламы изучали ход светил. Они читали старинные космогонические трактаты и умели составлять гороскопы. Вечерами они вели длительные философские дискуссии и передавали ученикам искусство говорить и участвовать в диспутах. Время от времени у ворот монастыря появлялись скачущие из степи и с гор вестники. Но раз в сто лет прибывал самый важный вестник. Верховный лама выходил встречать его к воротам. Вестник, чье появление предсказывали звезды, держал путь из Запо-

Осенние деревья

Развалины буддийского монастыря

ты, давно выключенные из жизни. В Западном храме, на фронтоне которого были изображены три круга, стояли три Будды. Будда прошлого, Будда настоящего и Будда будущего, Майтрейя. Глаза Майтрейи смотрели открыто и пристально. Одна нога была спущена с престола, как будто Майтрейя уже собрался подняться. По пьедесталам статуй шагали белые слоны. На их спинах пылали те же три круга Сокровища мира. Здесь, в Западном храме, оживали легенды, о которых писал Рерих. Пылало Сокровище мира, Майтрейя собирался в дальний путь. Со стен смотрел Держатель Мира Ченрези, и неистовая Махакали плясала в свивающихся алых струях космического огня. Чуть поодаль от Западного сверкал свежей краской тибетский храм. Линии его стен были строги и аскетичны. На красных дверях висел тяжелый замок. Здесь, в затишке, приятно пригревало нежаркое осеннее солнце. Ветер доносил из степи запах сухих трав. Звенели, переговариваясь, колокольчики. Неожиданно сверху раздались странные звуки. Я невольно подняла голову. Там, где по ярко-синему небу плыли белые легкие облака, я увидела длинный косяк журавлей, направляющийся куда-то к югу, в теплые края. Журавли летели своей древней поднебесной дорогой, которая местами совпадала со старинными караванными тропами людей. По ним тысячелетия назад шли Великие странники, а над ними каждую осень летели журавли...

Журавли снизились над монастырем, а потом снова взмыли в небеса там, где в черных обожженных развалинах лежал старинный город Каракорум — бывшая столица Монгольской империи.

Город стали строить еще при Чингисхане. К концу XIII века он был уже известен во многих странах. О Каракоруме ходили по миру легенды, и европейские путешественники проделывали многие тысячи километров опасного пути, чтобы попасть в него. Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло — здесь в монгольских степях остались их следы. Город был богат и красив. За прочной каменной стеной стоял дворец Великого хана. Алой китайской краской горели дворцовые колонны. На крышах сверкали позолоченные коньки. В народе ходили легенды о роскоши ханских приемов. Сметливые купцы и искусные ремесленники ставили свои дома неподалеку от дворца. Для иноземных гостей построили отдельный квартал. С раннего утра до позднего вечера за зубчатыми городскими стенами шумел рынок, на который, говорят, сходилась вся Азия. В город приходили караваны из Тибета, Китая, Индии. Краснобородые персы торговали сурьмой и благовониями. Звенели золотые и серебряные украшения. Сверкали и искрились драгоценные камни. Но не это поражало европейцев. Францисканец Рубрук с удивлением писал, что в Каракоруме кроме буддийских храмов есть мусульманские мечети и даже церковь христиан-несториан. Ему, католику, пришельцу из далекой Европы, была непонятна веротерпимость монголов. Европа раздиралась религиозными распрями и усобицами. Католики были самыми непримиримыми из них.

Керексур

Ранняя луна

Столетие спустя город практически перестал существовать. Он был разрушен и снесен с лица земли воинами, пришедшими из Китая. Осажденный ими Каракорум горел несколько недель. Рушились черепичные крыши, пылали деревянные колонны. Потом время завершило начатое. В степи, покрытой руинами, уцелела только гранитная черепаша, символ долголетия и благополучия.

Каракорум, Хара-Хорин... Огромное степное пространство, усыпанное битым и опаленным кирпичом. Руины, занесенные песком и землей, превратившиеся в поросшие степной травой холмы. Здесь на открытом пространстве свободно гулял холодный резкий ветер. Каменный панцирь черепахи потемнел от времени и забившейся в его трещины копоти горевшего города. Такими же темными выглядели и гранитные основания колонн исчезнувшего дворца. Я поднимаю кирпич и вижу, что широкая его поверхность оплавлена, как будто на нем навсегда застыло красноватое пламя того страшного пожара. Пожар превращал крепкие кирпичи в пузырящуюся массу. Такое я видела впервые. Среди бесформенных руин, поросших увядающей осенней травой, шмыгали полевки. Вся земля была изрыта их норками. В какое-то мгновение мне показалось, что под обожженными руинами города, созданного когда-то людьми, гнездится подземный город мышей. И в нем идет своя таинственная жизнь. Полевки выскакивали из норок, суетились на руинах, попискивали, окликавая друг друга, а потом снова ис-

Ущелье Хугенхан

чезали в темных ходах нор.

После Каракорума на нашем пути возникли еще развалины. На этот раз у Хотонта. Сырцовые стены, окружавшие когда-то город, обвалились. Бурые от сухой травы холмы и холмики, как волны застывшего моря, покрывали все его пространство.

«Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где, одиноко, возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящие ушедшие культуры. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце»¹⁹.

Я взобралась на уцелевшую стену. Кто-то уже протоптал по ней узкую тропинку. Из степи налетали сильные порывы ветра. Глинистые бесформенные руины сливались со степью и казались уже не руинами, а естественной принадлежностью этой беспредельной ветреной плоскости.

Тюрки, уйгуры, киргизы. Орды и полчища Чингисхана. Все пронеслось над этой степью. Набеги, грабежи, пожары. Разрушения и созидания. Безмятежная, отрешенная улыбка Будды и неистовство многоруких богов с коронами из человеческих черепов. Все слилось нераздельно в едином потоке Времени.

Намнандорж с тревогой поглядывал на мчавшиеся по небу рваные серые тучи и торопил нас. Ветер становился пронзительно-холодным. От него коченели руки и замерзали ноги в теплых ботинках. Ветер носился по степи, выл на одной низкой ноте и грозил перейти в ураган.

От урагана мы успели уйти. Но зато попали в буран. В настоящий, снежный, монгольский буран. Он настиг нас уже за Хотонтом, на пути к Хашаш-саймуну. В степи ревела и бесновалась белая мгла. Потoki снега, свиваясь в гигантские водовороты, сметали все на своем пути. Машина с трудом пробивалась сквозь них, и казалось, что временами она почти останавливается, не в силах преодолеть расходившуюся стихию. Буран бросал густые тучи снега в ветровое стекло, и «дворники» безуспешно царапали стремительно нараставший слой снега. Белая снежная мгла поглотила все вокруг. Включенные фары не помогли. Два желтых пятнышка света, застрявшие в снеге, прыгали перед самой машиной. Машина с трудом отвоевывала у бурана километр за километром. Временами в этих снежных вихрях возникал какой-то странный призрачный свет, похожий на голубоватое сияние. Но этот

свет лился не сверху, а шел откуда-то с боков, и появлялось ощущение, что это голубоватое свечение порождала сама белая мгла. Иногда этот голубой свет усиливался, становился интенсивнее и сливался вместе со снегом в мерцающие спирали, похожие на космические туманности зарождающихся миров. Но новые миры не появлялись, а старый, как мне казалось, уже кончал свое существование. И только наш «газик», каким-то чудом уцелевший в этом снежном катаклизме, еще боролся, доживая свои последние мгновения. Ледяные струи воздуха проникали сквозь его обшивку. Морозили наши лица и руки. Намнандорж пристально всматривался в это снежное круговерчение, но и он, по-моему, ничего не мог рассмотреть в этой воющей мгле обезумевшего снега и ветра.

Внезапно машина встала, в распахнутую дверцу ворвалось облако колючего снега и вымело нас из нее в ревуший и гибнущий мир. Снежные вихри подхватили всех и беспрепятственно повлекли куда-то во мглу и ветер. Колючие струи снега секли лицо и сбивали с ног. И я подумала, что больше не увижу ни нашей машины, ни Намнандоржа, ни

Река Онгин-гол

всех остальных. Меня бы несло так, наверное, еще очень долго, если бы на моем пути неожиданно не возникло препятствие. Я налетела на него и остановилась. Сквозь воющую мглу проступила загородка, забранная металлической сеткой. Цепляясь за сетку, я стала медленно продвигаться вдоль нее. Потом я подняла голову и оторопела. Передо мной стояла неподвижная фигура. Длинные голубоватые одежды спускались к ногам, стоящим в снегу. Рука замерла в странном, неясном для меня жесте. У фигуры не было головы. Она была кем-то отрублена. Мне показалось, что из ревущей яви возникает какой-то страшный сон. Новый порыв ветра бесцеремонно толкнул меня в спину и бросил на фигуру. Я почувствовала полновесный удар и ощутила под пальцами ледяной холод мрамора. И все сразу разъяснилось. Мраморное изваяние принадлежало тюркскому правителю Кюльтегину. Здесь, за металлической сеткой, было расположено его погребение. Сквозь снег я с трудом разглядела плиты, лежащие в снегу, и высокую, похожую на менгир стелу. Голову Кюльтегина я видела раньше, в Художественном музее Улан-Батора. Голова стояла на специальной подставке. С этой подставки принц Кюльтегин смотрел надменно и высокомерно. Его полный рот был презрительно сжат, а выражение миндалевидных, приподнятых к вискам глаз было властолюбиво-непреклонным. На Кюльтегине красовалась высокая шапка, на которой безвестный мастер, живший в VII веке, высек фантастическое существо с крыльями и женской головой.

У памятника Кюльтегину мы с трудом собрали наши разрозненные и разбросанные силы и снова втиснулись в промерзший насквозь «газик». Он с трудом завелся и двинулся вновь в снежную мглу.

— А если мы заблудились? — спросила я Намнандоржа.

— В степи, — объяснил он мне, — есть перекрестки, мимо которых не может проехать даже заблудившийся в буран.

Как всегда, он оказался прав. Часа через два из снежного тумана возникли белые юрты. Сначала они показались мне очень большими и высокими. Когда мы подъехали к ним вплотную, они уменьшились и обрели свои обычные размеры. У юрт стояло несколько занесенных снегом грузовиков. Три верблюда, прижавшиеся с подветренной стороны к одной из юрт, загораживали вход в нее. Где-то в снежной пелене тревожно и беспокойно заржала лошадь. Юрта была набита до отказа людьми, застигнутыми бураном. Посередине ярко пылал огонь в железной плите. Было тепло и весело, как бывает на трудной дороге, у случайно встреченного огня. Приветливый пожилой хозяин указал нам на свободную кошму. За войлочными стенами юрты еще выл и бесновался ветер, но мы уже были недосыгаемы для него. Постепенно порывы ветра стали стихать, и за стенами юрты воцарилась тишина. Мы вышли наружу. Снег еще шел, но буран уже кончился. Степь постепенно «проявлялась». Стали видны торчащие из-под снега кустистые стебли травы, следы протекторов на дороге, а где-то на гори-

зонте сквозь снег уже выступали призрачные очертания гор. Мы переправились через широкую реку, подняв фонтан брызг из-под колес. На том берегу в небольшом озерце плавали три белых лебедя. Они поворачивали изогнутые длинные шеи и что-то негромко курлыкали. Снежинки медленно опускались на них. Постепенно белая мгла заволакивала озерцо, размывала четкие линии, и лебеди исчезали на глазах, растворяясь в этом снежном белом мире. Так исчезают в сказках волшебные птицы...

Это случилось на десятый день нашего путешествия. Мы подъезжали к Датинчелену. Дорога петляла между невысокими горами, покрытыми толстым слоем снега. Пожалуй, сейчас мне трудно сказать, были ли это отроги Хангайского хребта или предгорья Монгольского Алтая. Намнандорж называл эти горы Хугенхан. Небо было ясным, и солнце щедро освещало это белое царство, заснеженную степь, белую дорогу и сверкающие горы. Намнандорж задумчиво смотрел вперед и на деревья с облетевшей листвой и что-то напевал себе под нос.

Потом он велел шоферу поворачивать. Машина сошла с основного пути и устремилась к горной гряде, стоявшей совсем в стороне.

— Куда мы едем? — спросила я.

Намнандорж улыбнулся и тихо сказал:

— В Заповедное ущелье. В самое красивое место древней Монголии.

Мы миновали скалистый хребет, но за ним вновь поднялись горы. Они были выше, чем те, что стояли при дороге. В их сумрачную глубину уходили узкие проходы-каньоны. Они шли параллельно друг другу и кончались где-то за лесистыми скалами. Намнандорж внимательно осматривал каньоны, но они ему чем-то не нравились. Наконец он велел остановиться. Я увидела узкое пространство, образованное склонами двух гор. Выход из него запирал склон третьей горы, и казалось, что перед нами был своеобразный горный тупик. Но Намнандорж стал подниматься по склону, делая приглашающие жесты. Мы отправились за ним. На склоне лежал глубокий снег, и идти было трудно. Ноги то и дело проваливались по колено, и приходилось делать немало усилий, чтобы извлечь их из снега. Мы все были нагружены тяжелой киноаппаратурой. Обледенелые камни, потревоженные нами, скатывались вниз, туда, где стояла наша машина. Мы скользили по этим камням, проваливались в снег, но старались не отставать от Намнандоржа. Для него, казалось, такие трудности не существовали. Он шел легко, уверенно нащупывая одному ему известную тропу. Вдоль склона дул резкий морозный ветер. Он обжигал лицо и пронизывал до самых костей. Мне казалось, что этому подъему не будет конца. Ремень тяжелой сумки резал плечо, уставшие ноги становились нескладными и непослушными. Наконец мы одолели склон. За ним открылся узкий проход, ведущий на перевал. Перевал был невысокий. Метров восемьсот, от силы тысяча. Но подход к нему был покрыт таким же толстым слоем снега, как и склон, который мы миновали с таким трудом. Подъем на пере-

вал продолжался долго. Всю жизнь. Так мне показалось. Уже не было ни «до», ни «после», а был только глубокий снег, обледенелые камни и затрудненное дыхание. Движения становились механическими. Единственная мысль, которая тревожила меня, — не поскользнуться и не скатиться вниз. Ботинки и брюки, все время погруженные в снег, стали намокать. Когда снег становился мельче, они покрывались коркой тонкого льда. Потом снова намокали, и так до бесконечности. Сколько прошло времени? Час, два или действительно вся жизнь? Не было сил отогнуть рукав куртки и посмотреть на часы. Потом почему-то стало легче дышать. Я подняла голову и в нескольких метрах от себя увидела четкую линию близкого перевала. Намнандорж стоял на перевале и приветственно махал рукой. Через несколько минут я оказалась рядом с ним. На снегу горели живые синие цветы. И в этом странном снежном цветении было что-то тайное, сказочное. Золотистые лучи низкого солнца лились откуда-то сбоку, и снег под ними вспыхивал синими, зелеными, красными, фиолетовыми искрами. Искры плясали у синих цветов вместе с солнечными лучами, исчезали, вновь появлялись, неожиданно и внезапно меняли свой цвет. Синие вдруг загорались красным огнем, фиолетовые — зеленым. Эта таинственная снежная феерия имела какие-то свои, непостижимые для меня закономерности. Наверное, я так и осталась бы на перевале, если бы голос Намнандоржа не вывел меня из оцепенения. Я посмотрела туда, куда показывал он.

Прямо под нами открывались снежный склон и дно ущелья, поросшие густым лесом. Легкий ветерок раскачивал ярко-алые листья деревьев. Ветви гнулись к снегу, и на нем трепетали красные танцующие блики. Выше по ущелью алый цвет угасал и становился розовым. Там, раскачиваясь, шумели розовые деревья. А совсем у синих гор листва становилась ярко-желтой и лес походил на реку расплавленного золота, стекающую от синих вершин сюда, в ущелье, к алым листьям и красным снежным бликам. Неожиданно откуда-то сверху донесся протяжный трубный звук. Там, в золотом лесу, протрубил олень. Звук прокатился по ущелью, умножился многократным эхом и погас в алых деревьях. Этот призывный олений глас как будто сдвинул воздух Заповедного ущелья. Он потек куда-то навстречу солнечным лучам. Из бесцветного воздух стал голубым, загораясь где-то на границе снега и солнца оранжево-красным пламенем. Как будто волшебная невиданная радуга спустилась с неба и накрыла ущелье. Ее призрачные цвета мерцали и переливались, делая все вокруг нереальным и изысканным. Над радугой, распростертой на деревьях и снегу, возникла массивная четырехугольная башня. Башня была старинная, сложенная из крупных камней. На камнях играли цветные блики.

— Я много раз здесь бывал, — сказал Намнандорж. — Но такое вижу в первый раз. Вот что значит свежий снег в горах и заходящее солнце. Мы спустились к башне. Она оказалась уцелевшей частью старо-

го тибетского монастыря. Кто построил этот уединенный монастырь и кто жил в этом скрытом от людских глаз Заповедном ущелье, я так и не узнала. Обошла развалины, припорошенные снегом. Сухие ветви с алыми листьями шуршали о камни разрушенных стен, как будто защищали их от чего-то. Среди руин я наткнулась на каменную платформу, напоминающую алтарь. На алтаре лежала статуэтка Будды, вырезанная из камня жемчужного цвета. Удлиненные линии статуэтки были совершенны, а ее формы несли в себе какую-то нездешнюю утонченность. Статуэтка была разбита на три части.

Я не заметила, как ушли золотистые лучи солнца и исчезла радуга, жившая в Заповедном ущелье. Когда я поднялась на перевал, сумерки уже погасили все цвета и ущелье стало темным и холодным. И только башня разрушенного храма сурово и верно сторожила вход в Заповедное место. Снова поднялся морозный, пронизывающий ветер. Синие цветы, обожженные его дыханием, поникли и увяли. Мне захотелось к огню. Я вспомнила о монгольском чае и поняла, что мне нужен теперь только этот чай, и ничего другого больше. Откуда-то сверху прощально и печально протрубил олень.

Мы возвращались в Улан-Батор на следующий день. Он возник перед нами, огромный, каменный, раскинувшийся в степи. Дым фабричных труб серым облаком расплывался над ним. Ветер гнал его куда-то в степь. На шоссе гроыхали грузовики, проносились «икарусы». Где-то неподалеку от шоссе стучал трактор. Ритмично и неутомимо. Здесь тоже билось сердце Азии. Но билось в другом, новом ритме...

*Н.К.Рерих.
Великий
Всадник*

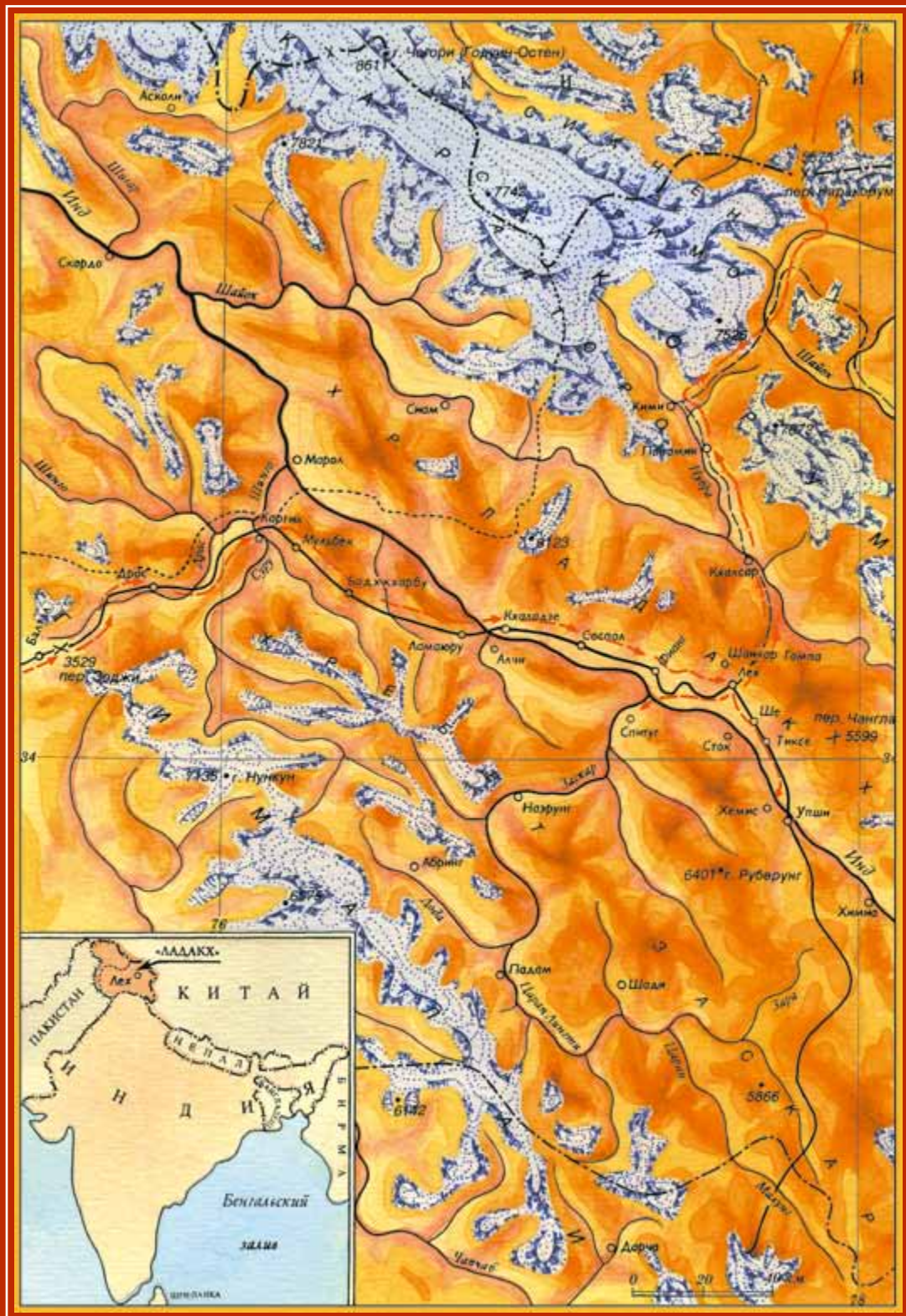

III. СТРАНА ГОР И СНЕГОВ

*Хотя много написано о Ладаке, но чувствуется,
что еще множайшее может быть открыто в этих
местах и может дать потерянные вехи многих путей.*

Н.К. Рерих. Сердце Азии

Маршрут автора по Ладакху

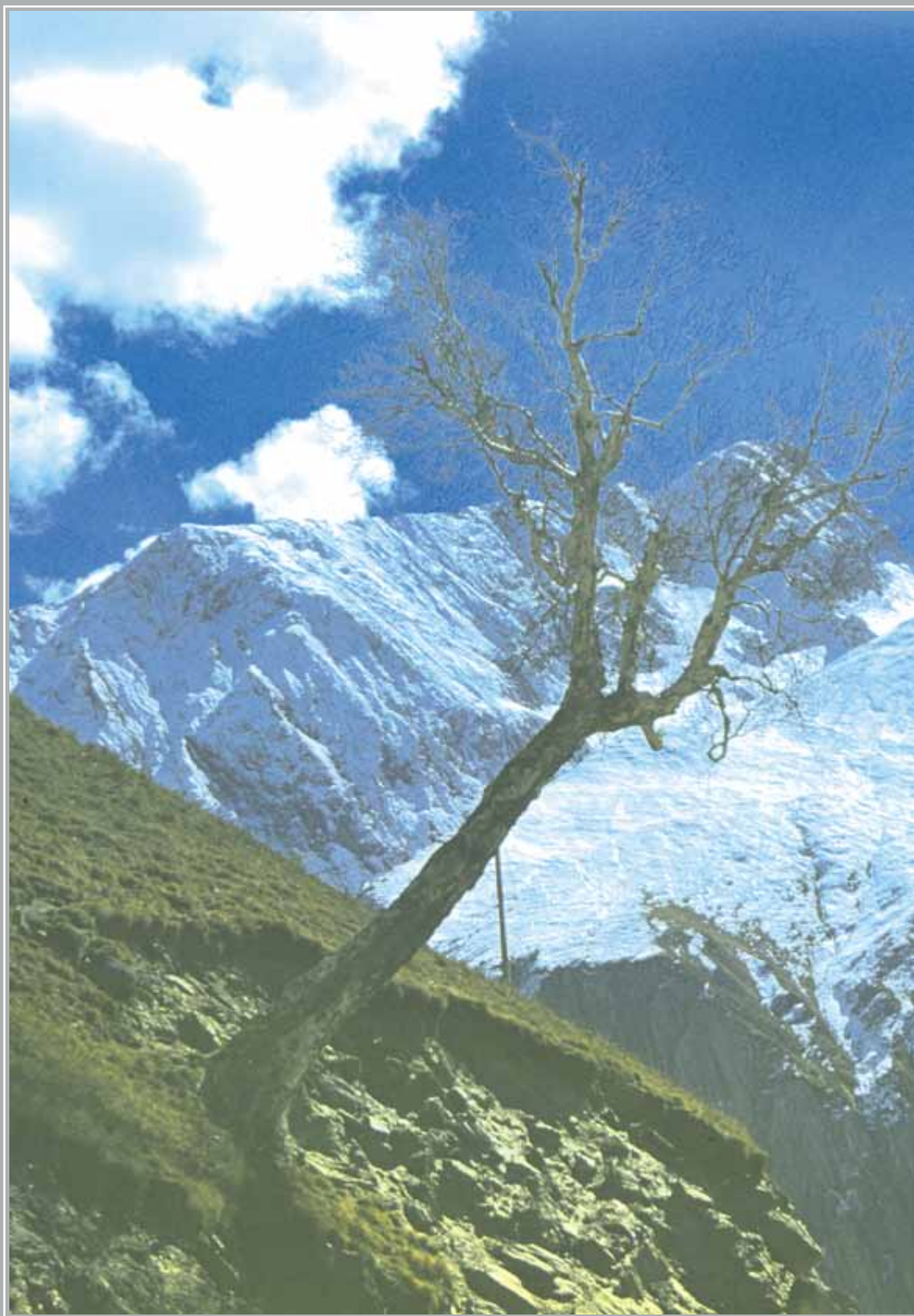
1. ВДОЛЬ КАРАВАННОЙ ДОРОГИ

Древнюю караванную дорогу, идущую из Кашмира в Ладакх, я увидела первый раз осенью 1975 года. Правда, в самый Ладакх я по разным обстоятельствам не попала и, проехав сто два километра, вернулась в Сринагар. Еще в 1962 году вдоль дороги проложили шоссе, уходившее к хребту Каракорум, за которым лежал Китай. Шоссе тянулось чуть выше древнего пути, и на узком пространстве этого промежутка как бы сошлись две жизни, прошлая и настоящая. Выше ехали грузовики и легковые автомобили, ниже — тек красочный поток иной жизни. Шли люди в ярких тюрбанах,

завернутые в шерстяные плащи. Ветер трепал их длинные бороды. Старик Хоттабыч, седобородый и хитроглазый, вел на поводу низкорослую лошадь, на которой надменно восседала пожилая матрона. В такт шагу лошади позванивали браслеты на ее запястьях. Следом шел целый караван тяжело навьюченных лошадей. Не успел караван скрыться, как неожиданно появилась амазонка. Подол ее свободно ниспадающего платья бился по стремянам, конец башлыка, напоминающего скифский, лежал на прямых сильных плечах. Черты лица были резкими и суровыми. Подъехав к скале, она соскочила с лошади, ловким движением подтянула подпругу и снова легко вскочила в седло. Поправила тяжелое серебряное украшение на груди и стремительно унеслась, как и появилась.

Пастухи в древних одеждах гнали стада овец и коз. Цокали копыта коней. Звенели караванные колокольцы. Отдыхали на обочине притомившиеся водоносы, положив рядом кожаные бурдюки со свежей родниковой водой. Солнце уже клонилось к закату, и близкие вершины гор стали розовыми, когда мы въехали в узкую долину. Над ней стояли снежные горы Великого Гималайского хребта. Долина называлась Сонамарг, или Золотой путь. Здесь по склонам гор росли березы и сосны, а на лугах паслись овцы. Мы провели ночь в деревянном домике на склоне. В камине жарко горели березовые дрова, ледяной ветер рвался и завывал за тонкими дощатыми стенами домика. Где-то совсем рядом, невидимый в ночи, стоял Великий Гималайский хребет. Утром, когда еще не рассеялся туман, мы двинулись к Соджи-Ла, первому на нашем пути перевалу. Шоссе карабкалось и петляло среди зеленых, черных и сиреневых скал. Снежные шапки гор нависали над дорогой. Она поднималась все выше и выше, пробиваясь среди скал, ледников и заснеженных склонов. Наконец мы добрались до самого перевала. Прямо над ним сверкал на солнце гигантский ледник. Внизу же открывалось царство

Перевал Соджи-Ла

Скалы Ладаки

снега, стиснутое мерцающими обындевевшими скалами. Казалось, что в этом пространстве мироздание навечно запечатлело какой-то древний трагический катаклизм. Морозный ветер метался среди белых нагромождений, о чем-то плакал и пел. Здесь полвека назад прошел караван Центрально-Азиатской экспедиции Рериха...

Вновь в Кашмир я попала в октябре 1979 года. Здесь, в Сринагаре, осень чувствовалась еще мало. Деревья были чуть тронуты желтизной, цвели розы, а шикары, наполненные фруктами и цветами, скользили по каналам, проложенным вдоль узких улиц города. Администратор Ризви, небольшого роста, худощавый, с живыми черными глазами, был первым, с кем я познакомилась в Кашмирском университете.

— Ладакх? — удивленно спросил он меня. — Но это же так трудно. Я работал в Ладакхе несколько лет. Удивительная страна. А какие люди... — Ризви мечтательно уставился в окно, за которым студенты вверенного ему университета гоняли футбольный мяч.

— Я не знаю толком, зачем вам нужен Ладакх, — оторвался он от окна, — но в одном я уверен, это страна, где стоит побывать. Я помогу вам.

Министр по делам Ладакха, мой давний знакомец Сонам Норбу, снабдил меня важным письмом, в котором назвал меня «самым дорогим моим другом». Ладакхцы восприняли это как должное. Было у меня и другое письмо. От студента Кашмирского университета Анчока своему дядюшке Сонаму. Вот оно:

«Сринагар, 17 октября 1979 г.

Дорогой дядюшка Сонам!

Я здесь познакомился с русской леди, которая является великим историком в России и теперь собирается в научный тур по Ладакху. Она, в основном, интересуется буддизмом. Она остановится на один день в Драсе для изучения людей Драса и каменных скульптур. Она также и этнограф. Пожалуйста, покажи ей все, так как она пришла в наш университет и на нашу кафедру и попросила ей помочь. Я думаю, ты не будешь возражать против такого одолжения. Она прекрасная леди и интересный собеседник.

Твой Анчок».

И снова знакомая дорога до перевала Соджи-Ла. Чем выше мы поднимались в горы, тем более осенним становился пейзаж. Горели на солнце красные и желтые листья деревьев, и стояла вокруг та тишина, которая бывает только осенью. За Соджи-Ла начинался Ладакх. Среди скалистых утесов причудливых форм и очертаний появились массивные каменные дома тибетского типа. На склонах и вершинах гор стояли буддийские ступы. Развалины старинных крепостей и сторожевых башен венчали обрывистые скалы. Шоссе то поднималось вверх к снежным вершинам, то спускалось в узкие горные долины, похожие на каньоны. По дну каньонов, вгрызаясь в горную породу, текли бирюзово-синие реки. Где-то совсем близко были верховья Инда. Горы наступали на дорогу, стискивали ее с обеих сторон, но дорога ускользала, вырываясь

«Ом мани падме хум...»

из этих каменных объятий, уходила от них, чтобы опять через какое-то время вновь оказаться в них. И скалистые горы, и отвесные стены каньонов, и каменные русла рек — все это сверкало самыми неожиданными красками. Плывущие по ярко-синему небу легкие облака затевали призрачную игру света и тени. И древние камни принимали эту игру, лукаво и неожиданно меняли окраску, на какое-то мгновение задерживали ее, чтобы вспыхнуть новым, еще более неправдоподобным цветом. Казалось, что разноцветные прозрачные туманы покрывали горы, плыли вдоль них, следуя лучам солнца и пути облаков. Над этой феерией красок и форм неподвижно и строго стояли покрытые вечным снегом вершины, по ним легко и неслышно скользили синие и голубые тени. А внизу, в узких долинах, по берегам рек бушевало золотое и красное пламя осенних роц. Дул сухой холодный ветер. Он стягивал кожу лица и рук, высушивал глаза, нос и губы. Километр за километром менялись краски, менялись формы. Но по-прежнему бесконечны были горы, и, казалось, ничего в мире, кроме них, не существовало.

У Драса я увидела стелы, о которых писал Рерих: «После Драса встретили первую буддийскую весть. Около дороги две каменные стелы, изображающие Майтрейю. Около них — камень с изображением всадника. Не на белом ли коне этот всадник? Не вестник ли нового мира? Значительно, что первым буддийским знаменем является именно облик Майтрейи»²⁰.

Стелы стояли в узкой каменистой долине. Десять веков, прошумевшие над ними, смягчили четкость их линий. Ветры довершили работу Времени. Но еще можно было разглядеть зубчатую тиару на Майтрейе, чашу в правой поднятой руке и чашу в левой. Драсские стелы были первыми историческими памятниками, о которых упомянул Николай Константинович на караванном пути от Сринагара до Ле. Но не последними. Они открывали собой целую серию каменных свидетельств самых разных эпох, которые в Ладакхе встречались на каждом шагу.

«...Видели и знаки прошлого. На скалах — изображения оленей, круторогих козлов и коней. Где мы видели такие изображения? На камнях Северной Америки, на сибирских скалах. Та же техника, та же стилизация и то же уважение к животным. Людских изображений мало» — это из экспедиционного дневника Рериха «Алтай — Гималаи»²¹.

Упомянутые Рерихом петроглифы я нашла между Кхарбу и Чаннигундом. Они были выбиты на огромном валуне, похожем на скалу. Тысячелетняя пыль караванного пути, спрессованная и твердая, покрывала нижнюю часть. Валун нависал над скалистым каньоном, где шумел один из притоков Инда. Вокруг было безлюдно и тихо. И только рисунки на скале жили своей особой древней жизнью. Козлы гнули головы с тяжелыми рогами, лучники притаились в бесшумной засаде. Уперев правую руку в бок, проскакал одинокий всадник. Кружились в неистовой ритуальной пляске фигурки, похожие на детские рисунки.

Драс. Майтрейя

Патина камня, отполированная многими веками, временами насыщалась глубокими синими тонами ладакхского неба, и от этого казалось, что скала вся светится синим холодным огнем, живет и дышит и что козлы, кони и люди замерли только на одно мгновение, а потом снова устремятся куда-то вдаль по этому синему огромному экрану. Время спроецировало на нем свои таинственные знаки, и понять, какие из них ранние, а какие поздние, было трудно. Но постепенно этот необычный экран стал распадаться на разные эпохи, на разные стили. И как начало чего-то важного и непреходящего, встали в синем огне круторогие козлы неолита. Их потом повторяли в поздние эпохи, но там они уже были лишены своей выразительности и легкой стремительности, отяжелели, утратили нечто важное, что наполняло этот мертвый камень трепетом исчезнувшей жизни. Но эти поздние, подражательные петроглифы свидетельствовали о непрерывающейся культурной преемственности в бесконечной цепи человеческой эволюции. Древний круторогий козел неолита захватил огромное пространство Азии от Индии до Алтая. Рерих называл такие петроглифы знаками Гесэра, увязывая их с древним солнечным культом.

Я долго не могла отойти от этой скалы, мерцающей синим отраженным светом неба. Мне никто не мешал ни думать, ни смотреть. Внизу шумела бирюзовая река, а на многие километры тянулись молчаливые горы. «Джип» с его шофером, туповатым и нелюбопытным кашмирцем, остался где-то за скалами, у поворота. Опять о чем-то пел ветер в ущелье. И мне казалось, что это не ветер, а странный ритуальный напев, возникающий откуда-то из глубин тысячелетий. Мне казалось, что фигурки на синем камне вот-вот начнут двигаться в такт ему, как только ветер Времени донесет до них эти звуки.

— Кхе-кхе, — неожиданно раздалось где-то сбоку.

Я подняла голову. Передо мной стоял древний старик. Его лицо напоминало ту же коричневатую патину, которой был покрыт камень. Время нанесло на эту патину густую сеть резких морщин, но глаза из-под седых кустистых бровей смотрели живо и зорко. Старик кутался в красное, потертое во многих местах шерстяное одеяло. Ни по его лицу, ни по его одежде я не могла определить, кто он. Ладакхец или кашмирец.

— Здравствуй, — сказал старик чуть надтреснутым голосом.

— Здравствуй. Откуда ты?

Старик махнул рукой в неопределенном направлении. Я поняла, что для него это почему-то не имело значения. Придерживая одеяло и побряхтывая, он уселся рядом со мной на придорожный камень.

— Смотришь? — и с нескрываемым любопытством уставился на меня.

— Смотрю.

— Кхе-кхе, — кашлянул старик. — Ты долго здесь сидишь?

Амазонка

Горы Ладакха

стенами выходили на улицы. Женщины, завернутые с ног до головы в цветные покрывала, бесшумными тенями скользили вдоль стен. Мужчины в темных кашмирских перенях напоминали больших ворон. Где-то печально и протяжно кричал на минарете муэдзин. Внизу, под скалистым обрывом, шумела река. Чуть в стороне от реки стояло неопрятное здание гостиницы с деревянными наружными лестницами. Я поднялась по одной из них, толкнула ободранную грязную дверь и очутилась в большой комнате, заставленной кроватями. На кроватях и на полу комнаты сидели и лежали люди в перенях. В комнате плотным облаком стоял табачный дым, на полу валялись пустые бутылки. Было шумно, кто-то громко ругался. Шла азартная игра в карты. Все это мало напоминало государственную гостиницу и больше походило на какой-то странный притон. Когда я вошла, шум на минуту смолк, и человек в черном перене, взмахнув руками, как крыльями, метнулся ко мне.

— Мест нет! Мест нет! — визгливо закричал он.

— А вы кто? — спросила я.

— Я чиновник по туризму. Но все равно мест нет, — уже спокойнее сказал он.

— Давай устраивай, где хочешь, — рассердилась я.

Чиновник по туризму схватил мой чемодан, выбежал на улицу, поставил чемодан на землю и растерянно оглянулся. В это время в конце улицы появился мальчишка. Чиновник по туризму устремился к нему, схватил за шиворот и потащил к чемодану. Сначала мальчишка упирался и даже пробовал вырваться. Но потом что-то понял, схватил чемодан и скрылся в одном из переулков. Чиновник по туризму исчез в противоположном направлении. Уже темнело, и улицы были освещены редкими пыльными фонарями. Прохожих не было. Я наугад свернула в переулок, ведущий к реке.

— Мадам! Мадам! — кто-то позвал сверху.

Я подняла голову и увидела освещенное керосиновой лампой окно, а в окне пожилого грузного человека.

— Ваш чемодан здесь, — сказал он, — поднимайтесь. Я — хозяин гостиницы.

Какие-то тени мелькали в коридоре, где-то смеялись, потом кто-то громко запел. Я вошла в свою комнату. Из щелей в деревянных стенах дул холодный ветер, грозя погасить единственную свечу, которая была прикреплена к выщербленной покосившейся тумбочке.

Каргил был последним пунктом мусульманского Ладакха на моем пути. За ним начинался Ладакх буддийский. На следующий день на пути встал Мульбек. Окруженный скалистыми горами, поселок был как бы впаян в эти горы. Скалы и массивные дома тибетского типа составляли единое целое, одни гармонично переходили в другие. На самой высокой скале стояла старинная крепость. Ее стены пообветшали и местами обрушились. Но снизу, от реки это не было заметно, и казалось, что крепость живет и продолжает нести вековую сторожевую

— Долго. А что?

— Те, которые приезжают издалека, долго здесь не сидят. А почему ты сидишь?

— Интересно — и сижу.

— А почему интересно?

— Потому. — Ничего лучше я не нашла ответить. Старик начинал мне мешать. И он, как будто чувствуя это, поднялся.

— Я пойду? — полувопросительно, полуутверждающе произнес он.

— Иди, — согласилась я.

Но он неожиданно снова уселся рядом со мной.

— Кхе-кхе. Никто не знает, а я знаю.

— Что знаешь? — спросила я его.

— Вот об этом, — и ткнул сухим морщинистым пальцем в рисунки.

Я сделала равнодушный вид и даже отвернулась от него.

— Кхе-кхе, — раздалось снова. — Никто не знает, а я знаю.

— Послушай, — повернулась я к нему. — Те, кто знает, рассказывают другим. Но есть такие, которые не знают, а говорят, что знают.

— Это я-то не знаю? — возмутился он искренне. Потом посерьезнел, придвинулся ближе и, снизив голос, доверительно сказал:

— Это не простые рисунки. Это особые знаки. Знаки Гесэра. Давным-давно жил на свете великий герой Гесэр. Он много воевал с врагами, но был справедлив, и все бедные и страдающие люди его любили. У него было много чудесных приключений, он посетил многие страны. Там, где Гесэр проходил, высекали на скалах и горах его знаки: козлов, оленей и воинов с луками. Куда он ушел, никому не известно. Но настанет время, и великий герой снова появится со своими воинами и уничтожит на этой земле зло. Храбрый Гесэр установит Царство справедливости, и все люди будут процветать. Чтобы не сбиться с пути при возвращении, он и пометил дорогу своими знаками. Там, где есть его знаки, он появится снова, и люди станут счастливыми. Но только там, где есть такие знаки, — повторил старик. — Вот здесь, видишь, знаки. Много знаков. И дальше туда, по пути к Ле, они тоже есть. Значит, Гесэр вернется в Ладакх.

Так первый раз я столкнулась с рассказом о Гесэре, таинственном герое и царе, о котором сложены эпические сказания в Тибете, Монголии, Бурятии и Ладакхе. Николай Константинович Рерих стремился разгадать тайну Гесэра. Возможно, ему удалось это сделать. Но конечный результат этой разгадки нам неизвестен. Я вспомнила его картину, которая называлась «Знаки Гесэра». На ней были изображены древние наскальные рисунки.

К вечеру мы добрались до Каргила, городка, зажатога между скалистыми горами. Когда-то Каргил славился базаром, красочным и шумным. Теперь о базаре остались только воспоминания. Городок был грязным и захлавленным. Узкие улочки причудливого рисунка то карабкались вверх, то спускались вниз. Глинобитные с плоскими крышами дома глухими

Древние петроглифы у Кхарбу

Мы прошли к задней стене храма. Здесь я увидела пьедестал, похожий на перевернутый гигантский цветок лотоса. У огромных каменных ступней ног в скале виднелись восемь фигурок. Одни сохранились хорошо, другие были полуразрушены. Фигурки показались мне необычными. На них были круглые шляпы с небольшими, еле заметными в камне полями. Я знала, что такие шляпы носили когда-то в Тибете жрецы бона, древней добуддийской религии. В боне было восемь божеств, которые впоследствии вошли в пантеон ламаизма.

— Кто они? — спросила я ламу, указывая на фигурки.

— Восемь сыновей Ньеба. Это они высекли Майтрею в скале, а потом себя. Но Майтрея — большой, а они — маленькие. Они были святыми, проповедовавшими учение Будды, и жили много веков тому назад.

— Значит, сыновья Ньеба были буддистами? А почему на них такие странные шляпы?

— Не знаю, — сказал лама.

Ламаизм выростал из древней религии бон, оплодотворенной учением Будды. И как ноги Майтреи опирались на каменный пьедестал, так и ламаизм опирался на древний пьедестал бона. Бон проникал в учение, и учение проникало в бон. А на тонкой границе диффузии возникал новый сплав, называемый ламаизмом, который нес в себе элементы бона и элементы учения Будды. И факт этот подтверждался буддийскими святыми Ньеба в круглых шляпах жрецов бона. Так Великое время серебряной нитью преемственности связывало прошлое и будущее, ушедшее и наступающее.

— Ты была в Шарголе? — неожиданно спросил лама.

— А что значит Шаргола? — поинтересовалась я.

— Это значит «Повелитель первого рассвета».

Название мне показалось красивым, но непонятным. Лама объяснил мне, что оно связано с утренней звездой — Венерой. Много позже у Франке, миссионера и археолога, на которого ссылались в своих работах Николай Константинович и Юрий Николаевич, я нашла интересное замечание. Ученый в своем монументальном труде «Древности индийского Тибета» писал о песне, которая называлась «Дуг-тен Шаргола». Дуг-тен — это особый вид ступы. Песня начиналась с прославления героя древности Агу Друмба, который построил вышеупомянутую ступу и монастырь. Кончалась песня хвалой утренней звезде, которая называлась «великой звездой встающих небес». Франке считал, и, на мой взгляд, с полным основанием, что герой Агу Друмба был персонификацией этой утренней звезды. «Утренняя звезда, — писал он, — является провозвестником солнца, и поэтому ее персонификация будет вестником царя (Гесэра. — Л.Ш.) в саге. И действительно, есть поверье, что Шаргола является родиной легендарного вестника»²³.

Тогда я этого еще не знала и очень удивилась всему тому, что сказал лама.

службу, охраняя покой этой горной долины. У самой реки расположились приземистые, выбеленные здания буддийского монастыря. Скала, о которой я так много слышала, стояла у самой дороги:

«...В древнем Мульбеке гигантское изображение Грядущего стоит властно при пути. Каждый путник должен пройти мимо этой скалы. Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земле. Знают — Майтрейя идет»²².

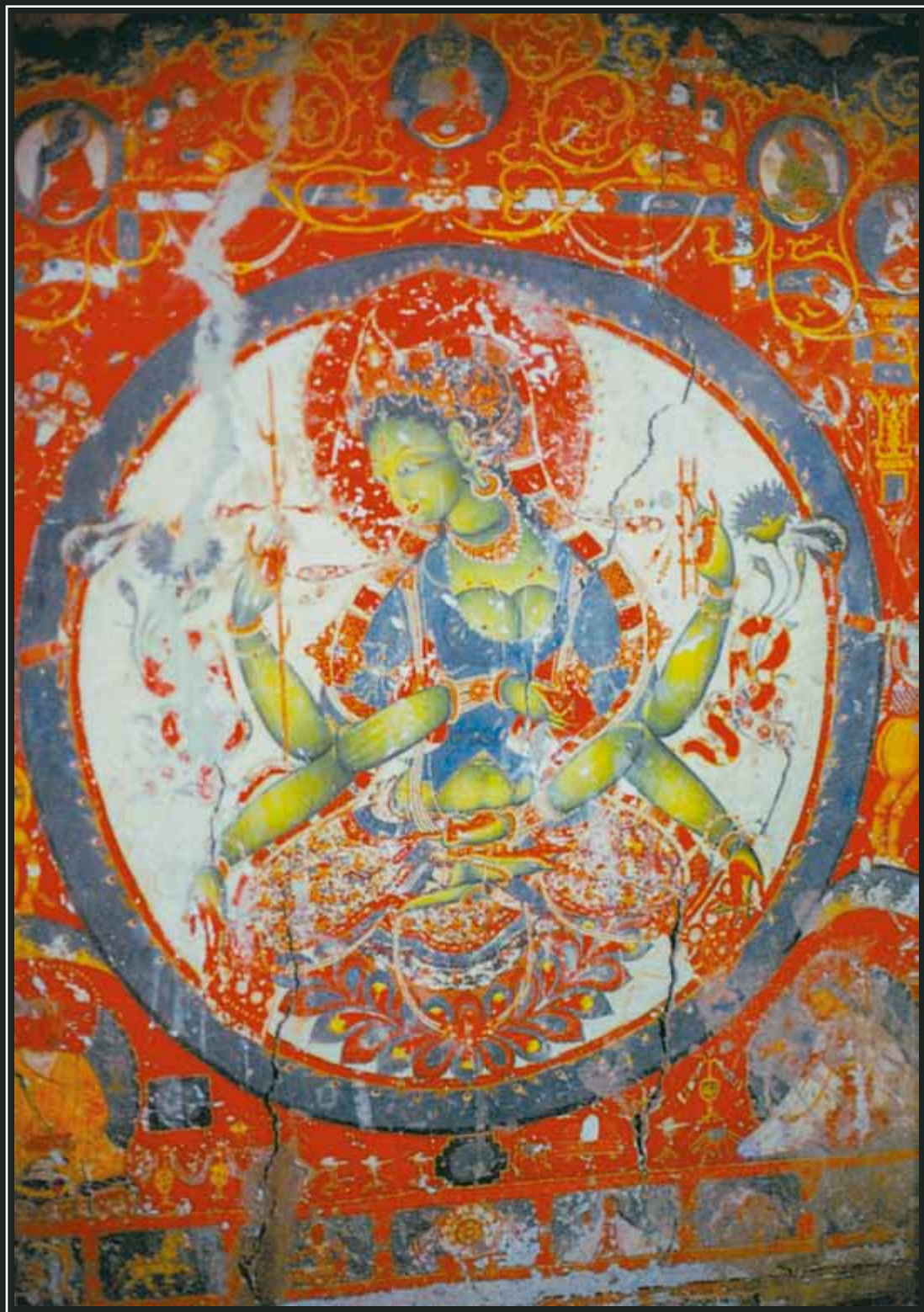
Когда над Мульбеком полыхнул огонь заката, я увидела красно-оранжевые блики на скале и Майтрейе, коленопреклоненного ламу у ног изваяния, синие и коричневые скалы, розовые снега и облачного всадника, несущегося по алому полотнищу неба. «Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земле». Два уровня, два мира. Стремительность и размытость линий небесного всадника и тяжелая монументальность земного изваяния. И между ними, как соединительное звено, человек. Картина называлась «Майтрейя-победитель». Ею Николай Константинович открыл свою знаменитую серию «Майтрейя». Когда я смотрела картины этой серии в Нижегородской галерее, я поражалась тому, как легко и свободно вкладывал Рерих в простые образы глубочайшее философское содержание. Так осмыслить изваяние при дороге в Мульбеке смог только он.

Подошел лама, указал рукой в сторону Майтрейи.

— Смотри, — сказал он, — это память о будущем. Что такое десять веков для вечности? Одно мгновение. В едином водовороте Великого времени прошлое от будущего отделено призрачным быстро текущим ручейком настоящего. Этот ручеек слаб и преходящ. Один берег его в прошлом, другой уже в будущем. Где граница настоящего? Без прошлого не бывает будущего. Если есть память о прошлом, то есть память о будущем. Все взаимосвязано. Великое время ведет счет не веками, а тысячелетиями. Тысячелетиями прошлого и будущего. Прошлое повторяет будущее. Будущее — прошлое. Водоворот Времени как спираль. Все уже было и все будет повторено. И память прошлого хранит память о будущем.

Я слушала ламу, и в моем воображении возникал этот похожий на галактическую туманность водоворот Великого времени, он дышал прошлым и жил будущим. От него шли мерцающие волны, уходя куда-то в бесконечность, бились о что-то мне неизвестное, возвращались и вновь катились к какому-то таинственному и непостижимому пределу... Но был ли этот предел? Разве существует он у Великого времени? Есть предел у ручья, есть предел у волны. Но нет предела океану, тому океану, который захватывает пространство Вселенной и меняет суть Времени, превращая его в Великое. Почему-то мне стало страшно. Картина, возникшая в моем воображении, пугала и притягивала.

— Потом ты все это поймешь, если захочешь. — Голос ламы вывел меня из задумчивости. — Идем, я покажу тебе ноги Майтрейи. Их не видно из-за храма.

Монастырь Алчи. Старинная фреска

— Поезжай в Шарголу, там есть дом Лон-по Риг-па, того, которого король Тибета Сронцзангампо послал в Китай, чтобы привезти королевскую невесту принцессу Вэнь-Чень. Он был вестником короля.

— Но ведь за принцессой поехал королевский министр из рода Гар, — возразила я.

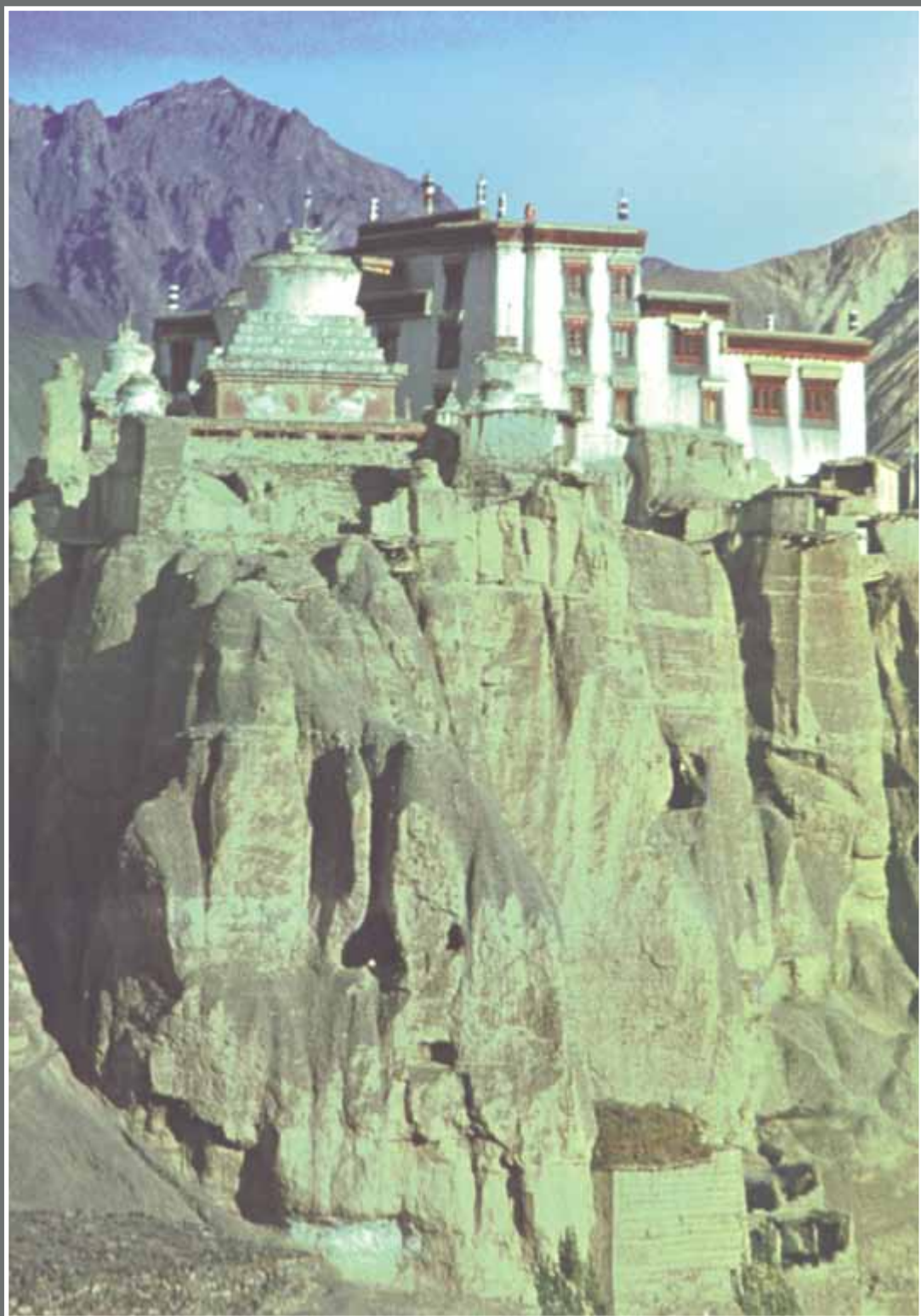
— Нет, — твердо сказал лама, — это был Лон-по Риг-па.

Пришлось вернуться в Шарголу, небольшую деревушку между Каргиллом и Мульбеком. Утром я легкомысленно проехала мимо нее. Теперь мне предстояло найти дом таинственного Лон-по Риг-па, который звался вестником. Жители деревни показали мне этот дом. Вернее, несколько домов. Я выбрала самый большой из них. Он стоял ближе всех к реке. Через перегороженные камнями поля я подошла к дому и поняла, что он несколько раз перестраивался. Ничего, кроме этого, мне так и не удалось узнать о Лон-по Риг-па. Все запуталось и странным образом переплелось. История и миф, легендарный Гесэр и реальный король Сронцзангампо, «Утренняя звезда» и принцесса Вэнь-Чень, Ладакх и Тибет. И наконец, этот ни на что не похожий дом, в котором когда-то века назад жил таинственный вестник.

И снова пошли вдоль дороги зеленые, красные и сиреневые горы. Над дальними вершинами ползли лиловые тучи. Дорога то ныряла в скальные нагромождения, то поднималась куда-то вверх, и оттуда были видны вершины скал, похожие на древние гигантские замки. Постепенно в окружающих горах и скалах начало что-то меняться. Их формы утрачивали свою угловатость и изломанность. Они становились более мягкими, скругленными. Их образовал древний спрессованный песок, от которого исходил тот странный рассеянный золотистый свет, обычно возникающий на песчаном дне морского мелководья. Теперь мы как будто ехали по дну древнего моря, чьи призрачные, пришедшие из небытия волны бились о каменные вершины гор. Потом в одной из книг о Ладакхе мне попались строчки: «Согласно древним текстам и утверждениям геологов XX века, изучавших почву, Ладакх находился под морем миллионы лет назад, всплывая затем медленно и неуклонно»²⁴.

Миллионы лет здесь плескалось Пуранское море, а потом древний океан Тетис вздымал свои грозные волны. Росли Гималаи, и вулканические извержения сотрясали то, что позже стало Ладакхом и Кашмиром.

Машина медленно, с трудом, завывая на крутых поворотах, стала взбираться на высокую гору. Один круг, второй, третий. Наконец последний, и мы выехали напрямую к перевалу. Перевал назывался Фоту-Ла. С него я увидела узкую долину, окруженную со всех сторон горами. Странные песчаниковые нагромождения со срезанными плоскими вершинами перемежались со скалами и обрывами. Вдоль них тянулись выветренные образования, похожие на воинов в остроконечных шлемах. На древнем песчанике стоял старинный монастырь Ламаюру. Он был похож на фантастический город. Я вспомнила картину Рериха, на которой массивные с плоскими крышами здания монастыря и ска-

Монастырь Ламаяру

Окрестности Ламатору

лы были освещены лучами заходящего солнца. И от этого светились красным цветом, как будто вышли из иной, не нашей жизни.

Я поднялась по тропинке и попала в монастырский двор, обнесенный высокой каменной стеной. У входа во двор трое лам в красных длинных плащах отрешенно и методично били в разрисованные барабаны. Увидев меня, один из них сделал мне знак остановиться и исчез в боковой двери здания. Теперь били в барабаны только двое лам. Третий долго не появлялся, и я двинулась с места. Тогда второй лама сделал предупреждающий жест и скрылся в той же двери, что

Басго. Старинные развалины

Ламаяру. Ламаистское божество

и первый. Оставшийся лама отрешенно продолжал бить в барабан. Я стояла против него, но он смотрел куда-то сквозь меня. Тогда я сделала повторную попытку двинуться. Опять предупреждающий жест, и третий лама исчез за той же таинственной дверью. Бить в барабан теперь было некому, и я направилась к двери. Но оттуда вышли сразу все трое лам, остановились перед дверью и ударили в барабаны. Вслед за ними появился четвертый, с коричневым морщинистым лицом, похожим на печеное яблоко.

— Джулей²⁵, — приветливо сказал он. — Извините, что заставил ждать. Они не виноваты, — и кивнул на барабанщиков.

Барабанщики отрешенно и методично снова забили в барабаны и на нас уже не обращали внимания.

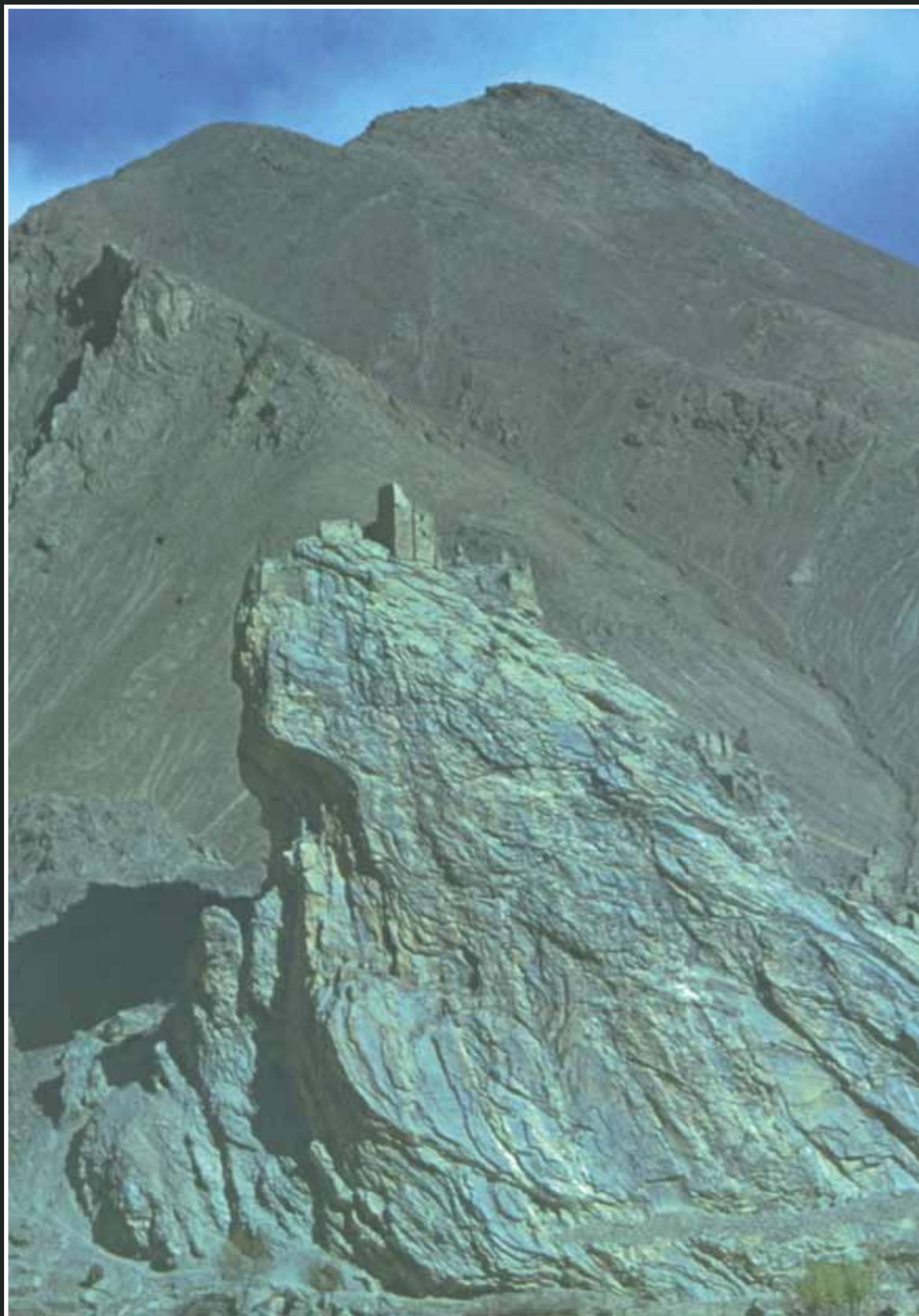
— Это у вас такой ритуал приема гостей? — спросила я у ламы.

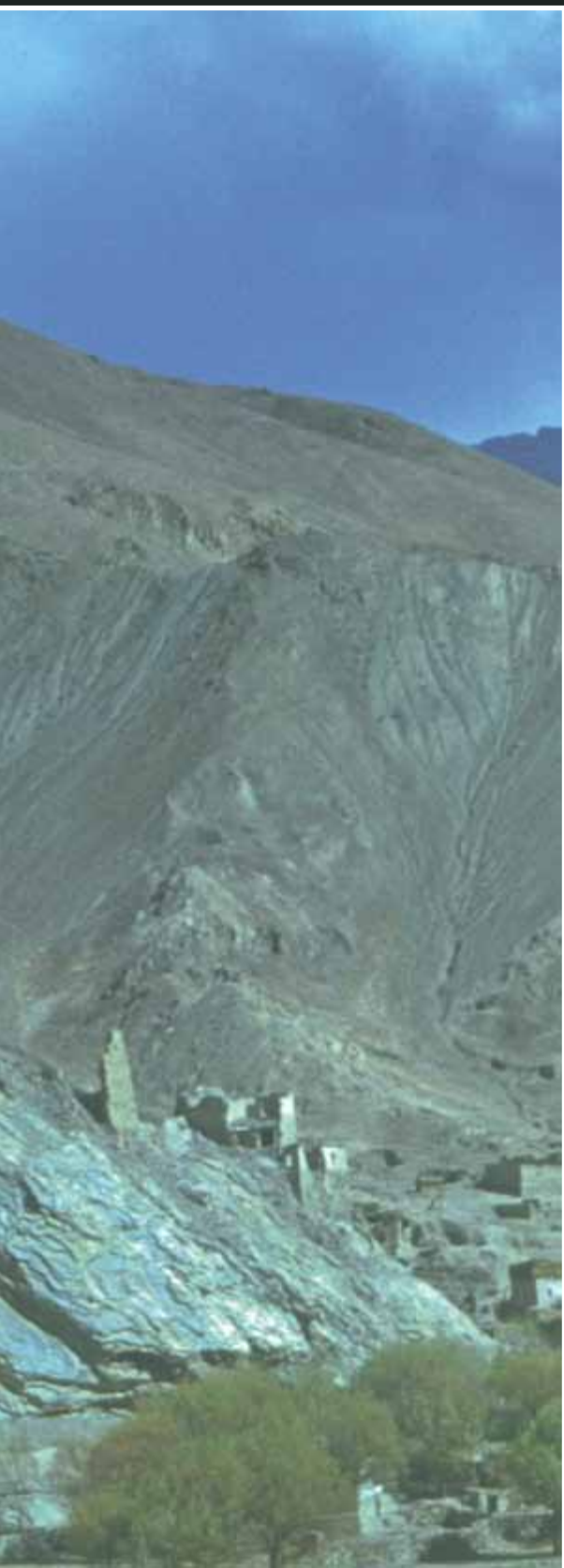
— Нет, нет, — заторопился тот. — Просто они хотели вам помочь, но объяснить своего намерения не смогли. Они говорят только по-ладакхски. Сейчас я вам покажу монастырь и все объясню.

Бежен, так звали ламу, открыл тяжелую деревянную дверь, и я оказалась в просторном помещении, по стенам которого тянулись ячейки, похожие на полки книжных шкафов. В ячейках лежали завернутые в цветной шелк длинные тибетские книги с такими же длинными дощечками-переплетами. Бежен снял одну из них, бережно развернул желтый шелк и протянул книгу мне. Я откинула дощечку и увидела тонкие продолговатые странички глубокого черного цвета. По ним бежали тибетские золотые буквы. Бумага тонко и тревожно чем-то пахла, может быть самой древностью. Мягко шуршали страницы, мелькали буквы, похожие на старинный орнамент. Я не знала, о чем повествовала эта рукопись, но в ней было что-то удивительно притягательное и манящее.

— Эта рукопись очень древняя, — сказал Бежен. — Ее записали ламы, когда еще жил Великий переводчик. Это было тысячу, а может быть, и более лет назад.

Так в Ламаюру я впервые услышала о Великом переводчике, который родился в конце X века и прожил почти сто лет. Его звали Ринчен Зангпо. Это созвучие напоминало другое имя — Ригден Джапо. Легендарное имя Владыки Шамбалы. Сам Великий переводчик со временем тоже обратился в легенду. О подробностях его жизни мы знаем мало. Нам известно только об огромном труде, который он совершил в X–XI веках. Говорят, что он был выходцем из Тибета. И еще, что он прожил семнадцать лет в Индии и привез оттуда манускрипты, в которых была заключена мудрость Будды. Он перевел их на тибетский язык. Десятки, сотни и тысячи рукописей. Его переводы были совершенны и безупречны. Ламы-переписчики записывали их золотой китайской краской на тонких продолговатых листах старинной бумаги. Рукописи, аккуратно завернутые в шелк, оседали на полках-ячейках монастырей Ладакха и Тибета. Великий переводчик прославил свое имя еще и тем,

Замок Ладакха

Юндрун — свастика. Здесь поклонялись богам свастики древнего бона. Здесь, возможно, началось мирное сосуществование бодхисатв с древними богами. Это обстоятельство вводило долгое время европейских путешественников в заблуждение. Они никак не могли определить религиозную принадлежность монастыря, ибо мыслили однозначно и ограниченно. Доктор Франке из Моравской миссии обнаружил здесь еще в 1909 году древнее святилище. Когда Центрально-Азиатская экспедиция Рериха остановилась в Ламаюру в 1925 году, от святилища остались лишь руины.

«Мы обошли также развалины бонского монастыря, о котором упоминает доктор О. Франке, — писал Юрий Николаевич Рерих. — К сожалению, фрески, когда-то украшавшие стены храма, осыпались, и трудно было определить, что на них изображено»²⁶. Николай Константинович назвал Ламаюру твердыней бона²⁷. Я уже ничего не нашла на месте древнего святилища. Его здание окончательно рухнуло в 1971 году, и ламы аккуратно убрали камни и куски засохшей глины, некогда скреплявшей их. Тогда, в начале XX века, Франке писал о фресках святилища: «Эти картины, возможно, представляют нагов, подобных тем, что мы видели в Убши и Алчи»²⁸. Наги. Кто они такие? Духи, боги, люди? Их называют наги в Индии и лю в Тибете. Их синие тела несут знак змеи, а над головами поднимаются капюшоны кобр. Что означает древний символ змеи? Знание? Мудрость? Наги были связаны с боном и с индуизмом. Неразгаданные символы древности. Старинные и таинственные, они переселились из бона в буддийские алтари вместе с другими давними божествами.

Мы шли по монастырю. В его залах били барабаны, звучали высокие голоса лам. Какое-то странное ощущение безвременья вдруг возникло во мне. Оно источало тонкий аромат нездешних курений, звучало гортанной песней и тревожным боем барабана. Оно клубилось и свивалось над древними светильниками, и из его глубины выплывали оскаленные страшные лица древних богов. Восьмирукий Нагараджа в короне из черепов крепко сжимал в каждой руке по змее. Змеи извивались, пытались вырваться. Но безвременье приковывало их к синим рукам божества. Разноцветные маски раскрывали клыкастые пасти. На их лбах таинственно и призрачно светился третий глаз. А на алтаре, где мерцала, отражая язычки светильников, серебряная чаша, украшенная бирюзой и кораллами, возникало и исчезало лицо Будды. За Буддой, покачивая красными, шитыми золотом тиарами, сидели великие мудрецы и волшебники. Наропа, Марна, Миларепа. Их темные, сделанные из глины лица были чуть приподняты, и казалось, что мудрецы к чему-то прислушивались. Может быть, они внимали Великому времени, доступному их пониманию.

Бежен открыл где-то сбоку дверцу и поманил меня пальцем. За дверцей возник сумрачный коридор, и мы стали спускаться куда-то вниз по древним выщербленным ступеням. Сколько это продолжалось, трудно было

что построил в Ладакхе первые монастыри, а при них открыл школы, в которых детей обучали древним языкам и искусству перевода. Он хотел, чтобы начатое им было продолжено. И как будто предвидел и предчувствовал, что через век-другой в Индию ворвутся орды мусульманских завоевателей и в пожарах и разрушениях навсегда погибнут бесценные буддийские рукописи. Они сохранятся только в его переводах. Через тысячу лет тибетские беженцы, которым Индия откроет свои границы, вернут ладакхским монастырям бесценные рукописи, спасенные ими во время трагического исхода. О том, что беженцы спасали в первую очередь книги и рукописи, мне рассказывали во многих монастырях Ладакха.

В том далеком прошлом Великий переводчик и образованные ламы Тибета стремились внушить неграмотным тибетцам и ладакхцам уважение к книге, к рукописи. Они учили их поклоняться им. Великий переводчик говорил, что человек может положить пищу на изображение Будды, но не может положить ее на книгу. Книги были святынями и реликвиями. Они хранились в алтарях рядом со статуей Будды и изображениями бодхисатв. Книги были неотъемлемой частью монастырских богатств. Поэтому неграмотный тибетский крестьянин, покидая свою родину в середине XX века, оставлял многое, но помогал уносить книги. Зерно, брошенное рукой Великого переводчика и теми, кто был с ним, проросло и принесло свои неожиданные плоды через тысячу лет. Его имя, так похожее по созвучию на имя легендарного Ригден Джапо, часто произносится в монастырях Ладакха, когда речь заходит о книгах и сохранении Знания. Самое священное место в Ламаюру поэтому находится рядом с книгами. Это пещера мудреца Наропы, которая примыкает напрямую к библиотеке. Пещера небольшая, с натекami извести на песчаниковых стенах. Здесь мудрец медитировал. Многое связанное с его именем было противоречивым, неясным и подчас носило легендарный характер. Никто не знает точных дат жизни Наропы. Одни считают, что это IX век, другие отдают предпочтение X веку, третьи склоняются к XI. Поэтому и время основания Ламаюру остается весьма приблизительным, где-то между IX и XI веками.

Наропа был сиддхи, или человеком, имевшим необычные силы. Ими становились те, кто овладевал таинственным искусством древней тантры. Этому обучали в Индии великие Учителя. Они жили в Кашмире, Удияне и Южной Индии. Оттуда на западную окраину Тибета по караванному пути, связывающему Сринагар и Ле, шли мудрецы и волшебники, несущие тайное учение тантрического буддизма. Тантра не противоречила древнему тибетскому бону и, может быть, послужила тем странным мостом, который связал бон с буддизмом.

Наропа пришел из Индии и, возможно, был одним из первых строителей этого своеобразного моста. Он нашел пещеру в песчаниковых скалах Ламаюру. Его выбор не был случайным. Тогда это место еще не называлось Ламаюру, как теперь. Оно носило свое изначальное имя

Сторожевая башня

определить. Старый Бежен, видимо, устал и остановился передохнуть.

— Мы скоро окажемся в подземном царстве нагов, так глубоко идет этот ход, — сказал он.

— Кто такие наги? — спросила я.

— Они мудры и всезнаючи, — ответил Бежен. — Они стерегут подземное царство вот уже многие миллионы лет.

— Это боги или люди?

— Те и другие. Тонка граница, отделяющая богов от людей. Наги переходили эту границу. Больше я ничего о них не знаю. — И снова заспешил вперед.

Потом возникло светящееся пятно выхода, и мы оказались в тесном каменном дворике. Из дворика попали в странное помещение, куда через отверстие в потолке проникал сумеречный рассеянный свет. И как сквозь туман Времени, на стенах помещения проступили полустертые фрески. Стены незаметно перешли в камень, и я неожиданно оказалась в пещере. Здесь горел только масляный светильник и из полумрака смотрели статуи древних богов. Чернолицый хранитель Махакала, Лхамо, скачущая на муле, и кто-то третий, грозный и воинственный, оседлавший льва. Маски-лица светились сумрачно и загадочно.

— Это самое древнее святилище, — сказал Бежен, — называется Сен-че-чанг. Говорят, его построил сам великий Наропа, когда осушил озеро. Легенды повествуют, что на этом месте когда-то было огромное озеро. Оно тянулось на запад до Каргила и на восток до Ле.

Волны застывшего, окаменевшего песка подтверждали легенду, но молчали о Времени.

Я распрощалась с Беженом. Солнце уже зашло за горизонт, и на скалах, волнах песка и на зданиях монастыря лежал красноватый, нездешний отблеск заката. Стало быстро темнеть, громады гор зачернели на звездном небе. «Джип» то поднимался к этим звездам, то снова уходил от них...

После Кхальзе древняя караванная дорога вплотную прижалась к зелено-голубой ленте Инда, и вскоре изъеденные ветром песчаниковые скалы стали чередоваться с каменными нагромождениями гор. Иногда горы уходили куда-то в сторону, уступая пространство узким полоскам степей, так напомилавших Монголию и Алтай. Со скал на дорогу смотрели каменные лики с застывшими, будто высеченными резцом чертами. Проступали полуразрушенные колонны древних причудливых дворцов, над каменными стенами поднимались массивные башни. Горы как будто несли на себе память о каких-то непостижимо отдаленных эпохах, отпечатав на своих скалах и камнях неизвестную нам историю исчезнувшего человечества. Они хранили странные и не познанные нами знаки этой истории. Здесь, между Кхальзе и Базго, Рерих записал в своем экспедиционном дневнике:

«Смотрим на неисчерпаемо богатые формы скал. Замечаем, где и как рождались образцы изображений символов. Природа безвыходно

диктовала эпос и все его богатые атрибуты. Нужно показать, как вливаются формы изображений в горную обстановку. Именно эти формы, нарочитые на Западе, здесь начинают жить и делаются убедительными. То вы ждете появления Гуанинь, то готова разрушительная стихия для Лхамо, то лик Махакалы может выдвинуться из массива утеса. И сколько очарованных каменных витязей ожидают освобождения. Сколько заповедных племей и мечей притаилось в ущельях. Это не неправдоподобный Дюрандаль из Рокамадуры, это подлинная трагедия и подвиг жизни. И Бругума Гесэр-хана сродни Брунхильде Зигфрида. Изворотливый Локи бежит по огненным скалам»²⁹.

Здесь художник вспоминал нибелунгов, и в этих эпических изломах гор, древних ликах и бездонных ущельях ему чудились аккорды вагнеровских музыкальных картин «Ковка меча», «Клич валькирий», «Заклятие огня», «Рычание Фафнира». Он был уверен, что именно музыка Вагнера созвучна этим горам, где природа творит свой особый, каменный эпос. Его не покидала мысль о том, что мифическая страна нибелунгов в изначальной сути связана именно с Гималаями. Была ли это догадка или неожиданное озарение — сказать трудно. Но мощные аккорды вагнеровских «Нибелунгов» действительно звучали в многообразии странных форм, в изломах скал и в раскатистом эхе падающих камней.

К полудню мы въехали в горную долину, своей формой напоминающую котловину. Со всех сторон на нее наступали лиловые скалы. Добротные массивные дома лепились к этим скалам, взбирались на них и застывали на их вершинах. Расположенные террасами поля вплотную подходили к деревне, иногда вклиниваясь между домами и скалами. Их узкие полоски были укреплены камнями, из этих же камней были построены и изгороди. Поля напоминали огромный лабиринт, пробраться через который было не так просто. Вдоль дороги и среди полей сновали люди. Каждый из них был занят своим делом. Одни пахали на яках, другие молотили собранный ячмень. Пахло свежей соломой. Женщины, в плащах из шкуры яка, несли в корзинах дрова. Повсюду мелькали их шляпы, похожие на цилиндры. Черные, лиловые, зеленые, красные. Время от времени с поля доносилась песня, протяжная и звонкая, странным образом похожая на песни русских деревень. Иногда в протяжную песню вплетался звук барабана. В монастыре Алчи, который стоял рядом с деревней, шла служба. Осеннее солнце щедро заливало деревню и даже местами пригревало. Разноцветные скалы внизу полыхали багряными тонами осенних деревьев, солнечные зайчики, отраженные от поверхности реки, бегали и скользили по деревьям, домам и полям.

Удивительный монастырь Алчи был построен в XI веке. Сюда из Кашмира привезли лучших резчиков по дереву, лучших скульпторов и живописцев. Кашмирцы украсили монастырь, но стены его храмов и зданий сложили ладакхцы. Они аккуратно тесали и пригоняли камни

Хребет Каракорум

альными и убедительными. Изысканный орнамент таинственных мандал переплетался с картинами из жизни бодхисатв. Загадочные горбоносые лица кудесников возникали из красно-коричневых тонов, как из тумана Времени. Цари и царедворцы, ушедшие в небытие, вновь оживали на стенах храма. На них были шитые золотом кафтаны и длиннополые плащи. Их головы венчали короны и диадемы. На быстроногих скакунах неслись воины в остроконечных шлемах, как будто они только сейчас вынырнули из туманной дымки центральноазиатских степей. Сверкали мечи, угрожающе поблескивали старинные круглые щиты. Ламы в желтых и красных тогах отрешенно и надменно взирали со стен, сложив на коленях тонкие руки. И опять среди них мелькали синие тела таинственных нагов, извивались змеи и угрожающе раздували свои капюшоны.

Я стояла перед этими уникальными росписями, не в силах от них оторваться, и в то же время была не в состоянии все это осмыслить и вместить в себя. Каждый рисунок нес информацию, каждый образ сообщал о каком-то знании. Художники сделали свое дело. Время бережно донесло до нас плоды их труда. Шесть храмов и три святилища, стены которых покрыты росписями, многое могут сказать не только искусствоведам, но и историкам, философам и ученым самых неожиданных областей науки. В храме Лотсава Лха-канг я увидела изображение Великого переводчика Ринчен Занпо. Узкие глаза, прикрытые тяжелыми веками, тонкие брови и изящного рисунка нос. Великий переводчик сидел в позе лотоса, изогнув тонкие пальцы в мудре. На узких плечах покоилась красноватая тога ламы. Тонкие губы длинного рта застыли в полуулыбке. Так улыбаются те, кто обладает утонченной культурой и глубокими знаниями.

«День, проведенный в Басго, надолго нам запомнился. До сих пор перед моими глазами стоят эти полуразрушенные крепости и храмы, возвышающиеся на крутых утесах, и разбросанные между монастырями хижины. Самые древние монастыри Ладака расположены именно здесь»³⁰. Так писал Юрий Николаевич о Басго, который находился недалеко от Алчи.

Басго открылся чуть в стороне от дороги, когда та стала вползать на Ладакхский хребет. Поэтому дорога оказалась выше, а Басго — чуть ниже. Отсюда сверху были видны безлесые песчаные склоны гор, изъеденные ветром и временем скалы, прижавшиеся друг к другу. Все это мало напоминало земной пейзаж, а больше походило на лунный, с его пустынностью и резкостью форм. И горы и скалы были желтовато-песчаного цвета, и это однообразие еще более усиливало сходство с лунным ландшафтом. Сначала мне показалось, что это дикое, первозданное место необитаемо. Но через некоторое время глаз стал различать массивные стены, прямоугольные башни и дома, которые стояли на скалах, лепились к ним, составляя с ними одно неразрывное целое по цвету и, как ни удивительно, и по форме. Стены и башни

друг к другу так, чтобы между ними не прошло бы даже лезвие ножа. Алчинцы трудились на постройке монастыря много лет, и много лет тянулись в деревню караваны яков, груженные самым лучшим камнем. И много лет кашмирцы украшали резным узором двери и расписывали стены храмов. Всего построили шесть храмов, и каждый из них имел свое название.

Около монастыря по скалистым склонам были разбросаны субурганы, или чортены. На одном из них бежал с развевающейся гривой «Конь счастья». На его седле в золотистом пламени горели три круга «Сокровища мира». Во дворе храма Сум-тсек было пусто и солнечно. Я остановилась у входа около резных колонок, рассматривая их деревянное кружево.

— Джулей, джулей, — раздалось откуда-то сверху. — Входи, входи.

Я подняла голову и увидела узкое окошко, выходившее во двор храма. На окошке в маленьких горшочках росли цветы, желтые и лиловые. Из-за цветов выглядывала голова, круглая, очень похожая на луну. И потому, что голова была бритая, я поняла, что она принадлежит ламе. Лама улыбался, кивал из-за цветов и снова повторял:

— Джулей, джулей. Входи, входи.

Я вошла, но лама-луна так и не появился. В храме никого не было, царил полумрак и мерцали масляные светильники у подножия трех огромных фигур. Головы фигур уходили куда-то под потолок и терялись там где-то у балочных перекрытий. Это были изображения бодхисатв Авалокитешвары, Манджушри и Майтрейи, будущего Будды. Их глиняные ноги и бедра были покрыты росписью. И эта роспись чем-то напоминала клейма на старинных русских иконах, где так же точно и аккуратно выписывались здания, люди и святые. На ногах Майтрейи были запечатлены сцены из жизни Будды. В сочных красках росписи преобладали изысканные красно-коричневые тона. На лице Майтрейи, чуть склоненном книзу, цвели синие глаза и синие брови. И эти глаза, узкие и продолговатые, смотрели пристально и внимательно, разглядывая все то, что происходило внизу. Стены в храме тоже были покрыты росписями. Таких росписей я не видела ни до, ни после. Они производили ошеломляющее впечатление. Почти каждый метр стен был покрыт ими. Это буйство красок и форм, празднично напоминавшее какую-то феерию, удивляло своей тонкостью и изощренностью. Кашмирские мастера потрудились на славу.

Описать здесь все, что я увидела, невозможно. Росписи надо было разглядывать сантиметр за сантиметром, внимательно изучать их часами, днями, неделями, а может быть, годами. Они повествовали о древних странах, их людях и богах, о забытых божествах и всемогущих бодхисатвах. Легенда и реальная жизнь шли в них рядом, смешивались друг с другом, переходили одна в другую. Реальность вспыхивала и расцветала легендой, легенда и миф становились ре-

вырастали прямо из скал, а скалы придавали им монументальность и незыблемую мощь природных каменных образований. Порой было невозможно отличить, где стены, созданные руками человека, а где скалы, сформированные странной прихотью самой природы. Вокруг не было ни души, и казалось, что этот удивительный скальный город дремлет в каких-то минувших веках, отгороженный от нас песчаной дымкой древнего моря. Но когда дорога спустилась вниз, а крепости и башни Басго вознеслись над нами, то я увидела побеленные деревенские дома с плоскими крышами, которые тянулись вдоль голубого и узкого притока Инда, вырвавшегося из теснин Ладакхского хребта. Отсюда к лунным скалам вели натоптанные тропинки, по которым двигались люди с коническими корзинками за плечами. Я поднялась к крепости.

Стены ее обветшали, и в них образовались провалы, зияющие пустотой. В том же состоянии находились и сторожевые башни, такие привлекательные издали, но здесь, вблизи, представлявшие собой руины, каким-то чудом еще удерживавшиеся на выветренных скалах. Я побродила среди этих развалин, поднимаясь со скалы на скалу. Сухая, утрамбованная желтоватая почва глухо звучала под ногами, и казалось, что внутри этих лунных скал есть какая-то таинственная пустота, стерегущая этот спящий на скалах старинный город. Здесь когда-то стояла сильнейшая крепость Ладакха, защищавшая подступы к сердцу маленькой горной страны. В конце XVII века ее безуспешно осаждала монголо-тибетская армия. Теперь об этом славном прошлом напоминают лишь руины крепостных стен и башен. Жизнь ушла с этих скал, задержавшись лишь в деревенских домах у голубой реки.

После Басго дорога стала петлять среди каменных нагромождений Ладакхского хребта. Потом в нем образовался какой-то странный проем, плоский, похожий на степь, с волнами песка по краям. И через некоторое время над этой плоскостью, как призрак, встали снежные пики хребта Каракорум. От этих пиков сюда, на равнину, спускались сине-зеленые склоны, пересеченные резкими тенями ущелий, распадков и гребней. Дорога побежала прямо, как стрела, устремляясь к снежной громаде Каракорума. Но на ее пути встали разломы нового хребта. И среди его песчаниковых отрогов, почти у самых снежных гор, возник город.

— Ле, — с явным облегчением сказал шофер. — Высота около четырех тысяч метров над уровнем моря.

Участок караванного пути Сринагар — Ле протяженностью 434 километра кончился. Но сам он еще продолжался где-то за Ле, уходя к снежным горам у китайской границы.

2. ПЕРЕКРЕСТОК

Когда заходит солнце, песчаную равнину и песчаниковые скалы заливают багровое зарево. Город погружается в фиолетовую дымку, а на равнине, подоб-

но драгоценным камням, горят ряды белых ступ. В эту пору ладакцы читают вечерние молитвы, и дым воскурений медленно плывет над домами. Именно

в этот час мира и молитвы странник, пришедший в Ле, может почувствовать своеобразную красоту и притягательную силу небольшой страны, затерянной в горах.

Ю.Н. Рерих

Окно было похоже на экран. Огромный экран, занимавший всю стену большой комнаты. Станный серебристый свет лился оттуда, менял формы предметов, делал их легкими, почти призрачными. И на этом экране возникал и приближался старинный город, подобно миражу веков, прошедших над этими горами. Комната, с ее размытыми

и неустойчивыми очертаниями, была похожа на какую-то фантастическую машину времени, прозрачная стена которой глядела в нездешнюю жизнь и иную эпоху.

Над городом и окружавшими горами стояла луна, и в ее свете мерцали голубые снега на изломанных линиях Ладакхского хребта. Близкая громада королевского дворца бросала четкие густые тени на обрывистые скалы и на сухую утопанную землю королевской дороги. Ослепительно светилась в лунном свете большая белая ступа, впаиваемая в скалу рядом с дворцом. Густые тени лежали на песчаниковых лунных горах чуть повыше дворца. Серебристо светились изъеденные временем стены уснувших крепостей и массивные сторожевые башни. Лунный ветер раскачивал гирлянды цветных флажков над вершинами скал и гулял по узким улицам, вдоль которых стояли дома-кубики с плоскими крышами. На одну из них поднялся человек в фиолетовой шляпе-цилиндре и, зябко кутаясь в халат, стал неотрывно и пристально смотреть на голубоватую луну, повисшую над городом. Он стоял долго, притянутый ее странным магическим светом, неподвижный, как будто высеченный из камня, и явно кого-то мне напоминал. В моей памяти возникло полотно Рериха, на котором изображен нездешний город, поразительно похожий на тот, который я видела на экране-окне. Те же сложенные из каменных блоков дома, те же узкие улочки, те же арочные проходы в массивных стенах. Рерих написал картину в России в 1915 году и назвал ее «Мехески — лунный народ».

«Развалины исполинских замков бледнеют перед этим живописным нагромождением, — писал художник, — вознесшимся среди чаши разноцветных гор. Где мы встречали такие высокие террасы крыш? Где мы ходили по таким разрушенным закоулкам? Это было на картине “Мехески — лунный народ”. Да, это те самые башни»³¹. За этим совпадением

Ладакх. Ле

стояла тайна не только города Ле, но и самого художника.

Утром, когда рассеялось колдовство лунного света, я увидела другой Ле. Он лежал в котловине, похожей на лунный кратер, окруженной песчаниковыми горами и скалами. Солнечный свет менял окраску гор и скал, и они то вспыхивали золотом чистейшего песка, то наливались густотой коричневых оттенков, то становились сине-голубыми. За ближними горами искрились снега, и было странно, что снежные вершины так близко подходят к городу. Ле лежал на перекрестке древних путей, связывающих Индию и Китай, Тибет и Среднюю Азию, Монголию и Ладакх. Все эти пути пересекались на базаре, который занимал центральную улицу. Улица тянулась от королевского дворца и кончалась у западной окраины, где на холме стояли высокие ступы. На одной из них белый конь нес на седле «Сокровище мира» — Чинтамани. Отсюда Николай Константинович рисовал Ле с королевским дворцом и крепостью, стоявшей на скалах. Сама же ступа была изображена им на переднем плане. Картина называлась «Конь счастья» и входила в серию «Майтрейя».

Вдоль базара шли лавки со снедью, тибетскими и ладакхскими ремесленными поделками, то и дело возникали небольшие харчевни и чайные. Главная базарная магистраль текла через город и расплывалась, не доходя до ступ, деревянными палатками, где допоздна шла оживленная торговля. От этой магистрали-перекрестка ручейками отходили узкие улочки, заполненные такими же лавками, постоянными дворами, небольшими гостиницами и снова харчевнями, откуда доносился аппетитный запах бараньего бульона, поджаренных пельменей-момо и свежеиспеченных лепешек. Заведения эти назывались одно диковиннее другого. Гостиница «Ячий хвост» или «Старая антилопа», Бюро путешествий имени Снежного человека, фотостудия имени Дракона. Здесь, на этом старинном перекрестке, торговля смешалась с легендами, все принималось всерьез, все существовало. И снежные люди, и драконы, и какие-то неопознанные мифические животные. Когда-то особая караванная жизнь кипела на этой широкой базарной улице, заполняла узкие переулки, билась волнами о скалы, на которых стоял королевский дворец.

«С утра до вечера два главных городских базара заполнены шумной толпой, осаждающей груды товаров, — писал Юрий Николаевич Рерих о Ле 1925 года. — Особенно ценится туркестанский войлок, который привозят из Хотана, Гума и Яркенда... Здесь же лежат тюки мягкой тибетской шерсти, доставленной с севера, из которой кашмирские умельцы ткнут красивые шали. Большое оживление царит в лавках, торгующих высокими туркестанскими башмаками, очень ценимыми ладакскими караванщиками. Немало продается на базаре и лошадей. Возвращаясь домой, они везут европейские товары: английское сукно, английские и немецкие красящие вещества, различные предметы галантереи и индийские специи, а также шафран, в большом количестве

Кочевник с Чантанга

Ступы

шагают караванщики. Это кочевники с Чантанга.

Чантанг значит «плато». Кочевники приходят от восточных границ Ладакха, некоторые из них из самого Тибета. В пограничном районе им известна каждая тропа, каждое ушелье, каждая скала. Кажется, время и политические конфликты не властны над ними. Они продолжают жить, как жили века тому назад, продолжают кочевать там, где кочевали их предки. И перекресток, шумный и красочный, манит и притягивает их по-прежнему своими товарами, яркой толпой, своими каменными домами и аппетитными запахами харчевен. На кочевниках короткие овчинные тулупы, туго подпоясанные в талии. На вытертой, местами засаленной овчине иногда проступает затейливое шитье. На поясах висят длинные ножи с прямыми лезвиями, на серебряных ножнах которых выгравированы буддийские знаки счастья. Ноги кочевников, обутые в мягкие сыромятные и войлочные сапоги, ступают легко и упруго по сухой земле городских улиц. Из-под меховых шапок спускаются две косы, в мочке уха сверкает серьга-кольцо. Кочевники приносят с собой дыхание снежных гор и широких степей. Неутомимая тяга к передвижениям живет в их настоящей веками крови. Они не боятся уходящих вдаль неизвестных просторов, крутых перевалов и государственных границ. Как и тысячелетия назад, они пересекают эти преграды, чтобы появиться среди тех, чьим уделом стала неподвижная оседлость. Они гонят в Ле караваны с солью, как это делали их предки много веков подряд. Их обветренные, сожженные дочерна солнцем лица выделяются сразу в пестрой толпе базара. Лица эти очень разные. У одних резкие, будто высеченные из камня черты, высокие скулы и орлиные носы, как на рериховской картине «Великий Дух Гималаев». В их внешности есть что-то от американских индейцев.

Когда-то кочевые народы были тем динамичным миром, который объединял различные страны и этносы. Они же соединяли и разные культуры. Наблюдая кочевников на перекрестке, я все более убеждалась в их особом, непохожем на других характере. Придя сюда, в Ле, они никуда не спешили, двигались в толпе медленно, внимательно вглядываясь в то, что их окружало, заинтересованно смотрели на каждого попавшегося им на дороге человека, ценили беседу с ним и бережно уносили с собой в палатки на снежных плоскогорьях то, что успели узнать и услышать на перекрестке караванных путей. Тип американских индейцев среди кочевников не был единственным. Некоторые из них напоминали средиземноморцев. У них были узкие тонкие лица, большие глаза и носы с горбинкой. Недра Тибета выбрасывали на перекресток, откуда-то из своих незапамятных глубин, такое разнообразие человеческих лиц, что я даже время от времени затруднялась их определить.

Караваны кочевников то исчезали с базара, то появлялись вновь. И каждый раз базар принимал их как свою неотъемлемую часть, насыщал их информацией и товарами и провожал их яков и лошадей

экспортируемый из Кашмира в Туркестан и Тибет... Вся эта пестрая толпа постоянно движется, выкрикивая и жестикулируя, то и дело позвякивает колокольчиками вновь прибывших караванов»³².

Базар Ле 1979 года чем-то напоминал описанный Юрием Николаевичем, но и во многом от него отличался. Перекресток стал пустеть. Индо-китайский конфликт привел к тому, что караванные пути из Китая, Тибета и китайского Туркестана оказались отрезанными от горного Ладакха. Но караваны, позванивая колокольчиками, время от времени появлялись в городе. Шли низкорослые лошадки, груженые солью, шерстью и различной утварью. За ними двигались медлительные приземистые яки. Из Кашмира появлялись караваны, груженные кашмирскими коврами, шальями, шафраном, кожами, мехами. Большинство же товаров в Ладакх доставляется из Индии на грузовиках по шоссе.

Базар — это сердце города. Так повелось в Азии исстари. Так продолжается в Ле и до сих пор. Если вам нужно узнать что-то о городе, идите на базар. Если вы ищете кого-нибудь, тоже идите на базар. Там рано или поздно вы встретите нужного вам человека. И даже тогда, когда лавки и харчевни закрываются, а на Ле спускается темнота гималайской ночи, то все равно через базар пройдет большинство жителей города. Одни для того, чтобы просто пройтись, другие — чтобы встретить друзей, третьи — чтобы убить время. Перекресток живет и движется до поздней ночи. Традиция, складывавшаяся веками, еще продолжает бороться за жизнь. Большинство деловых учреждений, таких, как почта, контора, торговые фирмы, расположено тоже на базаре. И здесь происходит то удивительное смешение времени и народов, которое свойственно любому перекрестку в Азии.

С самого утра, когда над снежными вершинами встает солнце и в горном прозрачном воздухе стынет прихваченная морозцем синева, пестрая разноязыкая и разноликая толпа начинает заполнять широкую улицу и примыкающие к ней переулки и тупики. Степенно идут ламы, перебирая четки. В своих красных тогах они похожи на римских патрициев. Их желтые и красные шапки с опущенными ушами мелькают то здесь, то там. Прижимая к темным пиджакам папки, торопятся клерки. Крестьяне в лиловых, зеленых, сиреневых халатах, подпоясанных красными кушаками, шумными группами кочуют из одной лавки в другую. Прицениваются, торгуются, покачивая шляпами, похожими на цилиндры. Кашмирцы в темных перенах и ярких тюрбанах ловко и пружинисто ввинчиваются в толпу, кого-то останавливают, кого-то расспрашивают о новостях, переговариваются со знакомыми лавочниками, а то и просто сидят у лавок и задумчиво смотрят на проходящую толпу. Проплывают сплошь шитые бирюзой пераки женщин. Бирюза горит синим огнем на солнце, женщины негромко смеются чему-то своему, поправляют пераки на спинах, прикрытых плащами из ячьей шкуры. Из узкого переулка появляются навьюченные лошади, рядом

Ле. Ступа «Конь счастья»

в дальний путь. И только когда в конце ноября перевалы засыпало снегом, кочевники исчезли до весны. Но шумная жизнь базара продолжалась. Время от времени на нем появлялись странные люди. Они приходили откуда-то из глубин огромного горного района, не похожие ни на кочевников, ни на местных жителей. На них были странные, неподдающиеся описанию одежды, немислимые шляпы и колпаки. Отрешенно и безмолвно двигались они сквозь базарную толпу, озабоченные каким-то таинственным делом, которое им предстояло выполнить. Их лица, покрытые горным загаром, всклоченные черные бороды свидетельствовали о долгом и трудном пути. Они напоминали мне вестников, преодолевающих не только Пространство, но и Время. За ними стояла какая-то иная культура, иной мир. Никто из них не оставался в городе на следующий день. Ладакхцы разводили руками, когда я спрашивала их об этих людях. Таши Рабгиез, большой знаток истории и обычаев Ладакха, даже рассердился на меня.

— Ну что они вас так интересуют? Они же ни с кем не хотят разговаривать.

— Именно поэтому, — ответила я.

— Мало ли странных людей появляется в Ле. Как можно узнать, откуда они? Некоторые из них не говорят ни по-ладакхски, ни на урду, а на какой-то тарабарщине.

Больше я не пыталась ничего о них выяснить. А они продолжали появляться, а затем так же исчезать. То в ярких кафтанах, то в синих тогах, то в черных, подпоясанных широкими кушаками балахонах. Отрешенные и безмолвные. Ни на кого не похожие.

День ото дня в Ле становилось все холоднее. С гор дул студеный ветер. Над изломанной цепью пиков, окружавших город, ходили черные снежные тучи. Иногда шел снег. Он покрывал пики, и те начинали искриться свежо и празднично. Но в сам город снег не попадал. Он почему-то обходил его стороной, как будто город был заколдован, заговорен от снега. Вокруг уже бушевала зима, а в котловине, где лежал Ле, было солнечно и сухо. Наступающая зима давала себя знать лишь морозом и прозрачным льдом на ручьях и лужах. Ночами котловину накрывал полог звездного неба, морозного и чистого. И неправдоподобно низко над темными горами светились созвездия Большой Медведицы и Ориона.

Я брожу по узким улочкам города, стиснутым каменными массивами двух- и трехэтажных домов. Эти дома не похожи на наши. Они напоминают приземистые квадратные башни с узкими окнами-бойницами. Вдоль домов идут резные деревянные карнизы, а окна украшены разноцветными наличниками. На выступающих подоконниках в маленьких горшочках растут цветы. И эти цветы, и раскрашенные наличники смягчают суровый облик домов-башен. Стены домов плотно припаяны друг к другу, и пройти на другую улицу можно лишь по свод-

Окрестности Ле

— Ну возьми бесплатно, — предлагает владелец щенка.

— И бесплатно не надо.

— Как так? — удивляется ладакхец. — Что же я теперь буду с ним делать?

— Не знаю, — пожимаю я плечами.

— Как это не знаешь? — возмущается хитроглазый. — Почему не знаешь? Думаешь, я знаю? Что будем делать со щенком?

Действительно, что будем делать со щенком? Я предлагаю отнести его на базар и отдать кому-нибудь.

— Я сейчас не могу идти на базар, — доверительно сообщает ладакхец. — Жена ушла и велела мне сидеть дома. Сходи, пожалуйста.

— Не могу, — отвечаю я.

— Как не можешь? Почему не можешь помочь?

Действительно, почему я не могу помочь? Странно, но тем не менее это так. Я почему-то не могу сходить на базар и пристроить щенка. «Почему?» — спрашиваю я себя. Может быть, потому, что я не родилась и не жила в этом старинном городе, где все прохожие здороваются с пришельцем и предлагают помощь? Я пришла из другого мира, где незнакомые люди не здороваются друг с другом. Возможно, поэтому я не могу взять щенка и пойти на базар...

— Ладно, — примирительно машет рукой хитроглазый. — Поднимайся ко мне, будем пить чай.

Этого еще не хватало, поить чаем человека, отказавшегося помочь. Я молча отхожу от дома.

— Эй! Эй! Что же ты? — кричит вслед ладакхец.

В километре от королевского дворца начинаются поля. Рядом с полями разбросаны окрестные деревни. Здесь нет резкой границы между городом и деревней. Все слито воедино, все расположено на небольшом куске плодородной земли. И городские улицы и поля, деревенские усадьбы, и базар. Я прохожу через базар и через 15 минут оказываюсь в полях.

Там просторно, морозно и солнечно. Где-то раздавалась песня, похожая на нашу «Дубинушку». Ее пел пахарь, шагавший вслед за запряженными в плуг быками. От монастыря Шанкар-гомпа шел низкий тревожный звук храмовых труб, призывавших на молитву. Трубам отозвалось эхо в горах, прокатилось через скалы и затихло где-то у снегов на западе. А вместе с ним медленно уходило за горную гряду солнце. Горы наливались тяжелым лиловым цветом. У самых снегов лиловый цвет растекался, утрачивал свою густоту, и снега становились розовыми. А над ними скакал по небу красный всадник с оранжевым факелом в руке и поджигал небо и облака. Небо полыхнуло оранжево-красным цветом на западе, а над королевским дворцом загорелись розовые облака. Потом всадник с пылающим факелом унесся куда-то в сторону Великого Гималайского хребта, посигналив оранжевым огнем. Пожар на небе постепенно стал меркнуть, оставляя за собой

чатый каменным переходам, которые врезаны в нижние этажи домов. В переходах сыро, сумрачно, и шаги гулко звучат по вымощенному камнем полу. Переход идет за переходом. Целый лабиринт каменных переходов. Иногда возникает ощущение, что ты идешь по древнему подземному городу и не знаешь, куда приведут тебя эти каменные туннели. Но каждый из них выходит на очередную улицу, которая похожа на щель, идущую между каменными высокими стенами. Камни стен кое-где обрушились, кое-где покрылись мхом. Чем ближе к королевскому дворцу, тем круче становятся улицы, переходящие затем в каменные ступени. Вместе с ними карабкаются вверх нагромождения домов. Они упрямо ползут туда, где на скалах застыла девятиэтажная громада дворца. Дома поднимаются друг над другом, как гигантская лестница, которую венчает королевский монастырь. От монастыря видна башня старинной крепости, которая стоит на вершине скалы. Ветер треплет разноцветные гирлянды молитвенных флагов, и кажется, что крепость еще живет и там, на подступах к ней, стоят воины с тяжелыми луками и прямыми мечами. От сторожевой башни виден весь Ле как на ладони. Королевский дворец, монастыри и храмы, ступы и мани древних погребений и похожие на башни дома. Старинный город, неожиданно вынырнувший из глубины веков и застывший на лунных скалах среди снежных вершин Гималаев.

На узких улицах города ходят старинные люди в старинных одеждах. Они приветливы и общительны.

— Джулей, джулей. Здравствуй, — певуче и мягко говорят они новому человеку. — Как твои дела?

Я отвечала, что хорошо.

— Нужна ли помощь? — спрашивали меня.

Я отрицательно качала головой. И старинные люди отправлялись по своим делам. Но потом меня снова останавливали, здоровались и расспрашивали. Из узких окон, похожих на бойницы, приглашающе кивали и улыбались. Иногда мне казалось, что именно таким должен быть сказочный город, созданный добрым волшебником на краю земли, среди скал и гор.

— Эй! Эй! — раздается откуда-то сверху. Я поднимаю голову и вижу в оконном проеме хитроглазое лицо пожилого ладакхца. Он прижимает к груди щенка тибетского терьера. Щенок смотрит вниз как-то грустно и обреченно.

— Эй! Купи щенка! Очень хороший!

Щенок поскуливает, как будто подтверждает слова своего хозяина, что он хороший.

— Не могу, — отвечаю я.

— Совсем не дорого.

— Мне не нужен щенок.

— Ну пожалуйста, купи. — В голосе хитроглазого появляются просительные нотки. Я снова отказываюсь.

пепел серых туч. Розовый цвет снежных вершин угасал, становился сиреневым, сиреневый отсвет ложился сумерками на дома старинного города и окрестные поля.

В одно прекрасное утро ко мне пришел лама из монастыря Шанкаргомпа и сказал, что хочет показать монастырский храм. Я согласилась. В главном зале храма было полутемно, пахло свежесмытыми полами, а скамьи для лам были застелены опрятными ковриками. На алтаре горели светильники, и тени от их пламени блуждали по ярко разрисованным резным деревянным колонкам, подпиравшим темный потолок храма. На подставках висели расписные барабаны, затянутые зеленой кожей. Древние боги танцевали по стенам, и буддийские архаты, строгие и мудрые, смотрели отрешенно и задумчиво. Мы шли из зала в зал, и масляные светильники высвечивали позолоченные статуи Майтрейи, Тары, великого Цзон-капа, основателя желтой секты. Одиннадцатиголовый Калачакра воздевал тысячу рук, ладони которых как бы сливались в огромное колесо со множеством спиц. Блики светильников шевелили это странное колесо, и казалось, что оно сейчас возвращается и все понесется куда-то в вечность, влекомое его таинственной силой. В застекленных, чисто протертых шкафах стояли древние бронзовые статуэтки. Их привезли сюда из Индии, Непала, Китая, Тибета. От шкафа с монастырскими реликвиями вдоль стен тянулись полки, на которых лежали завернутые в цветные шелка старинные рукописи и книги. И в который уже раз у меня возникло ощущение, что я нахожусь не в храме, а в каком-то странном, неведомом мне музее, где собраны древние реликвии, древние символы и книги, нам еще неизвестные. С темных деревянных балок потолка, как знамена, свешивались танки, расписанные тонко и виртуозно. Я слушала объяснения ламы и думала о реальности, стоящей за мифами, легендами и символами, о которых говорил лама. Эта реальность была неясной, еще не разгаданной и таинственной. Лишь единицы постигали ее истинный смысл. Одним из них был Рерих.

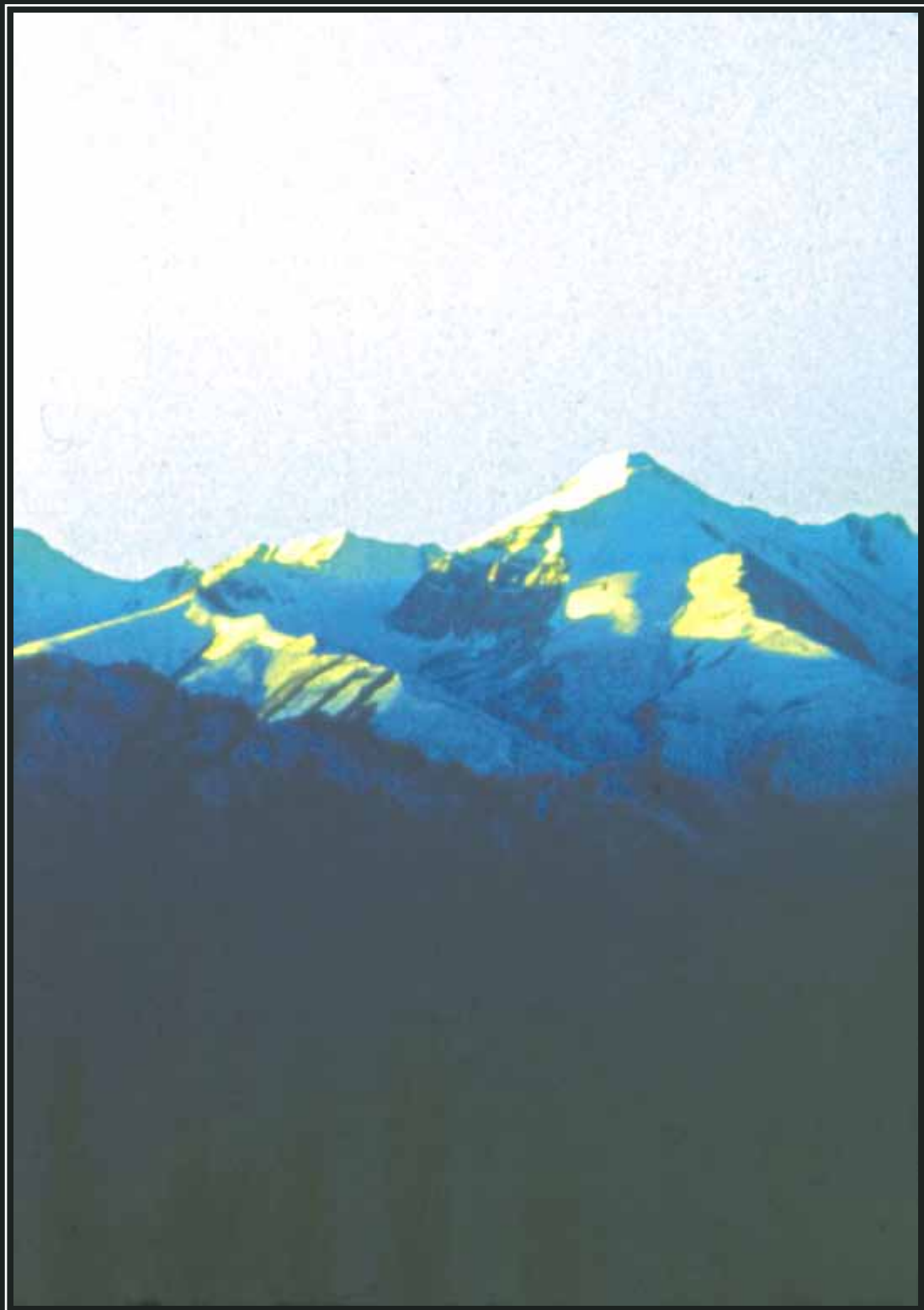
— Вы меня не слушаете, — тихо сказал лама. — О чем вы думаете? Я сказала.

Мы вышли из храма и сели на каменные ступени во дворе. Здесь было безветренно и солнечно.

— Расшифровать все это не так просто, — сказал лама. — Дело тут в... — лама запнулся, подыскивая слова.

— В разных уровнях?

— Вот. Вот, — обрадовался он. — Дело в разных уровнях. Даже мы, ламы, часто просто повторяем тексты и не вникаем в их смысл. И только очень высокие ламы постигают Реальность. Но чтобы понять ее, надо быть на их уровне. Кажется, вы меня понимаете. Да, вот что я вспомнил. — Лама улыбнулся. — Вы говорили о Рерихе. Один из наших старых лам, который умер лет десять назад, как-то мне рассказывал о нем.

Рассвет

— И миллион может. Но какое значение имеют годы? Они как мотыльки-однодневки, летящие через вечность, не имеющую ни начала, ни конца.

И лама побрел к сводчатому проходу под башнями-домами. Для него все было просто. Века и тысячелетия не имели значения. Лама и я воспринимали Время по-разному. Но тем не менее в словах ламы была своя правота. Он смотрел на Время с какого-то другого уровня, откуда ему открывалось нечто иное, что было еще скрыто от меня.

Около чортена и чуть пониже, там, где площадь уже переходила в поля, стояли каменные стелы. Одни из них были намертво врыты в землю, другие только прислонены к глинобитной ограде. Те, которые были врыты в землю, не отличались ничем от менгиров, которые я видела на Алтае и в Монголии. Только здесь на них были вырезаны изображения Будды, Майтрейи и Авалокитешвары.

Стелы, барельефы, ступы, чортены окружают Ле и окрестные деревни. Они хранят память о прошлом, которое тесно связано с настоящим для тех, кто заполняет сейчас улицы и дома города-перекрестка. Ладакхцы до сих пор живут торговлей и ремеслом, земледелием и монастырями. Они отдают своих младших сыновей в ламы, и те обитают в монастырях.

Ле — город не только на перекрестке дорог, но и на перекрестке Времени. И поэтому там традиционные занятия соседствуют с сугубо современными. На его улицах можно встретить караванного погонщика и шофера грузовика, ламу и преподавателя сельскохозяйственного колледжа, искусного ювелира, чье традиционное умение до сих пор ревниво охраняется от чужих глаз, и инженера по ирригационным сооружениям. Перекресток дорог, перекресток Времени. Возможно, эта особенность и привлекала к Ле пристальное внимание Рериха-художника. Он бродил по его улицам, рисовал дома, похожие на старинные башни, и чортены. Любовался бирюзовыми пераками женщин и разноцветьем толпы на базаре. В Ле он много и плодотворно работал.

Последний караван ушел из Ле на восток в середине ноября. Постепенно опустела древняя караванная дорога, идущая на запад, в Кашмир. Грузовиков и автобусов становилось все меньше, а потом они и вовсе исчезли. На дверях книжных лавчонок все чаще стали появляться объявления: «Газет сегодня нет». Связь с Индией слабела день ото дня. Над горами бушевали снежные метели. Снег, густой и колючий, шел над перевалом Фоту-Ла. Скоро перевал закроется, и регулярная связь с остальной страной оборвется. Наконец на почте вывесили объявление: «Все сообщения только через письма». Письма будут приходить только раз в неделю. Их доставит самолет, прибывающий в Ле только раз в неделю, если, конечно, погода будет благоприятствовать. То, что она будет благоприятствовать, — весьма сомнительно. Морозный ветер поднимает над улицами Ле клубы желтой иссушенной пыли, набрасывается на песчаные скалы, выдувает из них

— Что именно?

— Наверно, я уже плохо помню этот разговор. Возможно, я не придал тогда ему значения. Старый лама говорил, что этот русский был очень образованным человеком и многое знал. Он был больше похож на буддиста, чем на европейца. Часто приходил в Шанкар-гомпа и не раз беседовал с нашим настоятелем.

— О чем? Старый лама не сказал?

— Нет. Старый лама не присутствовал при этих беседах.

Мы замолчали, погрузившись каждый в свое.

Деревня Ченспа, расположенная рядом с Ле, в действительности являлась частью города. Туда вел лабиринт запутанных улочек, которые начинались у подножия скал, где стоял королевский дворец.

Я попала в Ченспа во второй половине дня, когда лучи низкого солнца освещали ярко и прямо дома, поля и огромный чортен, который стоял на небольшом пространстве деревенской площади. Чортен был ослепительно белым и тянулся к ярко-синему небу, вонзая в него красное навершие, похожее на язычок застывшего пламени. В его каменных блоках-ступенях темнели узкие оконца-двери. Вся же конструкция разительно напоминала уменьшенную пирамиду майя. Я стояла перед чортеном и размышляла о том, что традиция не имеет ни начала, ни конца. Она может исчезать, может вновь появляться, но будет всегда в нашем энергетическом пространстве. На фундаменте традиции держится человеческая культура, как держится этот язычок застывшего пламени на широком основании чортена. Поздние формы обычно несут элементы ранней традиции. Той традиции, которая уходит корнями в глубь веков, а может быть, и тысячелетий. Значит, где-то там, в призрачном тумане далекого прошлого, одна и та же традиция могла питать и строителей пирамид майя, и тех, кто сложил чортен в деревне Ченспа?

Старичок лама в желтой шапке, сложив руки, молился перед чортеном. Я подождала, когда он кончит, и подошла к нему.

— Джулей, — сказал лама и вежливо поклонился.

— Скажите, лама, — спросила я, — сколько лет этому чортену?

Лама поднял выцветшие старческие глаза к вечеряющему небу, туда, где горел красный язычок жестяного пламени, и задумался.

— Очень много лет, — сказал он.

— Сто, двести или больше?

Лама опустил глаза на грешную землю и смущенно сдвинул шапку с затылка на лоб.

— Этот чортен стоял здесь, еще когда был жив мой дед, а до него мой прадед и прадед моего прадеда.

— Тысячу лет ему может быть?

— Может, — ответил лама.

— А десять тысяч?

— Может.

— И миллион? — не выдержала я.

все непрочное, все плохо укрепленное. Скалы стоят окутанные желтой песчаной дымкой. Ветер гонит в сторону Ле тяжелые снеговые тучи. Горы отбрасывают эти тучи от города, но ветер снова и снова шлет их в атаку, подгоняя их снежными буранами. Горы еще сопротивляются, защищая дома, людей и поля. Но день ото дня сопротивление слабеет. Сначала просачиваются передовые отряды «противника» — сухие редкие снежинки, смешанные с желтой пылью. Вслед за ними на штурм идут тяжелые черные тучи. Они прорывают ослабевшую оборону и обрушиваются на город снежным вихрем. Потом ветер успокаивается, удовлетворенный одержанной победой, и снег валит крупными белыми хлопьями. Он покрывает плоские крыши домов, оседает на башнях старинной крепости, ложится на опустевшие поля, замерзшие водоемы и источники. Старый сторож сидит на корточках у дверей гостиницы, где я живу, и, полуприкрыв глаза тяжелыми веками, тянет длинную тоскливую песню без слов. Зимнюю песню. Теперь перекресток оживет только весной...

3. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЛАДАКХЦАМ

И вот мы сидим за чаем, говорим о том, как нам нравится его страна и как мы полюбили его народ, отмеченный спокойностью и честностью.

Н.К. Рерих

Трудолюбие, как мне удалось установить, — основная черта ладакхского характера. Я наблюдала за теми, кто работал на полях, видела ювелиров, стучащих молоточками по чеканке медных чайников, художников, выписывающих тонкой кистью затейливые линии буддийских танок, погонщиков, уходивших с караваном к далекому снежному перевалу, лам, сидевших над длинными ксилографами в монастырских библиотеках, дорожных рабочих, чистивших шоссе

после очередного камнепада, и, наконец, клерков в конторах, склоненных над папками бумаг. И все они, как ни странно, работали радостно, хотя окружающая действительность повода к особой радости не давала. Она была сурова и сложна. Каменистая почва полей, крутые тропы перевалов, промерзшие стены домов, трудные поиски топлива, тяжелые снопы ячменя, гнущие спину к земле. Всех трудностей и не перечислишь. Но тем не менее работа наполняла ладакхцев радостью. Они брались за нее сразу, энергично и с удовольствием, не бросали где-то посередине, а всегда до-

Сестры

Сонам Англо

*Мальчик в старинном
головном уборе*

водили ее до конца.

Работа рождала песню, и они пели. Пели, когда шли за плугом, когда вязали снопы, когда шагали по крутой тропе в другую деревню, когда гнали яков, когда рисовали, когда... Да мало ли было этих «когда». Клерк мог громко запеть, идя по коридору конторы с бумагами для своего начальника, шофер пел, ковыряясь в забарахлившем двигателе, а учитель, давший ребятам контрольную, мог тихо петь себе под нос. И никто этому не удивлялся. Ибо песня в Ладакхе так же естественна, как «давай, давай», «раз-два, взяли» или усиленное посапывание и побряхтывание во время работы у русских. Песня наиболее ярко выражала отношение ладакхца к труду.

Я обнаружила также, что они были чутки и тонки, пунктуальны и верны слову, доброжелательны и честны. Среди всех этих отменных качеств ладакхцев меня больше всего удивляла и поражала их чуткость. Та чуткость, которая заключалась не в простом сочувствии другому, а в умении услышать внутренне этого другого, понять его состояние и повести себя при этом соответствующим образом. У нас такое умение — крайне редко, в Ладакхе — это норма. Развитым внутренним чутьем обладает простой крестьянин и лама, караванный погонщик и член королевской семьи. Данное качество есть явное проявление утонченности и богатства духа ладакхца, всегда стремящегося понять внутреннее состояние другого, кем бы этот другой ни был. Певучее и мягкое «джулей», так непохожее на наше энергичное и раскатистое «здравствуйте», является первым шагом к этому пониманию. По реакции ладакхцев на вас вы можете точно понять даже собственное состояние или настроение. Встречные и незнакомые вам люди тонко дадут знать, что у вас творится в душе. Если настроение действительно неважное, вы начинаете ловить на себе сочувственные взгляды, а в глазах прохожих прочесть: «Чем помочь?» Если оно у вас хорошее и даже общительное, положение ваше на улицах города сразу же меняется.

— Джулей, джулей. Здравствуй, — слышится со всех сторон. — Как поживаешь? Куда идешь?

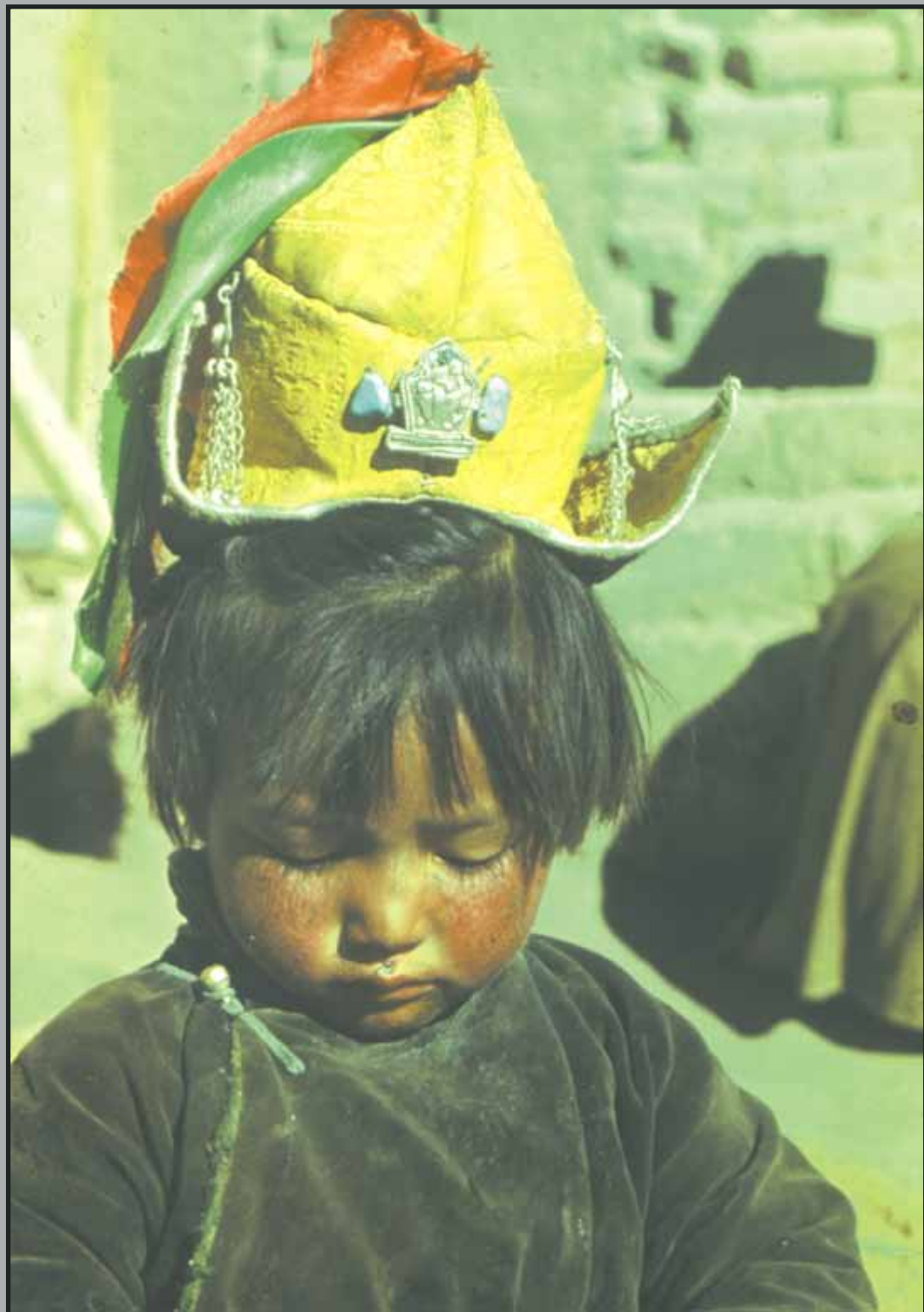
И все вокруг улыбаются. Открыто и весело. Люди радуются, что у тебя хорошее настроение, и хотят его поддержать своей общительностью, приветливостью и дружелюбием.

Высокие снежные горы, каждая складка которых наполнена непередаваемой красотой и которые пробуждают в человеке высокий полет души и мыслей, безусловно сформировали тонкий склад ладакхской души. Но горы — это не только гармония, красота и запредельная космическая устремленность. Горы — это суровый и тяжкий труд, требующий сотрудничества человека с человеком и постоянного чувства локтя. Может быть, этот тяжкий труд учил понимать другого, проникать в его внутреннюю суть и не обращать внимания на внешние случайные проявления. Но труд и культура неразрывно связаны между собой. Человек вне культуры существовать не может. Она определяет

Женщина из деревни Айю

Деревня Айю. Девочка

его взаимоотношения со всем, что его окружает, со всем, что он делает, что творит. В культуре ладакхца особенно сильна и ярка духовная традиция. Буддизм в этой горной изолированной стране представлял собой явление более обширное, нежели просто религия. С веками он стал образом жизни ладакхца. Буддийская философия, ее метод познания внутренней сути человека создали особую практику, которая распространялась через монастыри.

До своей поездки в Ладакх я считала, что пунктуальность и аккуратность — это явления современной цивилизации с ее напряженным образом жизни, с ее извечным недостатком времени, множеством дел и большими скоростями. Я не раз замечала, что у народов, еще не приобщенных к такой цивилизации, были совсем иные отношения со временем. Не то чтобы они его не ценили, а просто у них были другие временные критерии, не совпадающие с нашими. Ладакхцы же были пунктуальны, как немцы. Если я уславливалась с ладакхцем о встрече, я могла больше ни о чем не беспокоиться. Он появлялся минута в минуту и даже, может быть, немного раньше. И эта аккуратность не зависела от того, кем он являлся. Был ли он знатоком своего края, умным и немножко ироничным Таши Рабгиезом, или образованным ламой Палденом, или клерком из правительственного офиса Сул Тимом, смешливым и немного робеющим, или уверенным и динамичным Пинто, сыном министра Сонам Норбу, или веселым и простодушным шофером Ригзенем, или... Да разве можно перечислить всех, с кем мне приходилось иметь дело.

Меня подгоняли, меня торопили, мне не давали передохнуть. За день в Ладакхе я успевала сделать много больше, чем в другом каком-либо месте. И все благодаря этой удивительной ладакхской пунктуальности и аккуратности.

— Вы пропустили один пункт в вашем плане, — хитро прищурившись, говорил шофер Ригзен.

— Какой такой пункт? — спрашивала я, уверенная в том, что такого случиться не могло.

— А вы вчера вечером должны были поехать в деревню.

Действительно! Как же я это упустила?

— А почему ты не сказал вчера?

— Я думал, что вы сами помните... — смеялся Ригзен.

Мой рабочий план постепенно превратился в своего рода директиву для тех ладакхцев, которые оказались к нему причастны. Они его помнили наизусть и следили за неукоснительным выполнением.

— Итак, — говорил Маусуд, заместитель комиссара Ладакхского округа, — давайте заглянем в наш план и посмотрим, что надо еще сделать.

Я покорно доставала записную книжку.

— Так, так, — качал головой Маусуд. — А это почему не выполнено? Нехорошо. Перенесено? И ничем не заменено? Нет? В таком случае мы пойдем к леди Кушале.

Часть третья. СТРАНА ГОР И СНЕГОВ

Леди Кушала составляла грамматику ладакхского языка и сидела в Ле уже третий месяц. Мы шли к ней, и там из раза в раз повторялось одно и то же. Сначала мы мирно обсуждали научные проблемы, потом спорили, потом ругались. Тогда Маусуд замолкал, вжимался в кресло и с ужасом следил за всем этим. Его очень интересовала история и лингвистика, но он не мог выдерживать взрывов научного темперамента. В этих спорах в конечном счете побеждала дружба.

О плане знал и главный инженер округа Дава. Немного грузноватый, добродушный, с маленькими умными глазами, он сразу решил мои транспортные проблемы.

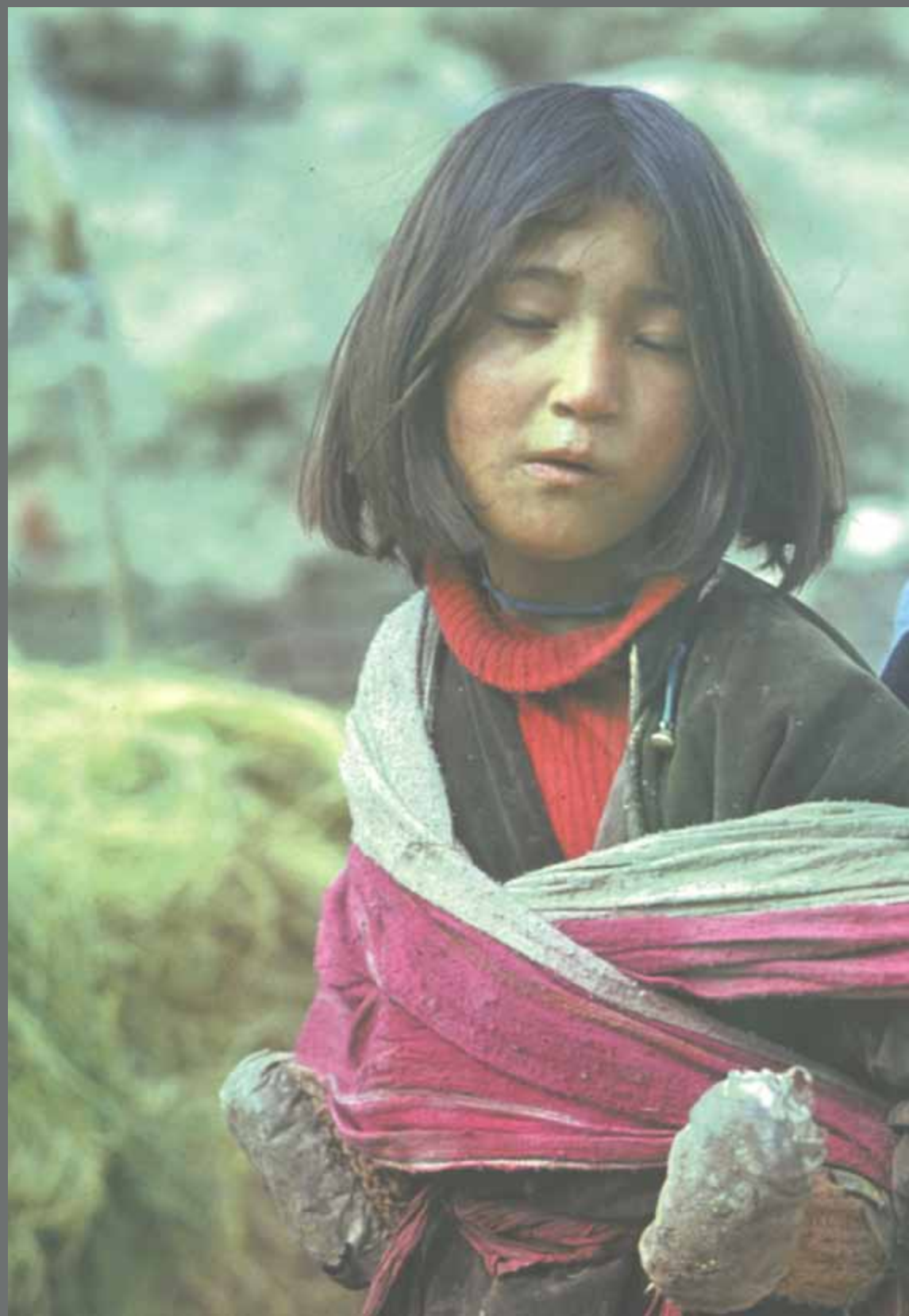
— Будете брать мой «джип», — сказал он. — Когда понадобится.

Братья

Рикзен

Няня

Деревня Фианг. Жених и невеста

Позже я узнала, что Дава безотказно и безвозмездно снабжал своим «джипом» всех тех, кто забредал в Ладакх с разными научными целями. Не знаю, следил ли он за планами других, но за моим — определенно. Когда он отбывал в очередную командировку в столичный город Сринагар, то поручал это нелегкое дело своему заместителю.

— Смотри мне, — наставлял он его, — вот видишь, куда мадам Людмиле надо ехать? Видишь? Теперь повтори. Так, молодец, правильно запомнил. Так. Так. Ликир, Базго. Так. А еще? Еще, я тебя спрашиваю, что?

Я приходила на помощь бедняге, и успокоенный Дава отбывал к месту назначения. Он возвращался через неделю и все придирчиво проверял.

О плане действительно знали многие. И те, которые к нему были причастны, и их знакомые, и их друзья. План обсуждался на базаре, иногда о нем поминали в маленьких харчевнях. Но все это происходило не потому, что мой план был чем-то особенным и выдающимся. Он был вполне зауряден. Ладакхцев привлекало существо плана. Ибо он имел отношение к их истории и культуре. А все, что относилось к их прошлому и настоящему, составляло для них главную ценность. Они ревниво следили за тем, чтобы эта ценность была правильно понята и усвоена, чтобы ничего из того, чем они гордились, не было пропущено. Вот почему мой план и моя работа обрели в глазах ладакхцев такое непреходящее значение. В конечном счете они болели не за план. Они болели за Ладакх, за его историю, за его культуру, за его уникальные памятники. Но болели не абстрактно и вяло, а действительно и активно.

Эта активность натуры ладакхцев проявлялась во всем. Она была в основе их выносливости, их духовного склада. Я не знаю более выносливых и надежных проводников, чем ладакхцы. Они могли оставаться на трудном маршруте целый день без еды и не показать ни единым жестом, что это доставляет им какое-то неудобство. Уставая, они не раздражались, оставались всегда ровными, веселыми и благожелательными. Они не вздыхали, когда гора была высокой и крутой, не жаловались на усталость, не придумывали каких-то непреодолимых причин для того, чтобы не идти туда или сюда, и всегда проявляли добрую волю к сотрудничеству, такую необходимую на трудных горных путях.

Когда я читала «Сердце Азии» — экспедиционные записки Николая Константиновича Рериха, то не очень обратила внимание на слова: «Вообще вся атмосфера Ладака для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Каракорум на Хотан»³³. Фразы эти всплыли в моей памяти, когда я соприкоснулась с ладакхцами. Без особых трудностей собрать караван можно только там. Так было пятьдесят лет назад, так остается и сейчас. Та же пунктуальность, та же деловитость, то же стремление действительно помочь другому. Услуги экспедиционному каравану на пестром и шумном базаре в Ле предлагали многие. И бал-

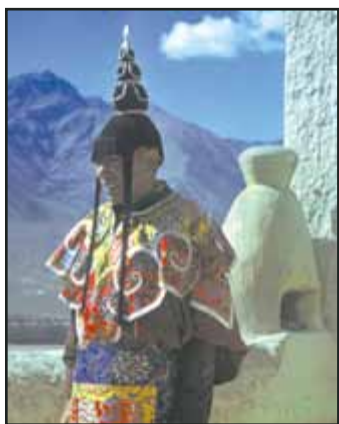

Деревня Фианг. На свадьбе

появилась оттуда, осторожно неся две тонкие чашечки с соленым ладакхским чаем. Потом на столе появился свежеиспеченный ячменный хлеб, рассыпчатый, с хрустящей корочкой. Очень вкусный хлеб, который ладакхцы выпекали каким-то своим особым способом.

— Ну вот, — сказал Палден, — попробуйте хлеб моей матери. А как вы здесь оказались?

Как я оказалась? Ранним утром я отправилась в храм Майтрейи. В тот храм, что стоял на горе около королевского дворца. Его темно-красное массивное здание, похожее на крепость, с первого дня привлекало мое внимание. Но набегали другие дела, и я все никак не могла подняться на гору с темно-красным квадратом храма. Сегодня же я наконец решилась и отправилась. На мое удивление, тяжелая деревянная дверь храма была распахнута. Я вошла в зал храма. Пусто. Никого. Шаги гулко отдавались на каменных плитах пола. Серые каменные стены уходили куда-то вверх, к высокому потолку, терявшемуся в полумраке. Разноцветными пятнами на них выделялись танки. Здесь не было ни росписей, ни веселых резных колонок. Суровая простота зала придавала ему сходство со старинным замком. В узкое окошко, расположенное где-то в вышине, вливался широким золотистым лучом утренний, солнечный свет. Луч упирался в дальнюю стену и высвечивал огромную, на все три этажа здания, статую Майтрейи. Бирюзовый третий глаз Майтрейи сверкал и переливался, а его ярко-голубые глаза смотрели спокойно и благожелательно. Обе его ноги были распрямлены

и спущены с сиденья, а у ступней лежали глиняные раскрашенные львы. Эта огромная, в три этажа, статуя в золотой короне, с неожиданно голубыми глазами, производила впечатление чего-то очень странного и древнего. Как будто ее воздвигли не в XV веке нашей эры вместе с этим храмом-крепостью, а где-то в другой цивилизации, исчезнувшей много тысячелетий назад, и в которой все было огромным: и здания, и люди, и изображения богов.

Тонкие кисти рук Майтрейи были сложены в мудре «дамачакра», что означало «проповедь». О чем была эта проповедь?

Скорее всего о наступлении иного, более светлого будущего, о мире, который не будет похож на наш, несправедливый и несовершенный, о спасении людей от пут зла, угнетения и страданий.

В храме-крепости, чей фундамент прочно и властно упирался в скальное основание, идея Майтрейи была выражена ярко и реально. Она не была загромождена другими символами, иными связями и понятиями. Каменные стены, без украшений, высокий потолок, уходящий в полумрак, и неправдоподобно огромная статуя будущего освободителя

тистанцы, и кашмирцы, и туркестанцы. Но умная и проникательная Елена Ивановна Рерих отобрала из этой разношерстной толпы в первую очередь ладакхцев. «Все они хорошо знали дорогу, — писал Юрий Николаевич Рерих, — и были готовы разделить с нами трудности и опасности предстоящего путешествия в Восточный Туркестан. Эти люди никогда не унывают, даже во время затяжных буранов в горах, довольствуются малым и никогда не жалуются на усталость. В наших последующих странствиях мы часто вспоминали ладакских караванщиков, их удивительное мужество и стойкость»³⁴.

4. УЧЕНЫЙ ЛАМА ПАЛДЕН

Старушка что-то сказала и указала пергаментной рукой на низкую, тяжелую дверь, врезанную в массивную стену бокового сводчатого коридора храма Майтрейи. Она была маленькая, сухонькая, с морщинистым лицом и говорила только по-ладакхски. Я открыла дверь, ступила на порог и остолбенела. Посередине комнаты со сводчатым потолком и узким окном-бойницей у низенького столика сидел Палден. Ученый лама Палден.

— Палден? — удивленно спросила я, даже не поздоровавшись. Палден поднял голову от старинной тибетской рукописи, какое-то мгновение задумчиво рассматривал меня, а потом засмеялся.

— Что это значит? — спросила я, приходя в себя. — Почему вы здесь?

Палден недоуменно посмотрел на меня, потом на старушку, что-то сразу понял и снова рассмеялся. Затем поднялся с ковра, взял старушку за руку и повернул ее ко мне.

— Это моя мать, — сказал он, продолжая улыбаться, и в голосе его я услышала какие-то особые, теплые нотки, которые, как мне казалось, ему не были свойственны.

— Значит, — догадалась я, — это ваше жилище, и вы в нем обитаете вместе с матерью?

— Совершенно верно, — кивнул Палден.

— А как же келья в монастыре Сабу?

— Келья тоже. Но со своей матерью я живу только здесь. Старушка согласно закивала, заулыбалась и указала мне на ковер. Я села.

— Сейчас будем завтракать, — сказал Палден и поправил темно-красную тогу, свежевыстиранную и тщательно отглаженную.

— А я думала, вы бродяга, — сказала я.

— Иногда, — засмеялся Палден. — Но когда мне нужно отдохнуть и кое-что почитать, я прихожу сюда. Это хроника ладакхских королей, — кивнул он на рукопись. — Доктор Франке перевел ее на английский, но у него есть неточности.

Старушка исчезла в проеме, ведущем во вторую комнату, и вскоре

риканец.

— Не Джордж, а Юрий, — поправила я. — Юрий Николаевич Рерих. И не англичанин и не американец, а русский.

Палден удивился и попросил меня рассказать о Юрии Рерихе. Я рассказала не только о Юрии Николаевиче, но и обо всех Рерихах, а также об их Центрально-Азиатской экспедиции. Ученый лама слушал, боясь упустить хоть единое слово. Я показала ему репродукции картин Николая Константиновича, которые он сделал в Ладакхе. Ученый лама перебирал репродукции, восхищенно смотрел на них и, казалось, не мог с ними расстаться.

— Это сделал великий художник, — убежденно сказал он. — Никто так не смог бы нарисовать Ладакх. А горы? Вы только посмотрите. Он проник в какую-то внутреннюю суть их. Я ведь тоже рисую, — смутился ученый лама, — и я знаю, как трудно рисовать горы.

Палден еще долго вздыхал и причитал над репродукциями. А потом несколько дней подряд все расспрашивал о Рерихах. Однажды он прибежал чуть запыхавшийся, но какой-то очень торжественный.

— Я нашел! — громко с порога сказал он.

— Кого? — не поняла я.

— Ригзена. Того, что ходил проводником с караваном Рериха.

Я восхищенно уставилась на Палдена.

— Не радуйтесь, — печально сказал лама. — Ригзен умер пять лет тому назад, но осталась его вдова. Она кое-что помнит, но мало. Ригзен тогда ушел с караваном Рерихов и вернулся через год в Ладакх.

Вдова действительно помнила мало. Она даже забыла год, когда караван ушел из Ле. Из Рерихов она запомнила только Николая Константиновича. Но годы размыли его образ так же, как размыли и ее память.

Ригзен, умерший пять лет назад, был последним ладакхским проводником рериховского каравана и последним свидетелем экспедиции. Я опоздала на пять лет...

Но ученого ламу Палдена это обстоятельство не смущало. Для него было самым важным установить, что такая экспедиция была. Он установил и очень гордился этим.

Ученый лама стал для меня проводником в сложном лабиринте ладакхского буддизма. Он рассказывал мне о буддийских сектах и знаменитых настоятелях монастырей, о тантрических ритуалах и старинных рукописях, которые хранятся в монастырских библиотеках, о древних святилищах нагов и прорицателях. Раскачиваясь, он низким голосом пел молитвы, стараясь довести до моего сознания что-то очень важное и значительное в них. Твердой, загрубевшей рукой он рисовал на бумаге буддийские символы, старинные одежды и головные уборы высоких лам. Он знал очень многое, его знания были точны, в них отсутствовала расплывчатость, свойственная некоторым другим ламам. Он представлял себе «нашу эру» и «до нашей эры», не пытался опери-

в золотой сверкающей короне.

Когда-то в этом зале все было не так. Стены были завешаны танками, алтарь сверкал золотом и серебром старинных статуэток и реликвий. Но в 1836 году пришли воинственные догры, увезли золото и серебро, порвали старинные танки и выбросили бесценные книги в текущий около Ле Инд. Они не смогли разрушить только статую. С тех пор каменные стены, суровые и мощные в своей обнаженности, стали единственным обрамлением того, кого называли Майтрейей — грядущим Буддой.

Я оставалась наедине с Майтрейей не более часа, и когда вышла из храма, то увидела, что солнце уже довольно высоко поднялось над снежными вершинами гор, но в воздухе еще стояла голубоватая утренняя изморозь. Я стала спускаться со скалы, и тут у каменных глыб, в которых пробивался прозрачный источник, украшенный по краям бахромой сосулук, я и увидела маленькую старушку, набирившую воду. Каким-то чисто ладакхским чутьем она угадала мою причастность к своему сыну, ламе Палдену, и привела меня к нему в гости, в суровый храм голубоглазого Майтрейи.

С ламой Палденом я познакомилась в один из первых дней моего приезда в Ле. Его привел ко мне все тот же Маусуд, так беспокоившийся о неукоснительном выполнении моего научного плана. У Палдена было широкое лицо простого крестьянина, открытая улыбка и узкие глаза, светившиеся живым умом. Его крупная, крепко сбитая фигура была облачена в традиционную темно-красную монашескую одежду, напоминавшую римскую тогу.

— Палден, — сказал он. И протянул мне широкую, сильную руку, явно знакомую с физическим трудом. — Лама Палден, — поправился он.

Палден был ученым ламой. Он знал тибетский, английский и хинди. Читал по-немецки и по-французски. Был знаком со структурной лингвистикой и помогал леди Кушале составлять грамматику ладакхского языка. Так же хорошо был осведомлен по части истории Ладакха, изучал труды доктора Франке и тех, кто впоследствии писал о Ладакхе. Он прекрасно ориентировался и в той литературе, которая выходила на Западе и была посвящена Большому Тибету и Малому — Ладакху. Только однажды с этой литературой у него получилась небольшая накладка.

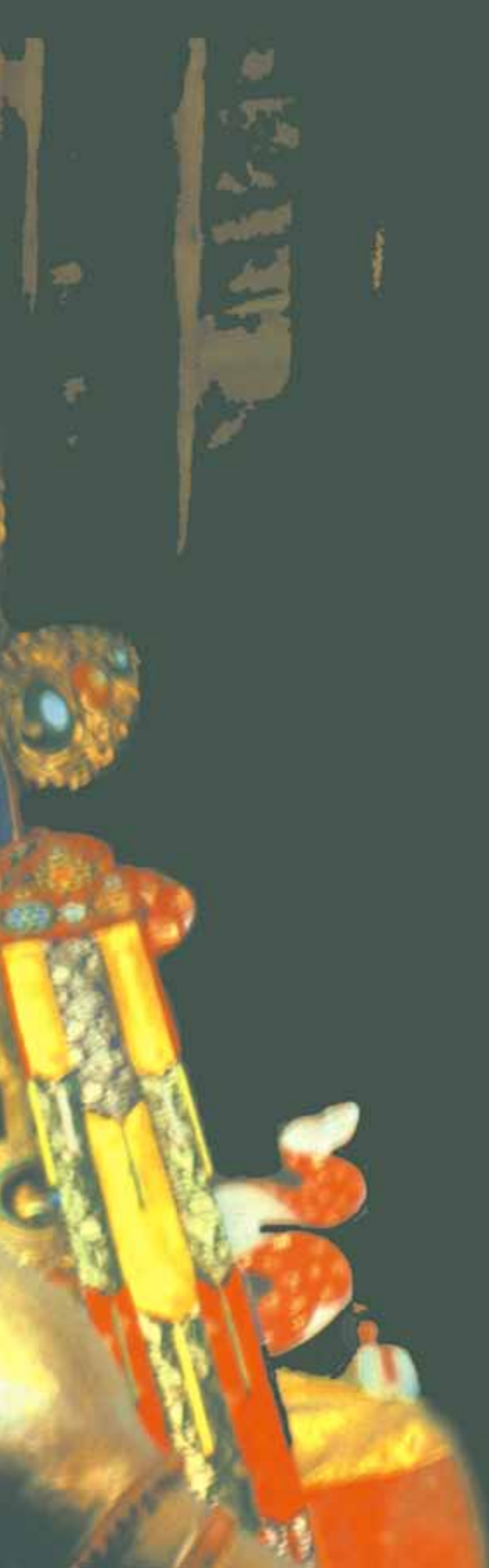
— Я тут заходил в школу тибетской философии, — как-то сообщил он мне, — и видел там очень нужную вам книгу. Она называется «Голубые анналы». Это очень важный источник, и один очень крупный ученый перевел его на английский и прокомментировал. Я не встречал перевода лучше. Удивительно, европеец, а так сумел перевести.

— Как зовут этого ученого? — спросила я.

Палден на мгновение задумался.

— Рерих. Джордж Рерих. Он, наверное, англичанин или аме-

*Ле. Королевский монастырь.
Майтрейя*

ровать миллионами лет и не тревожил вечность. Но вместе с тем он знал о Большом времени, ощущал его и нередко опирался на него в своей аргументации. Палден принадлежал к желтошапочникам, ценил честь и достоинство своего ордена, старался оградить его и от посягательств внешних, и от разболтанности внутренней. В этом своем стремлении он был крайне ортодоксален и иногда фанатичен. Страдал оттого, что монастырские таинства становились известны людям, не имеющим отношения к буддизму, людям, которые приходили в Ладакх с запада ради праздного любопытства.

— Вы только посмотрите, как они вторгаются в нашу жизнь. Зачем им это знать? Что они понимают в тантрическом ритуале? Почему они суют везде свой нос и постоянно щелкают фотоаппаратами?

— Я тоже щелкаю фотоаппаратом, — сказала я, приняв тираду Палдена частично и на свой счет.

— Вы совсем другое, — уже менее запальчиво сказал Палден. — Вы щелкаете аппаратом для работы и не делаете это исподтишка. Вы не подсматриваете фотоаппаратом, а снимаете честно и открыто. И потом вы ищете. Я уже понял это. Ищете ту реальность, которая прячется в строчках рукописей и символах. Я хотел бы помочь вам в этом.

Монастырь Спитуг... О нем писал Рерих: «Сильный монастырь Спитуг. Первый — из учения Дзонкхапы. Не развалины, но живая и работающая община. Настоятель монастыря и его сотрудники знают и поражающе понятливы. Вы еще не кончили мысль, а они уже готовы продолжить ее правильно. В Спитуге изображение Майтрейи и знание пророчеств»³⁵. Ученый лама Палден принадлежал именно к этому монастырю. «Сильный монастырь Спитуг» стоит на скалистой горе в нескольких километрах от Ле. Гора окружена со всех сторон ровным плоскогорьем, и кажется, что какой-то страшный катаклизм вытолкнул ее из каменных недр. Отсюда, сверху, виден сверкающий Инд, текущий по равнине. Монастырь построили в XV веке, и с тех пор он является резиденцией главы желтошапочной секты Ладакха. Теперь этот пост занимает Кушок Бакула, известный и в нашей стране. Бесценные танки и рукописи, которые удалось вывезти в 1959 году из Поталы, дворца Далай-ламы в Лхасе, хранятся в монастыре Спитуг.

Мы отправились с ламой Палденом в монастырь рано утром. Горы стояли, окутанные голубой дымкой, по небу скользили легкие облака. И может, потому, что утро было таким ясным и воздух таким бодрящим, и потому, что мы шли в Спитуг, Палден напевал себе что-то под нос и шагал широко, по-крестьянски. Пыльная дорога лентой вилась по плоской равнине, затем повернула к утесу, на котором стоял монастырь, и ушла куда-то вдаль, к снежным пикам гор. У подножия утеса начиналась вымощенная камнем тропа, которая упиралась в сводчатый вход. За входом потянулся узкий коридор, сложенный из крупных камней. Шаги гулко отдавались под каменными сводами, стены были сырыми и холодными. Постепенно полумрак стал рассеи-

Палден

Река Инд

Монастырь Спитуг

в полумрак помещения. Тяжелая дверь закрылась, и наступила полная тишина. Звуки внешнего мира сюда не долетали. Пахло сандаловыми курениями и пылью. Здесь не было окон, и неверное пламя светильников с трудом рассеивало мрак, скопившийся в углах и узких переходах, соединявших небольшие комнаты. Со всех сторон из полумрака надвигались лица-маски, красные, синие, зеленые, черные. Белели клыки оскаленных ртов, металась в неистовстве глаза, всплывали зловещие короны, увенчанные черепами. Многорукие, ярко раскрашенные божества вздымали беспощадные мечи, топтали поверженных врагов. В их застывших чертах жили ярость и безумие древних богов страха. Я начала уставать от этих яростных лиц многоголовых и многоруких божеств, от этого карнавала ярких красок и изощренных форм, в которых переплелись реальность и вымысел, строгая каноничность и безудержное творчество. Временами мне казалось, что я нахожусь не в тайном тантрическом святилище, а в реквизитной немислимого потустороннего театра, выплывшего из мерцающих волн иного Времени. За всеми этими древними божествами стояло знание. Знание, непохожее на наше, добытое иным, незнакомым нам путем видений и заклинаний, но от этого не переставшее быть знанием. Оно хранилось в неведомых мне взаимодействиях божеств, в мифах, которые я слышала о них, в той легкости, с которой божества соотносились с космосом и катаклизмами нашей планеты. Они странными и неведомыми путями связывали человека и его душу с этим космосом, утверждая их неразрывное единство.

— Ямараджа... Чамунди... Махакала... Лхамо... Чокдак, — откуда-то издалека звучал голос Палдена.

Я отодвинула пыльный занавес, и передо мной, как на театральных подмостках, возник Великий Черный, Махакала — Хранитель и Защитник. Его пятиметровое тело было покрыто темно-синей краской, которая в полумраке казалась черной. Змеями извивались темные руки. Лицо Махакалы было завешено. Ибо его можно лицезреть только по особым дням. В обычные дни это не разрешено даже ламам. Великого Черного вынесут из храма только в январе, когда в Спитуге будут тантрические танцы в масках, и он явит толпе свой многоликий образ. Тогда свершится очередное таинство, смысл которого будет понятен лишь ламам, причастным к древним тантрическим ритуалам.

Все тот же молчаливый лама открывает нам дверь, а затем бесшумно исчезает в темном проеме. И мне кажется, что за закрывшейся дверью остался призрачный ход, ведущий в таинственное и далекое прошлое.

Над плато, над виднеющимся вдали Ле и снежными пиками Каракорума стоит сияющий полдень. Безоблачное небо пронзительно синее, и кажется, что весь прозрачный горный воздух наполнен этой звонкой синевой. У меня возникает желание еще раз обойти монастырь, и я оставляю Палдена на валуне около поворота дороги.

ваться. Но Палден свернул куда-то в сторону, и вновь стало темнеть, и только старинные камни, из которых был сложен ход, призрачно выступали из мрака. Наконец показался проем. Мы прошли через него и очутились у начала каменной лестницы, которая шла между двумя обрывистыми стенами, напоминавшими ущелье. Высоко вверху синела полоска неба. Мы поднялись по лестнице и оказались в тесном мощеном дворе. Прямо передо мной возник расписной фасад храма, а по обе стороны от храма — приземистые строения монашеских келий. Позади него и чуть выше виднелись еще какие-то здания. Здесь, наверху, было тихо и пустынно. Ветер полоскал разноцветные молитвенные флаги и раскачивал полотно, похожее на театральные занавесы, закрывавший вход в храм. В храме блестели хорошо вымытые полы, ковры были тщательно вычищены, горели электрические лампочки и празднично сверкала подновленная роспись стен и колонн.

Таинственно мерцала золоченая корона Майтрейи. Пламя светильников дрожало на начищенной старинной бронзе статуэток, вывезенных из Тибета и Индии. Многокрасочные танки, похожие на древние знамена, спускались со стен и колонн храмов. Зелено-золотые драконы извивались над позолоченными телами двадцати одной Тары. В их коронах чистым голубым пламенем горела бесценная тибетская бирюза и лилово-красно светились индийские рубины. Вдоль стен, на расписных полках, лежали аккуратно завернутые в цветные шелка старинные рукописи. Тонкий аромат неведомого исходил от мерцающих золотом букв и дорогой китайской бумаги. Легендарный Падмасамбхава грозно смотрел широко раскрытыми неистовыми глазами в запредельную даль, туда, где в зыбком тумане Времени разгоралось таинственное зарево магии и шаманства, где возникали неясные очертания неведомой тантры и древние боги со страшными ликами качались в волнах багрового тумана, то появляясь, то исчезая. Великий достигший укрощал их злобный нрав, и теперь они, усмиранные, но сохранившие свои устрашающие лики, смотрели со стен буддийского храма, замороженно и неотрывно следя за множеством изогнутых рук, вращающих вечное колесо Времени — Калачакру. Древние боги страха и магии соседствовали с буддийскими архатами и святыми, чьи утонченные и спокойные лица свидетельствовали уже об иных временах и ином мироздании. Тантрический буддизм с его ритуальным проникновением в ритм космоса и сил природы, с его многовековым духовным опытом пронизывал мировоззрение желтошапочных монахов монастырей Великой колесницы. Тантра составляла главное таинство этого мировоззрения и господствовала в полную силу в храме, стоявшем на самой вершине утеса. Стены храма (чокханга) были выкрашены в темно-красный цвет. Я знала о существовании этих таинственных храмов в монастырях Ладакха. Туда неохотно пускали посетителей. А чаще всего не пускали. По крутой выщербленной лестнице мы поднялись с Палденом наверх. Лама открыл тяжелую дверь и сделал знак следовать за ним. Я шагнула

После возвращения я нахожу его все на том же месте, увлеченно читающего какие-то листки. Он нехотя отрывается от чтения, поднимается, и мы идем по сухой пыльной дороге в Ле.

— Я сейчас просматривал рукопись леди Кушалы, — говорит Палден, — но кое-что мне не нравится. Конечно, теория структурной лингвистики — вещь плодотворная, но есть моменты, которые вызывают настороженность.

И мы стали говорить о структурной лингвистике и о структурализме вообще как методе исследования. Палден не принимал структурализма или принимал лишь частично.

— Там немало формального, я бы сказал, чего-то механического, — рассуждал лама. — Ученые увлеклись построениями структурных моделей и упускают нередко суть исследуемого вопроса.

Голову он называл компьютером.

— Отключите ваш компьютер, — говорил он. — Мобилизуйте все свои внутренние силы.

Что такое «внутренние силы», он точно не определял и предоставлял мне самой разбираться в этом. Когда мне это удавалось, он радовался. Когда же непробиваемая тупость захлестывала меня, он становился печальным и отрешенным, устало поднимался, давая этим понять, что на сегодня все кончено. В этих разговорах и обсуждениях я почувствовала одну особенность. Палден понимал меня всегда, я же понимала его только иногда. И это меня тревожило.

Теперь на этой дороге, идущей в Ле, я с удивлением обнаружила еще одну его особенность. Он понимал не только меня, но ему был доступен образ мышления, который называют на Западе научным. Он свободно в нем ориентировался, но при этом сохранял и то, что можно было назвать традицией восточного мышления. Он был открыт обоим потокам: и тому, что шел от «компьютера», и тому, в котором «внутренние силы» играли основную роль.

Я шла по пыльной дороге и удивлялась. А потом образно представила себе два потока. Но в образе была какая-то неправда. Потоки текли параллельно. А так не бывает. Они должны были где-то слиться. Вот этого слияния в моем образе и не было. Я даже остановилась от неожиданности.

— Что-нибудь случилось? — спросил Палден, прервав на полуслове критику структурализма.

— Ну конечно, они же должны слиться, — почему-то сказала я вслух.

— Кто должен слиться? — не понял Палден.

— Потоки.

— Конечно, — подтвердил ученый лама. — Потоки должны сливаться. Но это происходит не всегда и не сразу.

Вот в чем дело! Это происходит не всегда и не сразу. Вот и в

Лама в тантрической одежде

Только здесь живут не мехески, а потомки Гесэр-хана. Короли Ладака ведут свое происхождение от героического Гесэр-хана.

Н.К. Рерих

Когда я вернулась поздно вечером в гостиницу, сторож вручил мне записку. Записка была от Сул Тима. «Королевский дворец, — писал тот, — будет открыт завтра с 7 до 8.00». Сул Тим, как всегда, оказался предельно аккуратен. Неделю назад я просила его заняться королевскими делами. Потом забыла о них. Но Сул Тим помнил. Я обрадовалась записке, потому что мне долгое время не удавалось попасть в этот спящий, как будто заколдованный дворец, девятиэтажная громада которого возвышалась над Ле. Там давно никто не жил, а старый лама, стороживший былую гордость ладакхских королей, часто отсутствовал, уходя по каким-то своим делам. Я уже потеряла всякую надежду, и вот теперь эта записка Сул Тима. Наконец я увижу дворец, в котором жили Рерихи во время ладакхского путешествия и где Николай Константинович писал картины.

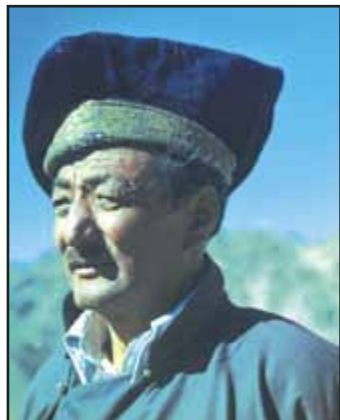
«В комнате, избранной как столовая, — заносил он в свой экспедиционный дневник, — на стенах писаны вазы с разноцветными растениями. В спальне, по стенам, — все символы Чинтамани, камня Сокровища мира. И черные от времени резные колонны держат потемневший потолок на больших берендеевских балясинах. Низкие дверки на высоких порогах. И узкие окна без стекол. И вихрь предвечерний гуляет по переходам. Пол покрыт яркендскими цветными кошмами. На нижней террасе лают черный пес Тумбал и белый Амдонг, наши новые спутники. Ночью свистит ветер и качаются старые стены»³⁶.

Так было в 1925 году, пятьдесят четыре года назад. Что сохранилось теперь от всего этого? Если тогда от ветра качались старые стены, то теперь они могли уже рухнуть. Нельзя же безнаказанно качаться все пятьдесят четыре года?..

Раннее утро было чистым и ясным. Солнце еще не поднялось, и отсвет розовой зари лежал на снежных вершинах гор. И сама эта заря пахла снегом и зимой. Из рта шел густой пар, легкий морозец пощипывал лицо.

С капителей деревянных колонн дворца глядели львиные морды. Краска на львах облупилась, дерево, из которого они были вырезаны, растрескалось. Я толкнула массивную дверь и вошла во дворец. Здесь царил полумрак, торчали полуобвалившиеся балки, а откуда-то сбоку пробивался неясный рассеянный свет. И в этом призрачном свете вырисовывалась массивная каменная лестница с крутыми ступенями. Я стала подниматься по лестнице, но через некоторое время поняла, что это занятие далеко не безопасное. Целые марши были обрушены, и пришлось пробираться по грудам камней, рядом с которыми темнели

Палдене эти два потока текли параллельно и не соприкасались друг с другом. Вот в чем было несоответствие. Они не помогали друг

другу и не обогащали друг друга. Палден черпал из одного и другого, но не смешивал никогда их воду. И в нем они существовали совсем отдельно. «Компьютер» и «внутренние силы» были разделены. Научное мышление, которым вполне владел Палден, не соприкасалось с его традиционным. Древняя мудрость существовала отдельно от новейших достижений науки. Так вот в чем промашка Палдена! Он впустил в себя «чужой» поток, но не дал ему слиться со своим. Ни в образе мышления, ни в знаниях. Я несказанно обрадовалась этому открытию. Палден слушал меня

внимательно и даже замедлил шаги. Крупная голова его была опущена, как будто он что-то разглядывал или искал на дороге. И только один-единственный раз он повернул голову ко мне, и из-под напряженно сведенных бровей блеснул острый, оценивающий взгляд. Я кончила, но он продолжал какое-то время молчать.

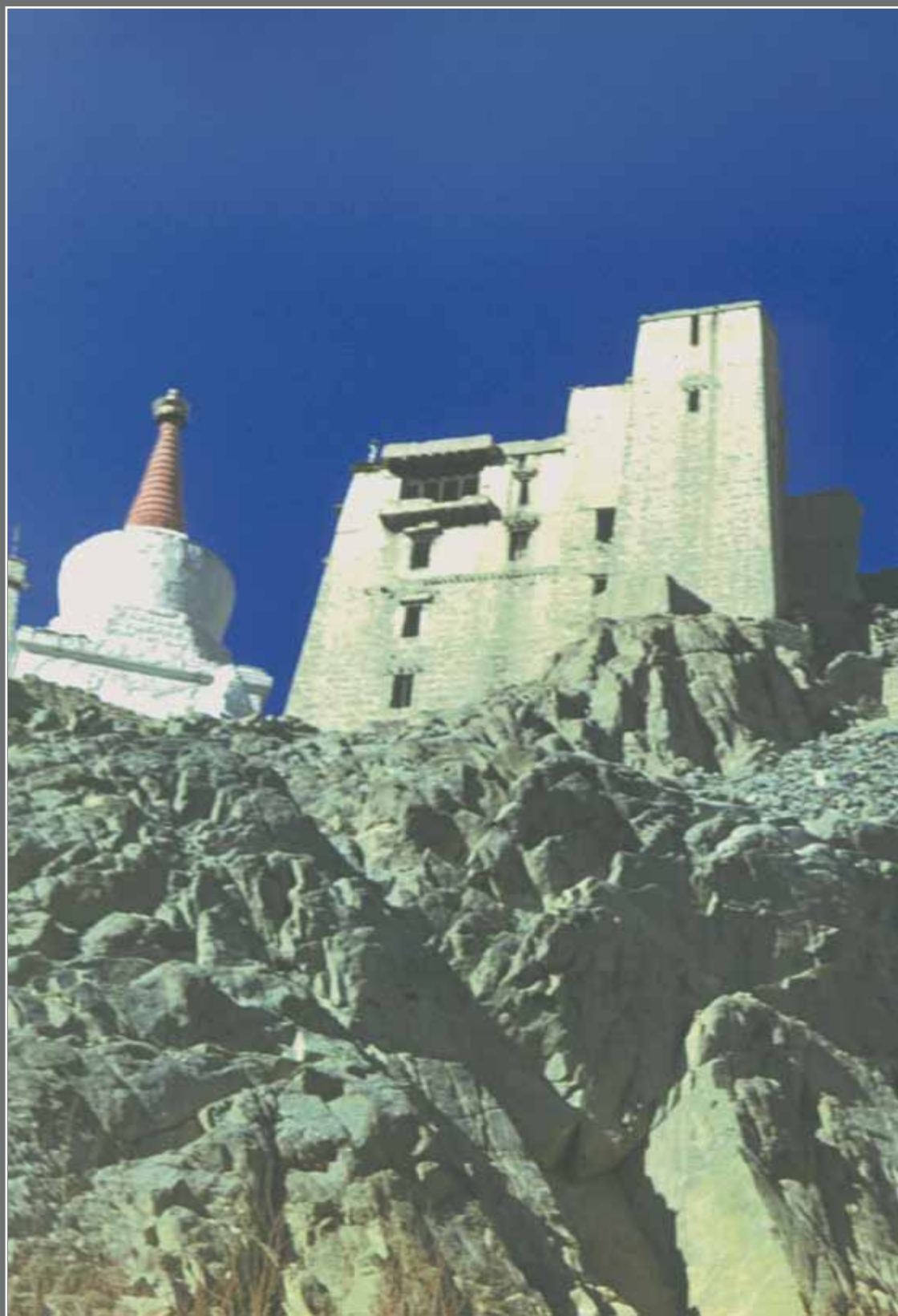
— То, о чем вы говорили, — медленно начал он, бережно роняя слова в тишину, — не под силу одному человеку. Но это под силу вам и мне, вашей стране и нашей, Азии и Европе. Потоки сливаются, когда они стремятся навстречу друг другу. Наш поток уже устремлен к вам. Давно устремлен. Но вашему что-то мешает также устремиться к нам. Хотя отдельные ручейки уже потекли нам навстречу. Когда потоки сольются, тогда богатства всех накопленных знаний, и тайных и явных, будут служить человечеству. Всему человечеству, а не отдельным людям или странам. Но помните, одному человеку это не под силу.

Так сказал ученый лама Палден. Сказал нечто очень важное, что я ощущала, но не могла сформулировать. И на этот раз он оказался мудрее меня, а может быть, мудрее многих...

5. ПОТОМКИ ГЕСЭРА

Все эти полуразрушенные остовы башен и каких-то длинейших стен по зубцам скал — все это говорит о бывшем процветании Ладака и о мужественном духе его бывших создателей. Имя великого героя Азии, Гесэр-хана, овекает эти места.

Н.К. Перих

Ле. Королевский дворец

— Дочь покойного короля и наследный принц.

Дочь покойного короля... Того самого короля Ладакха, который пятьдесят четыре года назад нанес визит Рерихам и пригласил их пожить в своем дворце. Теперь король умер, а дворец почти разрушен.

— Лама, — сказала я, — в этом дворце когда-то жил русский художник. Его пригласил король Ладакха.

— Я ничего об этом не знаю, — покачал головой лама. — Людская память коротка. Людская жизнь быстротечна. Что остается после нас? Эти развалины? Гибнущие картины и разрушающиеся статуи? Что может удержать слабый ум и беспомощные руки человека? Люди — преходящие пылинки вечности. И только те, кто ощутил свою причастность к Вечности и Великому Единому, еще что-то могут. Но они — не короли, они — Великие души. А короли умирают, их дворцы — тоже.

Мы вышли на открытую галерею. Лама зябко завернулся в свою тогу. Солнце уже высоко стояло над горами.

— А этот русский был великим художником? — неожиданно спросил лама.

— Да.

— Значит, наш король прожил не зря. Он встретил в своей жизни великого художника.

Я вышла из дворца, прошла мимо королевского монастыря и стала спускаться вниз, к базару. Отсюда, снизу, королевский дворец был виден во всей своей красе. Он стоял, освещенный ярким солнцем, массивный и неприступный. Наружные каменные стены надежно скрывали обветшавшие залы, разрушенные лестницы и пустоту королевских опочивален.

Его построили в XVII веке по образцу лхасской Поталы. Потом в Стоке появился другой дворец. Вдовствующая королева и наследный принц жили теперь там. Мне не удалось их увидеть. Королева заседала в парламенте в Дели, а принц, офицер индийской армии, служил в своей части. Но королевское семейство не исчерпывалось этими двумя. Существовали еще и принцессы. Известно, что без принцесс не обходится ни один королевский двор. Одна из них жила на крыше дома, который стоял на углу узкой улочки, уходившей от базара куда-то в глубь старинного квартала. Принцесса меня не приняла, ибо была занята писанием мемуаров. Но разрешила посетить дворец в Стоке. Позже выяснилось, что ее разрешения на посещение дворца не требовалось.

Дворец стоял у самого подножия снежного хребта и назывался летней резиденцией ладакхских королей. Но время и обстоятельства превратили его в постоянную резиденцию. Бывшая летняя резиденция чем-то напоминала дворец в Ле, но в ней не было его тяжеловесной массивности и замкнутости. Резные, раскрашенные балконы свидетельствовали о жизни менее суровой и не такой воинственной. Однако каменная крепостная стена вокруг дворца напоминала о каких-то неспокойных временах. Вдоль этой стены туда, к дворцу, поднималась

провалы и пустоты. По дворцовым залам и королевским опочивальням свободно гулял студёный ветер. В зияющих проломах стен гнездились дикие голуби. Потревоженные, они с пронзительным криком взмывали к потолку, туда, где темнели растрескавшиеся и местами обрушенные балясины. Доски пола сгнили и провалились. Резные колонны палат растрескались и готовы были рухнуть в любой момент. Роспись стен и потолков облупилась, а изящные деревянные решетки на окнах и верандах были поломаны и светились дырами. Старые стены, которые раскачивались под напором ветра много лет назад, наконец рухнули. «Берендеевых палат» больше не было. А остался лишь ветер, дикие голуби и руины. И где-то там, на этих полуобвалившихся лестницах, в зияющих провалами переходах да на рассохшихся досках пола остались невидимые следы человека из далекой северной страны, который ходил по этим палатам и писал великие картины на открытых горным ветрам галереях. Я поднималась с этажа на этаж, и чем выше, тем заметнее и необратимее становились разрушения, тем сильнее гудел ветер, тем тревожнее и печальнее кричали дикие голуби. И снова лестницы, переходы, пустые гулкие залы. Внезапно где-то в глубине дворца раздался бой барабана. Звук был низкий, вибрирующий. Значит, в этом уснувшем, разрушающемся дворце еще где-то теплилась жизнь. Я дошла до разошедшейся, облупившейся двери, из-за которой, как мне показалось, и доносились удары этого странного барабана, который звучал как будто из небытия: «Бум-бум-бум».

Я толкнула дверь, она заскрипела и поддалась с трудом. Из полумрака на меня надвинулись маски. Одна красная, другая зеленая. Оскаленные рты, свирепо вскинутые золотистые брови. В какой-то момент мне показалось, что маски свободно плавают в этом гудящем от барабана полумраке. В глубине помещения слабо и неверно мерцали язычки светильников. Многорукий красный бог исполнял свой таинственный и вечный танец. Позолоченная статуя Будды возвышалась на алтаре. Храм явно принадлежал красношапочной секте. Я вспомнила, что ладакхские короли были из этой же секты. Старинные танки покрывал слой пыли и копоти. Настенная роспись померкла и местами совсем облупилась. Серая многолетняя паутина затянула тонущие в сумраке углы, шла от одного божества к другому, связывая их неотвратимой нитью забвения и умирания. Перед алтарем сидел лама. Он бил в барабан и пел низким голосом магические заклинания, но не обернулся ни на скрип двери, ни на звук моих шагов. Он был полностью погружен в себя, в звук своего голоса и гудение барабана. Я уже направилась к выходу, когда лама поднялся и подошел ко мне.

— А где король? — почему-то спросила я его.

— Король умер, — печально ответил лама и наклонил голову.

— А королева?

— Тоже.

— А кто же остался?

Старинная крепость

вымощенная камнем дорога, упиравшаяся в узкий мощный дворик, зажатый между стеной и входом во дворец. Во внутренние помещения вела расписная дверь. Я вошла в здание и стала подниматься по лестнице, которая заканчивалась галереей. От галереи, в глубь помещения, уходили полутемные каменные переходы, которые завершались комнатами. Некоторые комнаты были открыты и зияли пустотой стен с обвалившейся штукатуркой. На дверях других висели тяжелые амбарные замки. В этих комнатах жили, но жильцы временно отсутствовали. Дворец был пуст, и какой-то нежилой дух витал в этих узких переходах, заброшенных комнатах, у запертых дверей. Необратимая печать запустения и медленного угасания уже лежала на всем. Дворец постепенно и незаметно погружался в сон разрушения и умирания. Он отходил в прошлое, становился миражом, призрачным кораблем, несущимся по волнам Времени. На этом корабле уже давно не было ни капитана, ни команды.

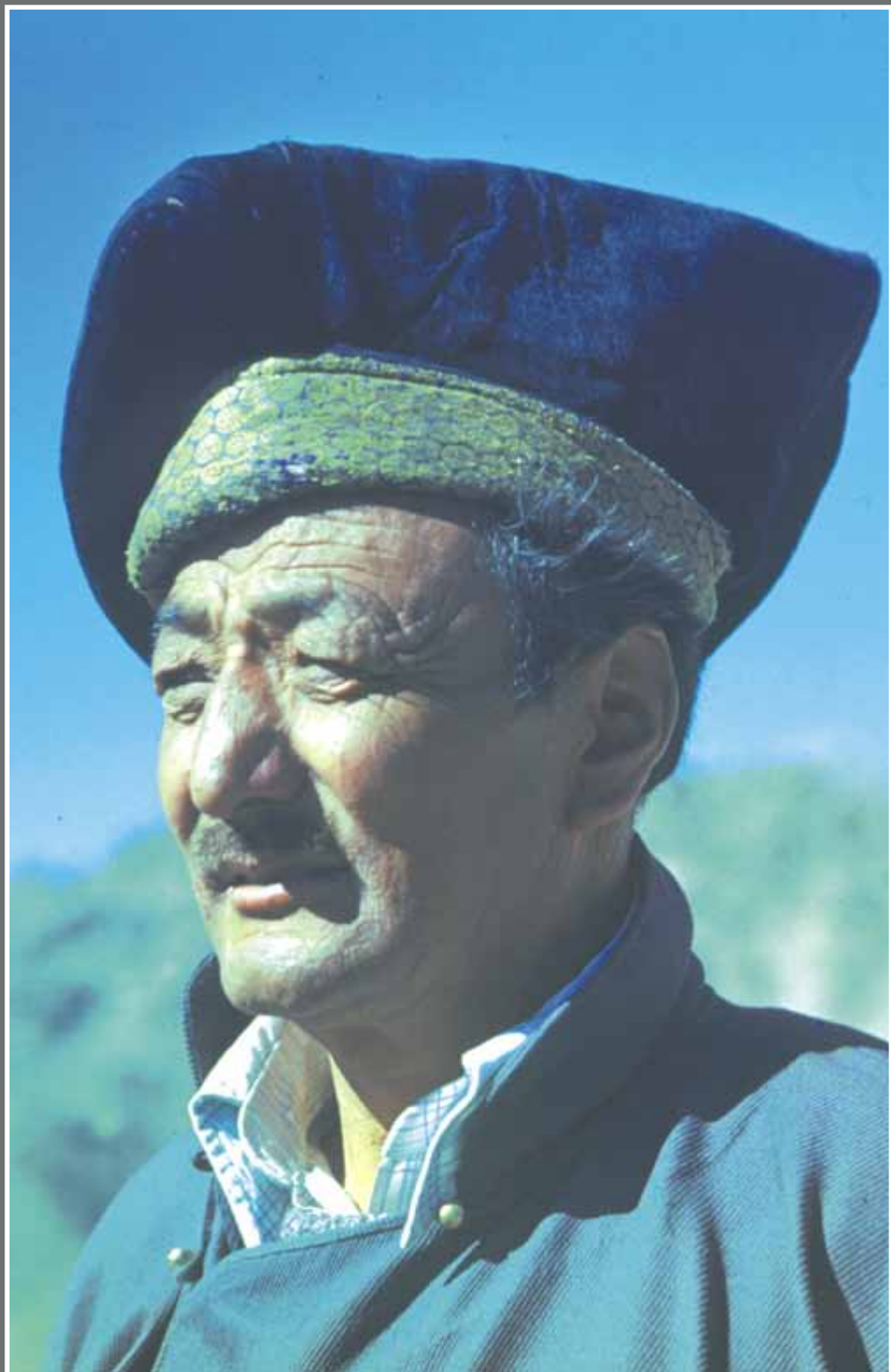
И все-таки мне удалось обнаружить во дворце тех, кто еще населял его. Это были пожилой лама, мальчик-слуга и два хулиганистых тибетских терьера. Терьеры подняли при моем появлении большой шум, и мне на какой-то момент показалось, что дворец ожил и наполнился бегом и звуками. Лама распорядился в дворцовом храме, где стояла серебряная ступа, украшенная бирюзой, кораллами, рубинами, и возвышалась золоченая статуя Будды. На стене висел единственный барабан, и красноликий бог войны Чокмен скакал в развевающихся одеждах на тонконогом коне. Я поднялась на плоскую крышу дворца. Ветер трепал гирлянды цветных молитвенных флажков, протянутых по краям крыши. И эти флажки придавали дворцу какой-то странный, праздничный вид. День был ясный и морозный, и отсюда, с крыши дворца, проглядывались на много километров заснеженные хребты Гималаев. С запада над дворцом и стоящей внизу деревней нависали прозрачно-голубые нагромождения ледника Сток, на востоке поднимались сверкающие пики Каракорума.

— Здесь очень красиво, — сказал подошедший лама. — Но королева в этом дворце бывает редко. У нее много дел в Дели.

— А остальные где же? — спросила я.

— Кто где, — неопределенно ответил лама. — Да осталось их немного. Род Намгиялов угасает. Династия Намгиялов уже кончилась. Только в память о прошлом их называют королями.

В память о прошлом... Прошлое же было бурным, драматическим и воинственным. Оно уходило в глубь веков, туда, где полубог и герой Гесэр-хан совершал свои подвиги в странном, непохожем на реальный мире. В том мире, в середине которого стояла древняя гора Лун-по, где в сверкающем дворце жили боги и четыре грозных короля с лицами-масками стерегли запад и восток, юг и север. Четыре вечных континента покоились на водах океана, в глубинах которого светились драгоценными камнями дворцы королей таинственных нагов. Этот

Королевский министр Колон Намгиял

древний и непостижимый мир рождал сны и богов. Люди же, рожденные от богов, были могущественны, как боги. У богов существовали свои короли, у людей — свои. Но граница между теми и другими была тонка и неопределенна. Иногда она и вовсе исчезала...

Короли, происходившие от богов, правили Тибетом тогда, когда еще не пришел в мир Великий Учитель Будда Шакьямуни и люди не умели писать. Они запоминали имена своих королей и передавали из поколения в поколение рассказы о них. И среди этих рассказов эпос о короле Гесэре был самым длинным и неумирающим. Он уходил в прошлые века, туда, где король Тибета Сронцзангампо вводил Учение Будды, а Ландарма, фанатичный последователь бона, пытался это учение сокрушить. От Ландармы, как повествует историческая хроника, и пошла первая династия королей Ладакха. Это случилось на рубеже IX и X веков, когда горная страна на западе Великого Тибета становилась постепенно независимой. Короли этой династии носили пышный титул «Лха-чен» — «Великий бог». «Великие боги» правили Ладакхом до XV века. Они активно участвовали во всех феодальных усобицах, совершали воинственные набеги на соседние области, враждовали со своими родственниками и потомками, укрепляли буддизм и сокрушали древний бон, строили замки и монастыри. Но к XV веку атмосфера в Ладакхе стала весьма напряженной. Шла борьба за власть над маленькой горной страной не только между «Великими богами», с одной стороны, и местными королями — с другой, но и в среде самих «Великих богов». И тогда один из них ради власти над Ладакхом отрекся от «Великих богов» и основал свою новую династию, предварительно захватив трон в Ле.

Новая династия называлась «Намгиял», что значило «Совершенный победитель». Первый же «Совершенный победитель» и объявил о своей связи с Великим Гесэр-ханом. С этого момента остальные «Великие боги» как-то затихли, повели себя робко и крайне осторожно и, наконец, канули в Лету. Однако новая династия не принесла мира в Ладакх. «Совершенные победители», как и «Великие боги», стремились к абсолютной власти над Ладакхом, и им тоже было тесно среди его вершин и хребтов. Пока очередной «Совершенный победитель» усмирял непокорных вассалов, простые ладакхцы клали камень за камень в основание дворца в Ле, в фундаменты сторожевых башен и стены окрестных монастырей.

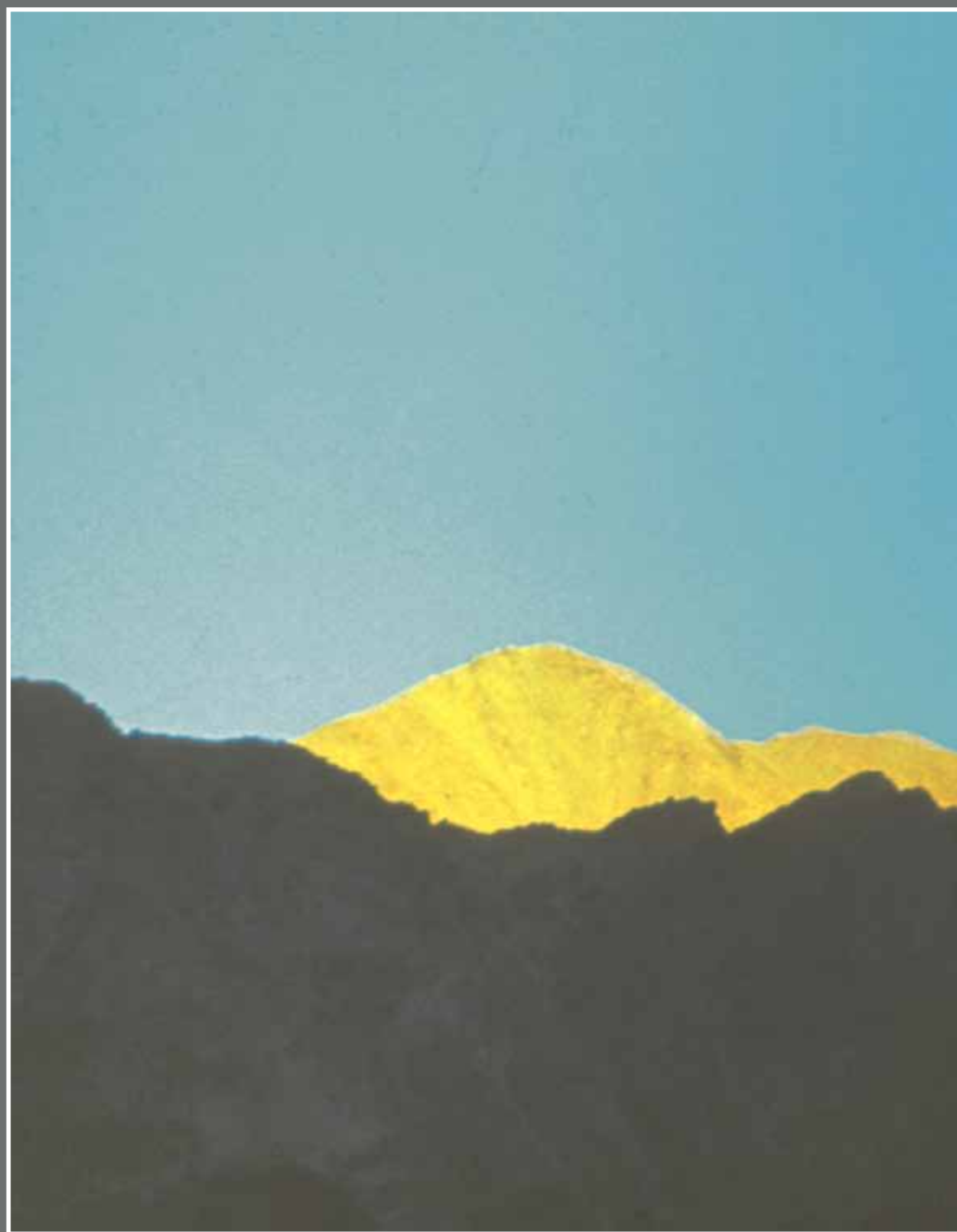
Но не только внутренняя усобица нарушала мир в Ладакхе. Защищенный от внешнего мира гималайскими хребтами, Ладакх тем не менее оставался тем перекрестком, к которому вели торговые караванные пути из разных стран Азии. Эти пути были доступны и вражеским войскам. На западной границе Ладакха образовались мусульманские княжества, и самым сильным из них был соседний Кашмир. Столица Великого Тибета Лхаса пристально и не бескорыстно наблюдала за развитием событий в горном королевстве. И хотя ладакхцы были храбрыми

и умелыми воинами, метко стреляли из лука, владели прекрасно мечом, армия Ладакха была небольшой по причине немногочисленности самого населения. И поэтому она не всегда могла защищать свою страну. Каждый из королей вносил лепту в дела мира и войны. Но не о каждом из них в народе сохранялась память и слагались песни. Больше всех в этом отношении повезло Сенге Намгиялу.

Сенге, или Лев, был личностью крупной и незаурядной. Это он выстроил девятиэтажный дворец в Ле и спрятанный в ущелье тайный монастырь Хемис, а также приказал воздвигнуть статую Майтрейи высотой в три этажа в храме над крепостью в Басго. Король Лев был силен и отважен. Дважды он ходил на войну и каждый раз возвращал Ладакху захваченные у него земли. Может быть, Лев всего бы этого не сделал, если бы у него не было в наставниках Тигра. Тигр был ламой. Полное его имя — Сток Цанг-рас-чен. «Сток» значило «Тигр». Лама был высок и статен, а упругой и неслышной походкой действительно напоминал тигра. Он много лет провел рядом с королем Львом, и король ничего не предпринимал без его совета и согласия. Тигр сам выбирал места для монастырей, наблюдал за их строительством, был неутомимым ходяком и легко переносил суровый климат Ладакха. Он заставлял лам быть прилежными в тайных науках. По его повелению ламы сели за переписку старинных тибетских рукописей. Иногда лама Тигр подолгу не появлялся в королевском дворце, и никто толком не знал, где он находился в это время. Но когда у короля Льва возникала в нем острая нужда, лама Тигр появлялся или присылал своего гонца с письмом. В письме всегда содержался ответ на тот вопрос, который мучил короля. Три не подлежащих сомнению факта из жизни ламы Тигра сообщают исторические хроники Ладакха. Лама много путешествовал, посетил Индию, Кашмир и Удияну, о точном местоположении которой до сих пор еще спорят востоковеды. Он видел и знал в лицо всех восьмидесяти четырех святых. Однако хроника умалчивает о том, кто были эти святые и где видел их Великий Лама. И последнее — лама Тигр написал книгу «Путешествие в Шамбалу».

Когда же он решил покинуть короля Льва, то последний щедро вознаградил его. Он дал Тигру сто лошадей, сто яков, тысячу овец, тысячу рупий, триста граммов золота, три тысячи мер зерна, нитку жемчуга, нитку кораллов, нитку бирюзы, двадцать пять копий, двадцать пять мечей, двадцать пять штук шелка и еще кое-какую мелочь. После этого Великого Ламу в Ладакхе больше не видели, но память о нем продолжает жить до сих пор.

Король Лев умер в 1620 году. Его потомки были менее удачливы в делах правления и войны, да к тому же на их долю достались более тяжелые времена. «Совершенные победители» ссорились между собой, а также испортили отношения с Кашмиром. Правители Кашмира зарились на Ладакх. Они хотели иметь свою долю в караванной торговле и держать перекресток в своих руках. Лхаса тоже не оставляла Ладакх

Окрестные горы

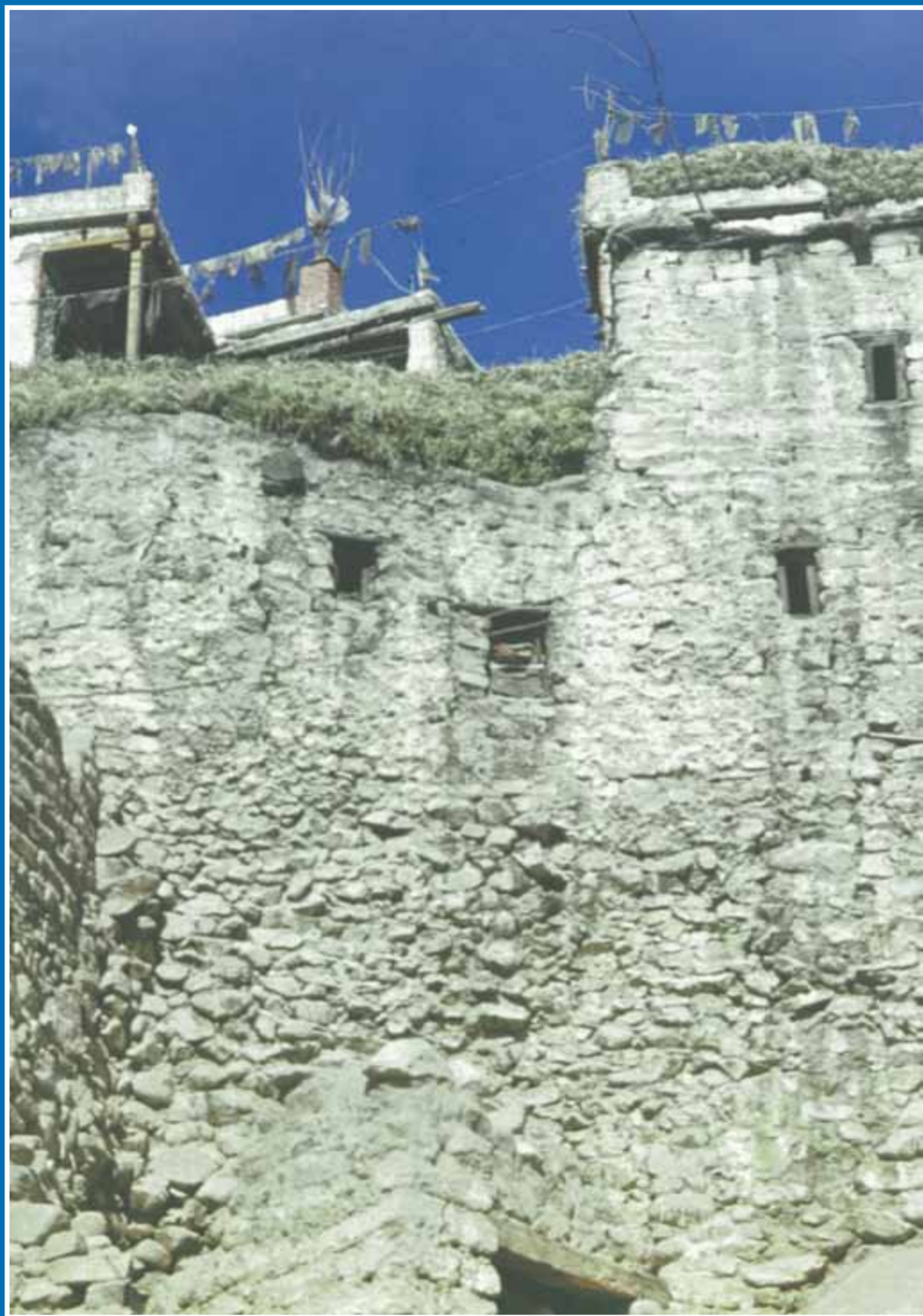
в покое. Монгольский полководец Гуши-хан, ставший правителем Тибета, ждал удобного случая для вторжения. И этот случай вскоре представился. В середине XVIII века желтые шапки поссорились с красными. Гуши-хан выслал войска на помощь желтошапочникам. Ладакхская армия терпела поражение за поражением, и монголы дошли до Басго. Часть территории Ладакха отошла к Тибету. Несколько раз Ладакх оказывался на грани войны с Кашмиром.

Один «Совершенный победитель» сменял на троне другого, и у каждого из них имелись свои достоинства и недостатки. Были и странности. Странности эти росли по мере того, как династия Намгиялов выдыхалась. Король Ценол, вступивший на трон в 1790 году, в этом отношении превзошел всех.

Он был младшим сыном предыдущего короля, и его, по обычаю, отдали в ламы. Однако наследник престола умер, и ламе пришлось приняться за королевский труд. Сделал он это крайне неохотно. Ценол был плохим ламой, но стал еще худшим королем. Двор при нем зажил странной, ущербной жизнью. Ценол еще в монастыре от лени и безделья перепутал день и ночь. Став королем, он узаконил этот порядок. Днем спал, а ночью занимался королевскими делами. То же самое должен был делать и весь королевский двор. Слуги и придворные, в отличие от короля, днем спать не могли. Сонные, они слонялись по дворцу, страдая от головной боли и неясности в мыслях. Их лица обрели нездоровый, зеленоватый оттенок, а глаза были воспалены. Король-лама, судя по всему, совсем не переносил дневного света. Он и путешествовал по своему королевству только ночью с факелами и светильниками. Его выезды тревожили по ночам мирно спавших после трудового дня ладакхцев, а пламя факелов королевского кортежа пугало одиноких путников, не успевших засветло достичь жилья.

Каждая ночь во дворце начиналась с долгой церемонии мытья королевских рук. Слуги приносили в его опочивальню двенадцать горшков с горячей и холодной водой. Король опускал царственные руки по очереди в каждый горшок. В чем состоял смысл этой церемонии или ритуала, так и осталось тайной и для королевского двора, и для народа. Только после совершения этого таинства король, похожий на восторженную ночную птицу, начинал править своим королевством. Но королевство спало и не понимало этого. От ночного правления характер «Совершенного победителя» год от года становился все тяжелее и капризнее.

Королева же была полной противоположностью королю, отличалась характером легким и веселым и не спала днем. Она любила путешествовать, и ее спутником в этих путешествиях был младший сын, по традиции отданный в ламы. Но в монастыре, куда был приписан, он не появлялся, предпочитая веселые и шумные путешествия с королевой-матерью. Целыми днями путешественники и их свита танцевали, пели и играли на различных музыкальных инструментах. Ладакхцы с за-

Жилой дом в Ле

терпеливо ждал омовения в двенадцатом горшке. Когда это свершилось, гонец протянул королю письмо. Пятнадцать тысяч... Пятнадцать тысяч, и вновь в королевстве воцарится покой, который он так любил. Он согласился. Но королева уже прослышала о гонце и поспешила в покои короля. Пятнадцать тысяч?! Нет, это невозможно! На эти деньги можно весь Ладакх заставить петь и танцевать по крайней мере в течение полугода. Пятнадцать тысяч! Это разорит ее. На что она будет кормить своих певцов и танцоров? Нет, нет и еще раз нет!

Король разорвал уже подписанное письмо и послал приказ ладакхским военачальникам: «Голову вражеского полководца, осмелившегося вторгнуться в королевство, срочно и без промедления доставить во дворец. Если таковой головы не окажется, то доставить головы самих ладакхских военачальников».

И снова гонец поскакал через заснеженные перевалы. Естественно, что головы Зоравара у ладакхских военачальников в наличии не оказалось. Посылать свои головы в Ле им тоже не хотелось. Но они вышли из положения, убив послов Зоравара, которые явились в ладакхский лагерь за королевским ответом. Их головы и отослали королю. Король долгое время не мог понять, чьи головы ему прислали. Для одного Зоравара голов было слишком много. Когда же все разъяснилось, он пришел в ужас и, невзирая на неблагоприятные погодные условия, отправился в Басго, куда прибыл к этому же времени и Зоравар.

Лошади скользили и падали на обледеневшей дороге. Половина горшков, предназначенных для омовения царственных рук, была разбита. Король чувствовал себя смертельно усталым и несчастным. Наступил серый, ненастный рассвет, когда он подъехал к крепости, в которой расположился Зоравар. День оказался еще тяжелее ночи. Глаза у короля слипались, и он хотел спать. Но Зоравар предпочитал спать по ночам, и пришлось начать переговоры. Короля знобило от страха и усталости. Он автоматически отвечал что-то Зоравару и мучительно ждал наступления того рокового момента, когда тот спросит об убитых послых. Но полководец-догр как будто о них забыл. Он был учтив, великодушен и не выдвигал тяжелых условий. Он попросил короля оказать ему только одну любезность. Дать возможность осмотреть столицу Ладакха, которую он, Зоравар, никогда не видел, и теперь, находясь близко от нее, не хотел бы упускать такой случай. Просьба была пустяковой, с точки зрения короля. И он, довольный тем, что сумел так ловко избежать страшного разговора об убитых послых, не задумываясь, дал разрешение Зоравару.

Тот не стал медлить. Во главе небольшого отряда он отправился на экскурсию в Ле. Вслед за ним, через горы, укрываясь за снежными хребтами, ущельями и охотничьими тропами следовала его армия. «Осмотр» Ле, как это рекомендуют путеводители и теперь, начался с королевского дворца. В качестве «сувениров» «экскурсанты» забрали из дворца золотые буддийские статуи, древние расписные танки, до-

мирающими сердцами и нехорошим предчувствием смотрели каждый раз на приближающийся кортеж, более похожий на бродячую труппу развеселых актеров, нежели на выезд уважаемой королевы. В отличие от актеров, великосветскую свиту надо было обильно кормить, оказывать ей знаки соответствующего уважения и почтения, а также петь и танцевать с ними. В результате днем Ладакхом никто не управлял. Король спал, а королева танцевала. И поэтому зашевелились непокорные вассалы и стали сводить старые счета.

Армия правителя Кулу и Лахула вторглась в Спити и унесла богатую добычу. Князь Спити обратился с жалобой к королю. Король вынес решение, свидетельствовавшее о том, что ночное правление не прошло даром для его мыслительных способностей. Он наказал князя за то, что того ограбили. Удивленный и поощренный этим решением, правитель Кулу и Лахула совершил грабительский поход еще и на Занскар. Его воины опустошили замок местного князя и увели лошадей и яков, принадлежавших его подданным. Наученный горьким опытом своего коллеги из Спити, князь не стал жаловаться королю. Но это не спасло его от наказания. Князя король посадил в тюрьму. Такой оригинальный метод разрешения внутренних усобиц вполне оправдал себя. Победенные больше не просили помощи у короля, а победители чувствовали себя в полной безопасности. Ни те ни другие теперь не тревожили его своими делами. И поэтому король мог беспрепятственно и от всей души предаваться мытью рук в двенадцати горшках. Но если внутренние усобицы он хоть и оригинально, но мог разрешить, то внешние дела требовали иного подхода. Тут уж приходилось выбирать. Или независимость страны, или двенадцать горшков с холодной и горячей водой. Но пока король с трудом обдумывал эту альтернативу, на границе с Кашмиром произошли события, которые решили дальнейшую судьбу Ладакха и династии «Совершенных победителей».

В год Лошади, 1834-й, войска кашмирского военачальника везира Зоравара Синга вторглись в Ладакх. На сторожевых башнях Ладакха затрепетало тревожное пламя. Первый же бой ладакхская армия проиграла. Ее воины были храбры и выносливы. Но положение дел в королевстве не могло не сказаться и на армии. Терпя поражение за поражением, ладакхцы пытались задержать продвижение армии противника. Однако силы были неравны. На помощь ладакхам пришла зима. Снег завалил перевалы, в горах бушевала метель. Солдаты Зоравара, не привыкшие к таким суровым условиям, роптали. Днем и ночью в лагере горели костры, но и они не могли согреть зябнувших и легко одетых солдат. Зоравар был вынужден запросить у короля Ладакха пятнадцать тысяч рупий отступного. Сумма была немалой, но и незначительной для короля.

Ранним утром из ладакхского лагеря к Ле поскакал всадник. Гонец вез королю условия Зоравара и прибыл в Ле к ночи, как раз вовремя. Король уже проснулся и окунал руки в первый из двенадцати горшков. Королева же еще не ложилась. На ее половине пели и танцевали. Гонец

Сток. Королевский дворец

рогие ковры, старинные мечи предков «Совершенного победителя». Часть «сувениров», назначение которых было неизвестно солдатам-мусульманам, уничтожили тут же на глазах оторопевших от неожиданности хозяев. Это были редчайшие книги и рукописи, веками хранившиеся в королевской библиотеке. «Экскурсанты» топтали их, рвали и жгли.

Потом началась «экскурсия» в окрестные монастыри и храмы. Кашмирские «туристы» забирали все, что представляло, с их точки зрения, коммерческую ценность, и уничтожали все, что этой ценности, с их точки зрения, не представляло. Книги, рукописи, неподъемные, но бесценные статуи богов, священные реликвии — все крушилось, уничтожалось и жглось. После монастырей начался «осмотр» замков ладакхской знати. Принцип «осмотра» оставался прежним. Не довольствуясь приобретением «сувениров», Зоравар обложил короля тяжелой контрибуцией. Пятнадцать тысяч рупий были пустяком по сравнению с ней. Четыре месяца длился «осмотр» Ле и прилегающих к нему районов. После «осмотра» Зоравар благоразумно оттянул армию к Ламаюру.

Вожди ладакхских кланов, не надеясь на королевскую армию, стали нападать на кашмирцев. Гордые и независимые, искусные в ведении партизанской войны в горах, они со своими отрядами наносили немалый урон армии Зоравара.

Тем временем «Совершенный победитель» стал лихорадочно искать себе союзников. Он кое-что слышал об англичанах, которые к тому времени покорили почти всю Индию. Но где конкретно находятся эти могущественные люди, король не знал. Их поиски результатов не принесли. Не найдя англичан, он решил обойтись «местными ресурсами». Но эти «ресурсы» очень по-разному относились к своему королю, а многие были им обижены. Королевский мятеж против Зоравара не удался. Разъяренный полководец изгнал «Совершенного победителя» из Ле и назначил нового короля. Черная оспа, прервавшая жизнь низверженного «Совершенного победителя», спасла Ладакх от ряда новых неожиданностей и непредвиденных поступков его бывшего правителя. Зоравар стал полным хозяином Ладакха.

Но общение с «Совершенным победителем» разожгло его аппетит. Именно в Ле Зоравар принял роковое решение завоевать всю Центральную Азию. Первым на пути завоевателя стоял Тибет. Изнеженные мягким климатом кашмирцы замерзали в его снегах. «Экскурсия» в Лхасу не состоялась. Зоравар пал в бою, пронзенный копьем. Из всей его многочисленной армии до Ле дошла только тысяча обмороженных, голодных и оборванных солдат. Вскоре вслед за ними прибыли тибетские отряды. Раджа Кашмира выслал им навстречу новую армию. Тибетцы потерпели поражение у Дранзе и отступили. Догры вновь стали правителями Ладакха. А в летнем королевском дворце в Стоке остался последний «Совершенный победитель» восьми лет от роду. Намгиялы

как правящая династия кончились. Независимый Ладакх перестал существовать и превратился в часть княжества Кашмир.

В 1947 году Индия освободилась от англичан, и Ладакх превратился в округ штата Джамму и Кашмир. Но род Намгиялов уцелел. В нем были не только короли, но и министры, и военачальники, и богатые феодалы.

В начале нашего века Франке писал, что в деревне Ченспа находится родовой замок ладакхских министров Колонов Намгиялов, в котором сохранились фрески саги о Гесэре. Они были сделаны на стенах садового домика и, возможно, «скоро исчезнут»³⁷. Одежды на персонажах фресок были древними, «добуддийского периода». Главный герой эпоса — Гесэр сидел на красном ковре, в красном кафтане и белом плаще с зеленой каймой. Такой же кафтан и плащ, но только с голубой каймой был у одного из сподвижников Гесэра по имени Банг-по-цабчин. Богиня Гог-бзанг-лха-мо была облачена в белые одежды. Фрески дома Колонов свидетельствовали о том, что эпос о Гесэре имел древний слой, уходивший своими корнями в далекое прошлое, когда в Тибете и Ладакхе поклонялись древним богам. Кроме того, ученый сообщал, что у Колонов есть еще и рукопись о Гесэре, которая была в свое время скопирована для коллекции русского царя и отослана в Петербург. В рукописи содержалась ладакхская версия саги.

Первый раз я увидела Колону, известного феодала Ладакха, шествующим пешком на базар. И лишь породистое лицо и орлиный нос выдавали его знатное происхождение. Узнав, что я иду к нему договориться о встрече, он заволновался, бросил на дороге своих спутников и повел меня к себе.

— Базар подождет, — объяснил он. — А гостя с дороги не возвращают. В Ладакхе это не принято.

Дом Колонов или, скорее, замок стоял на окраине деревни. Три его этажа завершались наверху башней, а вокруг тянулась высокая крепостная стена, сложенная из необработанных крупных камней. Колон толкнул массивную дверь в стене и закричал с порога.

— Я гостя привел! Встречайте!

Откуда-то появился высокий юноша, сухощавый и горбоносый, похожий на индейца. За юношей пришла миловидная женщина в пераке. Бирюза на пераке переливалась в лучах утреннего солнца и играла всеми оттенками синего и голубого. Несколько слуг вынырнули из глубины густого сада, окружавшего замок, и застыли в ожидании приказаний.

— Это, — указывая на юношу, сказал Колон, — мой сын Ванчок, а это моя невестка.

Как выяснилось позже, Колон имел трех сыновей, и Ванчок был младшим. Старший был офицером, а средний занимался альпинизмом и участвовал в нескольких крупных гималайских восхождениях. Ванчок же еще учился в колледже.

Горы Ладакха

*И видишь всех фей небес,
Тогда не забывай свою жену из земли людей!
О мой мудрый господин!
Когда ты уходишь в верхнюю страну богов
И видишь там красавиц среди фей,
Тогда не отталкивай Бругуму из земли людей!
О мой умный царь!
Когда ты идешь в нижнюю страну нагов
И видишь всех нагинь,
Тогда не забывай свою жену из земли людей!
О мой мудрый господин!
Когда ты уходишь в нижнюю страну нагов
И видишь красавиц среди нагинь,
Тогда не отталкивай свою помощницу из земли лю-
дей!*

— Теперь послушайте мелодию, которую играют во время стрельбы из лука. — И Ванчок запел.

Мелодия задрожала, как отпущенная тетива лука, а затем стала гудеть, как выпущенная из лука стрела, преодолевающая сопротивление воздуха. Этот неровный ритм нес в себе удивительное своеобразие и очарование, рождая образ лучника, пускающего в цель стрелу. Над лучником трепетало пламенеющее рассветное небо. Картина Рериха «Гесэр-хан», вставшая в моей памяти, гармонично сочеталась с мелодией, сливаясь с ней в единое целое. Мне всегда казалось, что в картинах Рериха есть своя музыка, но я не предполагала, что когда-нибудь услышу ее так явственно и четко.

Потом я бывала у Колонов не раз. За мной приходил Ванчок, и мы отправлялись в старинный замок. Он был густо населен чадами и домочадцами, и его просторные помещения с трудом вмещали всех желающих там жить. Семья разрасталась. Всех надо было кормить и учить. Феодал Колон, владелец двадцати пяти акров земли, вынужден был искать дополнительный доход. Он построил недалеко от своего замка современный двухэтажный отель и постепенно из феодала стал превращаться в бизнесмена. В особого ладакхского бизнесмена со своим родовым замком, с коллекцией старинного оружия, которым его предки защищали Ладакх, с сундуками старинной одежды, которые открывали по праздникам, с собственным храмом, расположенным в замковой башне. В этом храме на полке в застекленном шкафу хранилась завернутая в красный шелк рукопись ладакхской версии о Гесэре и стояла статуэтка бога войны с цветными флагами на круглой шапке, похожей на тюрбан.

Зимними вечерами все многочисленное семейство Колонов собиралось в просторной кухне. Кухня являлась центром общественной активности любой семьи в Ладакхе. Горел яркий огонь в печи, сверкал медной чеканкой до блеска начищенный знак Норбу Римпоче — Сокровища

Меня провели в сад, в глубине которого стоял изящный павильон, яркий и легкий, с изогнутой китайской крышей. В павильоне было солнечно и тепло. Сквозь чисто вымытые стекла, забранные в расписные тонкие переплеты, был виден сад, игравший всеми красками поздней ладакхской осени. Ярко-красные и багряные листья деревьев перемежались золотом и медью. За этими красно-золотистыми красками виднелось темно-синее — хребты гор. Внутри павильона, на мягких коврах, стояли низкие расписные столики и шкафчики ладакхской работы. Слуга принес серебряный чайник. На чайнике извивались сказочные драконы. Позванивали тонкие фарфоровые чашечки. Бронзовый изящный Будда смотрел сквозь полуприкрытые веки.

Я поняла, что нахожусь именно в том садовом домике, о котором когда-то писал Франке.

— Здесь когда-то были фрески, — сказала я. — И на них был изображен Гесэр в красном кафтане и белом плаще.

— А вы откуда знаете? — удивленно спросил Колон.

Ванчок рассмеялся:

— Об этом сообщил Франке еще в начале века.

— Гесэр был великим героем и воином, — сказал Колон. — И в нашем роду, как и у всех Намгиялов, часть его крови. Он всегда сражался за справедливость и счастье народа. Поэтому мы в Ладакхе ему поклоняемся, как и Будде.

— А как насчет фресок? — спросила я.

— Исчезли, — махнул рукой Колон. — Пришли в негодность, но не нашлось мастера сделать их заново. Их закрасили, когда ремонтировали павильон.

— Разве дело во фресках? — спросил Ванчок. — Главное в памяти народа. Гесэр был великим царем и посещал чудесную гору Лун-по, центр мироздания. У нас до сих пор есть праздник в честь Гесэра. И тогда мы поем о нем песни и стреляем из лука. Если вы останетесь до весны, то все это увидите.

— Хотите, — неожиданно предложил Колон, подав вперед свое грузное тело, — я спою вам одну из песен о Гесэре?

И, не дожидаясь согласия, запел. Песня была похожа на заклинание. Она захватывала и уводила в какой-то неведомый мир, древний, как земля, родившая эти звуки. Кончив петь, Колон распрямился и победно, по-молодому, глянул на меня. Но песня каким-то странным образом еще продолжала звучать, но теперь уже во мне.

— Что это? — спросила я.

— Прощание Бругумы с Гесэром, — ответил Ванчок. — Вам перевести? Отец спел ее на ладакхском языке.

Вот что перевел Ванчок:

О мой умный царь!

Когда ты уходишь в верхнюю страну богов

мира, одна за другой звучали баллады о Гесэре. И временами казалось, что огонь домашнего очага становится выше, поднимается вверх и заливаает багровым отсветом небо над снежными вершинами. И на этом небе возникает фигура всадника, натянувшего тугой старинный лук...

6. ДУХИ ДЕРЕВНИ АЙЮ

Нельзя отнестись к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы, несомненно, находились в основе Бонпо, и обращаться с этими старыми, полуистраченными знаками надо осторожно.

Н.К. Рерих

— Что ты! — сказала она и выжидательно посмотрела на меня. — Все это не так просто. Есть много богов — лха и много духов. Духи гор, духи ветров, духи рек. Есть могущественный дух белого снега. Но он вселяется только в пророков Матро. — И она кивнула по направлению синего хребта, за которым на высоком холме стоял монастырь Матро.

— А кто в тебя вселяется? — спросила я.

— Не знаю, — отчужденно сказала она и тряхнула двумя жиденькими косичками, спускавшимися на ее узкие плечи. В косичках поблескивали седые пряди. Она была уже не молода.

— Как это не знаешь? — удивилась я. — Все пророки знают, с кем они имеют дело. А ты, выходит, не знаешь. Может быть, ты вовсе и не лхаба? А так, не поймешь что.

— Я же тебе сказала, что это не так просто, — попыталась она уйти от ответа.

Чуть помедлив, я положила перед лхабой белый хадак и фунт масла. Она сделала вид, что не заметила подношения, и даже полуотвернулась. Ее профиль с резкими чертами и орлиным носом четко вырисовывался на освещенной ярким солнцем белой стене.

— Это не так просто, — повторила она, но уже без прежней уверенности. — Ну, так уж и быть. Тебе я скажу. Ее зовут Шамуль-лхамо.

— Это что, дух или богиня? — поинтересовалась я.

— Ты что, совсем необразованная? — возмутилась лхаба. — Я же сказала — лхамо.

Я устыдилась и встала.

— Подожди, — примирительно сказала лхаба. — Пойдем вместе, я только захвачу вещи.

Лхаба-пророчица

Зима

Мы вышли из дома. Отсюда была видна вся деревня Айю с каменными добротными домами, с высокими изгородями и небольшим храмом на окраине. Прямо от деревни поднимался синий хребет, прорезанный складками и ущельями. На восточном отроге хребта стояла старинная сторожевая башня. Мы прошли с лхабой через лабиринт деревянных изгородей и узких улочек и вошли в каменный дом, похожий больше на крепость, чем на крестьянское жильё.

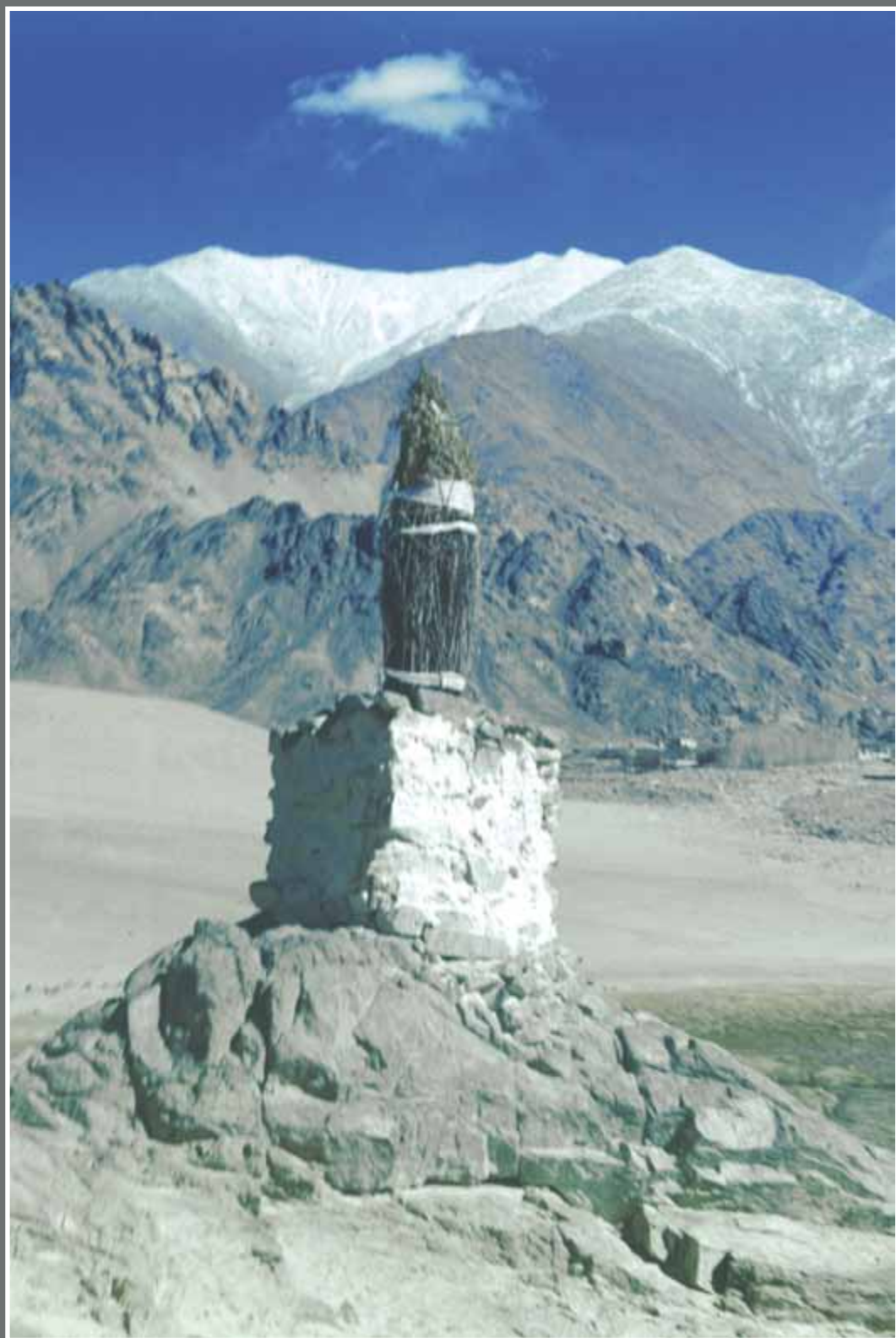
Поднялись на второй этаж и попали в просторную, почти свободную от мебели комнату. В огромное, во всю стену, окно смотрели горные пики, и казалось, что это не окно, а огромная картина, нарисованная неизвестным, но великим художником. На полу в комнате сидели люди. Их было много, и они ждали лхабу.

— Садись, — указала мне лхаба место на полу. — Я сейчас буду готова.

Среди присутствующих я увидела Наванг Церена, который и привел меня в свою деревню, где в этот день местная лхаба-пророчица Сунам Залму, почувствовав вдохновение, собиралась кое-что сказать жителям Айю, а заодно и подлечить кое-кого. Здесь все уже было приготовлено. На низеньком расписном столике горел светильник. Тут же стояли изящные фарфоровые чашечки, наполненные маслом, зерном и цзампой. Перед чашечками лежал священный дордже, медный колокольчик и барабанчик на красной ручке-держалке, чем-то похожий на колотушку или детскую погремушку. Когда ручку вращали, стеклянный шарик, привязанный к шелковому шнуру, бил по барабанчику. Внесли жаровню с раскаленными углями, и комната наполнилась странным и терпким ароматом голубоватого дыма.

Лхаба подошла к столику, придирчиво оглядела свое рабочее место, вдохнула ароматный дым и запела низко, на одной какой-то вибрирующей и повторяющейся ноте. Эта песня без слов напоминала звучание какого-то странного и неведомого музыкального инструмента. Под этот непрерывный аккомпанемент лхаба натянула на себя ритуальные одежды и теперь выглядела в них величественно и отчужденно. Ее рот и часть носа были закрыты куском красной ткани, а на голове красовалась позолоченная корона. На плечах парчовым шитьем поблескивала короткая накидка, юбку прикрывал красный шелковый передник. Потом лхаба приступила к самому действию. Она читала заклинания, звонила в колокольчик, била в барабан-колотушку, сыпала зерна на светильник и пылающие угли жаровни. Она разбрасывала зерна вокруг себя, лила масло из чашечек на пол и разбрызгивала его по комнате. Ее движения были то мягкими и плавными, то неожиданно становились быстрыми и резкими. В комнате стояла полная тишина, люди, казалось, оцепенели и боялись шевельнуться. Она же то подходила к столу, то резко отскакивала от него.

Когда ее губы шевелились, были слышны неясные слова заклинаний, когда же губы сжимались в узкую побелевшую полоску, возникал

Древнее святилище

странный низкий звук, песня без слов. Между этими заклинаниями и песней она несколько раз вскрикивала. Резко и пронзительно. И ее тело каждый раз содрогалось, как будто отвечало на этот вскрик. Потом у нее подкосились ноги, и она рухнула на колени перед столиком. Казалось, жизнь покинула ее безвольное тело. Но вот она встрепенулась и, не поднимаясь с колен, зазвонила в колокольчик и забила в барабан-колотушку. А тонкий жалобный звук взмыл к потолку. Звук переходил то в пение, то в плач, но не прерывался. Сидевший рядом со мной пожилой крестьянин толкнул меня в бок.

— Это лхамо, — шепотом сказал он.

— Где? — не поняла я.

— В лхабе.

— А почему же она так пищит?

Крестьянин пожал плечами.

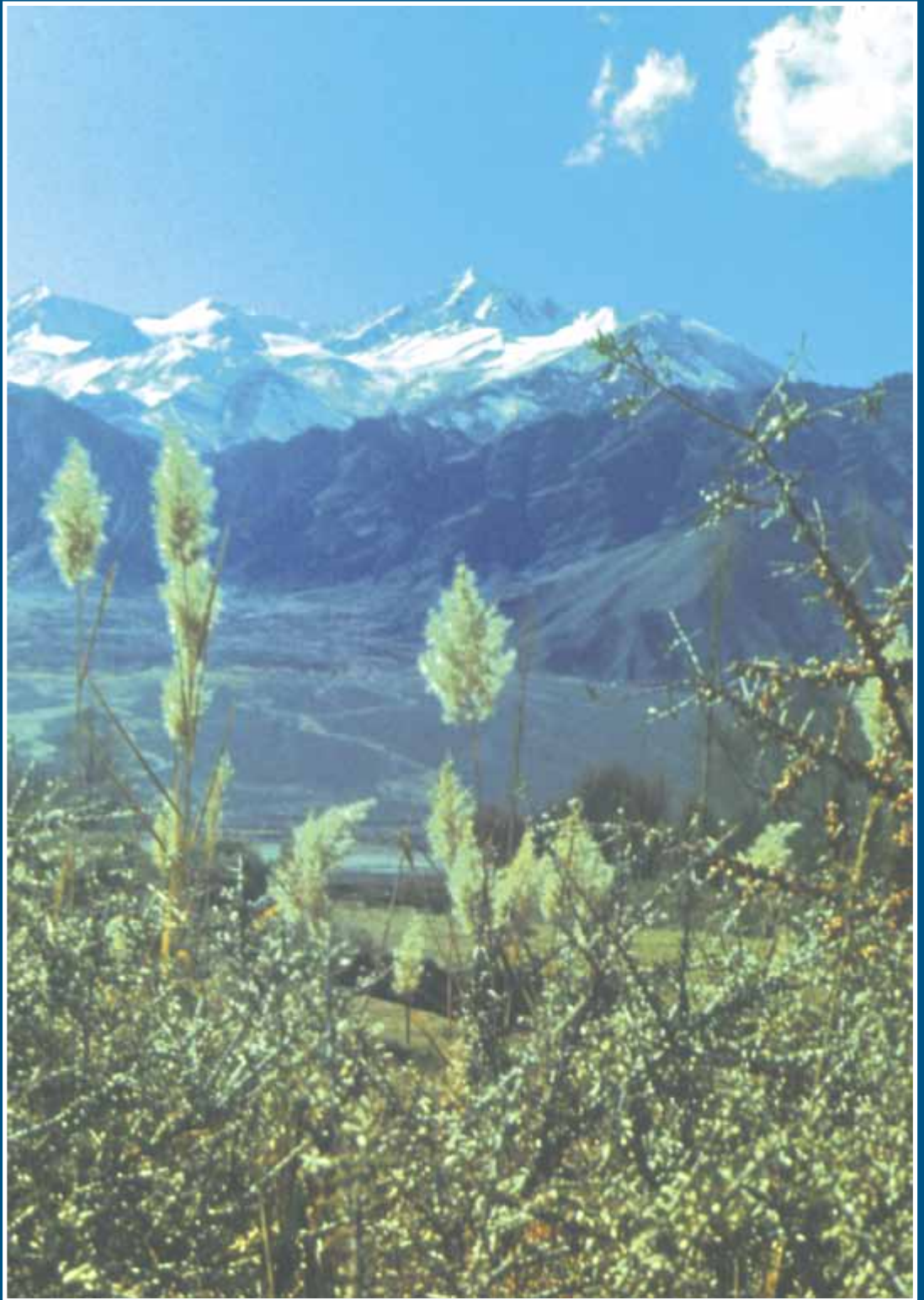
— Такой у богини голос. Она же женщина.

А лхаба поднялась с колен и, продолжая то плакать, то петь этим невообразимо тонким голосом, обвела глазами всех присутствующих. И тут я заметила разительную перемену, которая произошла в ней. Черты ее лица смазались, как бы размылись. Теперь это было не лицо, а какая-то странная застывшая маска.

К лхабе потянулась очередь больных. Она стучала по ним легкой палочкой, окуривала дымом от жаровни, что-то отсасывала и сплевывала. И все время продолжала петь и плакать тонким голосом. Она колдовала и ворожила. Бросала зерна и считала их. Она шаманила и гадала. Заклинала и лечила. Она отвечала на вопросы. Ответы были странные, похожие на присказки из волшебных сказок. Я смотрела на все это, и мне казалось, что какая-то неведомая сила унесла меня в далекое прошлое, к тем древним горам, и теперь сама пела и плакала голосом забытой богини...

Я стала терять ориентиры своего времени, и даже пространство начинало меняться неуловимо и лукаво. Оно утрачивало реальность и твердость очертаний, становилось иллюзорным, как будто на эти горы, деревню, людей с бронзовыми напряженными лицами наплывал мираж Времени и смывал знакомые приметы и вехи моего века. Я не могла определить, сколько времени продолжалось это шаманство. Туман древних чар мягко подхватил меня и понес куда-то в неведомое на своих легких призрачных волнах, а все действия лхабы, такие непонятные и нелогичные сначала, обрели для меня свою гармонию и ритм, проявили скрытый доселе свой потаенный смысл. Но я никак не могла определить словами этот смысл. Он возникал в какой-то еще неведомой мне сфере моего существования, где не было слов, но где и без них все было ясным и понятным. И открытие такой сферы во мне самой было неожиданным, тревожащим и захватывающим.

Откуда-то издали все звенел колокольчик, бил барабан-колотушка и плакал и пел тонкий древний голос. Потом неожиданно звуки пре-

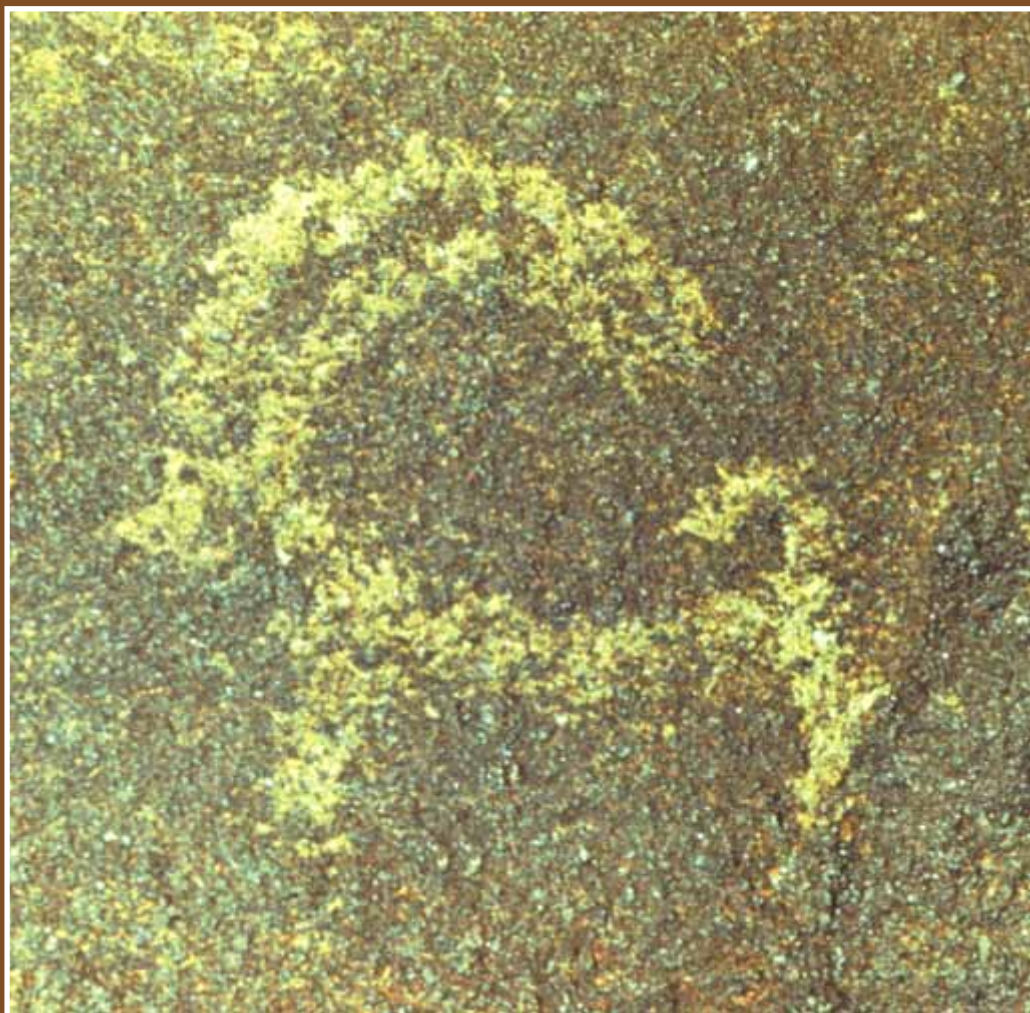

Окрестности деревни Айю

Часть третья. СТРАНА ГОР И СНЕГОВ

скалистой вершине стояла старинная крепость, разгоралось странное голубоватое свечение, как будто там разожгли волшебный костер. Костер разгорался все ярче и превратился в полную луну, которая поднялась из-за темного силуэта крепости. В ее свете вспыхнула и загорелась голубым сиянием гряда снежных гор. Четкие тени домов легли на сухую землю. Высоко в небе, там, где скопления звезд были гуще, над голубоватым лунным сиянием двигалась маленькая звездочка. Она направлялась к снежному хребту, подошла к нему и растворилась в бело-голубом сиянии. Над Ладакхом и Ле прошел спутник...

Зрелище, которое я наблюдала в деревне Айю, не было ни редким, ни уникальным для Ладакха. Во многих его деревнях живут и пророчествуют

кратились, и наступила тишина. Лхаба сняла корону, упала на ковер и уткнулась в него лицом. Она всхлипывала и постанывала, затем поднялась и сбросила с себя ритуальную одежду. И я увидела просто-волосую, уставшую от работы и тяжело дышавшую женщину. Теперь она не отличалась ничем от сидевших на полу крестьян. Две жиденькие косички, бронзовое лицо с резкими морщинами, большие натруженные руки. Обычная крестьянка из ладакхской деревни Айю. И только глаза, умные и пронзительные, не были похожи на глаза остальных.

На горы спустились сумерки, когда я покинула деревню Айю. К Лея подъезжала уже в темноте. Громада королевского дворца таинственно чернела на фоне звездного неба. Чуть в стороне от дворца, там, где на

Петроглифы у Фианга

к тому, что буддизм, приспосабливаясь к местным условиям, вообрал в себя и трансформировал некоторые элементы бона, а бон немало позаимствовал у буддизма. Монастырская организация, разработка философских основ учения, священные книги — все это пришло в бон из буддизма.

Потемневшие от времени валуны, большие и малые, разбросаны вдоль древнего караванного пути. Самый большой из них я видела по дороге в Ле, между Шимша Кхарбу и Чаннигундом. Если свернуть с дороги там, где в неглубоком каньоне стоит деревня Тару, и от нее пройти к горе, на вершине которой виднеется монастырь Фианг, то можно обнаружить такие же валуны. На них высечены петроглифы. Круторогие горные козлы, олени, лучники. Фигуры обладают той «сочной линией», о которой писал Николай Константинович, относя такие рисунки к неолиту. Их возраст не менее восьми-десяти тысяч лет. Что символизировал этот козел, закинувший тяжелые рога на спину? Какие древние культы были с ним связаны? И опять ниточка из глубокой древности тянется к добуддийскому бону. Можно по-разному трактовать культовый смысл горного козла. Рерих считал его символом огня. Франке наблюдал в Ладакхе обычай, когда на рождение ребенка дарят четырех козлов, сделанных из теста. Он считал горного козла символом плодородия. «Я склонен думать, — писал он, — что множество фигур горных козлов, вырезанных на скалах Ладакха, представляют символы благодарности за рождение ребенка»³⁹.

Оттуда же, из далекой древности, пришли в современный Ладакх и менгиры — вертикальные камни. Большие и малые, часто выкрашенные в красный цвет, они стоят на плоскогорьях, на вершинах гор, в деревнях. Их воздвигли в честь духов гор, духов предков, духов — хранителей семейного очага. Менгиры — это самые древние и примитивные святилища. Но есть святилища и другого типа. Их называют в Ладакхе «лхато». Лхато тоже связаны с духами и божествами. Их строят на высоких местах, там, где они видны со всех сторон. Одни из них напоминают небольшие домики-сторожки, другие — сторожевые башни. В каждом лхато сделана небольшая ниша для жертвоприношений. У этих святилищ нет ни окон, ни дверей, только ниша. Наверху укреплен пучок ивовых прутьев. Ива считается в Ладакхе священным деревом. Самое большое святилище-лхато стоит рядом с королевским дворцом в Стоке. Оно отличается ярко-красным цветом и множеством рогов горных козлов, укрепленных на стене.

Такие же рога я обнаружила над входом в буддийский храм богини Дордже Чаму в Ше. И хотя в храме было традиционное изображение Будды и при нем состоял обычный лама, храм был тем своеобразным звеном, которое связывало древние верования с более поздним буддизмом. Мои догадки подтверждал древний менгир, который стоял с восточной стороны здания, и сообщение ламы, что менгир и есть богиня Дордже Чаму. Рога же горного козла над входом в буддийский храм вызывали в памяти горных козлов на древних валунах Ладакха.

лхаба. И в тех, что расположены вблизи караванного пути, и в тех, которые находятся за глухими хребтами Нубры. Но самые знаменитые пророки обитают в монастыре Матро. Это особые ламы, прошедшие специальный курс обучения. У них своя школа пророческого искусства, свои неизблемые законы и свой, непохожий на других образ жизни. Они пророчествуют раз в год при большом собрании народа. До этого торжественного дня они два-три месяца медитируют и строго соблюдают все правила, которые предписываются пророкам. Внешность оракулов Матро во время действия впечатляющая и устрашающая. На обнаженной груди — изображения масок с коронами из черепов, на запястьях и предплечьях — амулеты. Лица полностью скрыты полосками цветной ткани. Их поведение во время церемонии непредсказуемо. Огромными прыжками они носятся по площади перед монастырем, кричат и рычат. На полном скаку врзаются в толпу, и люди в панике разбегаются. Иногда они ранят себя мечами. Оракулы не только пророчествуют, но они причастны и к тайнствам древнего колдовства, заклинаний и лечения.

И деревенские лхабы, и оракулы Матро отношения к учению Будды не имеют. Истоки их волхвования много древнее буддийской доктрины и уходят своими корнями в бон-по, или так называемый шаманизм Центральной Азии. Трудно сказать, когда бон-по возник и сколько он насчитывает тысячелетий. Но, трансформированный во времени, он продолжает жить в некоторых районах Тибета и Ладакха, а его элементы сохраняются и в ортодоксальном ламаизме, и в системе народных верований. И конечно, Николай Константинович Рерих во время своего путешествия по Ладакху и Тибету обратил пристальное внимание на бон, или так называемую черную веру. Он пытался найти ее исторические корни и был уверен, что выявление этих корней во Времени и Пространстве поможет не только по-новому взглянуть на историю Центральной Азии, но и глубже понять особенности миграции древних народов.

«...Бон-по, так называемая черная вера, — писал он в экспедиционном дневнике, — древнейшего добуддийского происхождения. Эти почитатели богов свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но, с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература бон-по еще не переведена и не истолкована и, во всяком случае, заслуживает вдумчивого внимания»³⁹.

«Полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы» уведут нас к далекому прошлому Тибета и Ладакха, ко времени неолита, когда на валунах появлялись первые петроглифы, возникали солнечные культы и зарождалось почитание духов воды, деревьев и гор. Из этих культов в течение многих веков и формировался бон, который долгое время противостоял буддизму и никогда не был окончательно сокрушен последним. Более того, процесс многовекового взаимодействия обеих систем верований привел

Из глубокой древности к этому современному храму тянулася непрерывающаяся нить культурных и духовных накоплений многих поколений. И нельзя было отъединить, оторвать одно от другого. Как нельзя было отделить полубога Гесэра от буддийских храмов и буддийские праздники от Древа жизни и Трех миров древнего бона. Все сплелось в единое целое. И Гималаи сохранили для нас эту непрерывающуюся нить культуры.

7. ПОТЕРЯННЫЕ ВЕХИ МНОГИХ ПУТЕЙ

Эта древнейшая и теперь заброшенная страна хранит знаки друидов и всевозможные позднейшие символы. Недалеко от места Будды имеются древнейшие могилы. Их называют древнедардскими могилами. Время их, конечно, значительно старше тысячелетия.

Н.К. Рерих

Когда я поднималась на скалу, на которой стоит королевский дворец, то каждый раз видела старинное сооружение. Оно находилось к северо-западу от города, километрах в трех от него, в центре узкой долины. Сооружение напоминало пирамиду. Я попала в эту долину некоторое время спустя вместе с Таши Рабгиезом, известным краеведом Ладакха. По ее дну, в каменистом ложе, текла узкая горная река. Обрывистые ее берега поросли прозрачными, сверкающими

на солнце ледяными сосульками, а середина была свободна ото льда, и над ней поднимался легкий парок. Вокруг стояли скалы, а дальний угол долины упирался в разноцветные горы, припорошенные снегом. И на фоне всего этого росла по мере нашего приближения огромная песочного цвета пирамида. Да, я тогда не ошиблась, это была пирамида. Или, вернее, ее развалины, сохранившие первоначальную форму. Если бы я не знала точно, в каком месте земного шара я нахожусь, я бы спокойно приняла это сооружение за руины пирамиды майя. Сходство было поразительным.

— Эту ступу соорудили в XV веке, — сказал Таши. — Но время и люди разрушили ее. Она называется Тиссеру.

В пирамиде было не менее ста пятидесяти метров высоты. Когда-то ее окружала круглая каменная стена, теперь же последняя разрушилась, и остатки каменной кладки покрывал песок. Ступа поднималась от основания четырьмя треугольниками, которые сходились вместе где-то у ее вершины. Ребра стен четко проглядывали сквозь песок. По стенам вверх шли гигантские ступени, а на плоской вершине пирамиды

стояло полуразрушенное квадратное здание. Весь холм пирамиды был покрыт камнями обвалившихся зданий и ступеней. Конечно, Таши был прав. Ступу-пирамиду построили довольно поздно, в XV веке. Но существовавшая до этого древняя традиция четко отразилась в ее форме и размерах. Откуда пришла эта традиция и сколь древней она была для Гималаев, сказать было трудно. У подножия ступы паслись ослики, на которых местные жители перевозят грузы. Ослики были пришельцами из Кашмира. Погонщик, старый ладакхец, подошел к нам, заинтересовавшись нашими маневрами вокруг ступы.

— Когда-то в древности здесь был большой и прекрасный храм, — сказал он. — А внутри него было сто восемь малых храмов.

— Что ты говоришь? — повернулся к нему Таши. — Здесь была ступа.

Но старик стоял на своем.

— Под храмом находились древние могилы. Могилы дардов, — сообщил он и замолчал.

— Вся беда в том, — сказал Таши, — что ладакхцы всегда много знают, но неточно.

Доктор Франке в начале века пытался провести здесь археологические раскопки. Ему хотелось проверить то, что рассказывали местные жители о загадочной ступе. Но когда он начал копать, с соседних полей в панике прибежали работавшие там крестьяне. Они умоляли ученого не тревожить ступу. Вот что они рассказали ему.

Во времена короля Бумде на скале Ти-сер-по в пещере жил демон. Когда демон гневался, изо рта его шел огонь. Этим огнем он однажды разрушил королевский дворец и часть Ле. Тогда жители, чтобы задобрить демона, воздвигли над его жилищем большую ступу. Но если ступу раскопать, демон может освободиться и вновь заняться разрушительными делами. Кроме демона, в ступе находятся еще и ветры. Они дули во времена все того же злосчастного Бумде и поднимали сильные бури. Тогда хитроумные жители сделали большие горшки, поставили их против ветра и, когда ветры, не подозревая ловушки, влетели в них, замуровали наглухо горшки и заложили их в ступу. И если ступу раскопать, ветры могут вырваться снова на свободу.

Франке пришлось приостановить раскопки. Когда-то здесь, на месте ступы, стояло древнее бонское святилище. С ним странным образом были связаны дардские погребения, о которых упомянул старик, пасший осликов. В начале века эти загадочные погребения копал все тот же доктор Франке. Их стенки были сложены из необработанных камней, а на дне лежали горшки разных размеров. Самые большие из них были около метра высотой, самые маленькие по десять — пятнадцать сантиметров. В горшках находились кости. Погребения свидетельствовали о вторичном способе захоронения. Франке предположил, что на первой стадии покойника расчленяли и затем части клали в горшки. Все это не было похоже на то, что практиковалось в Ладакхе. Ладакхцы своих

*Впервые земля возникла из озера. Что было на воде?
На воде появился луг.
Что выросло на лугу?
Три горы выросли там.
Как назывались эти три горы?
Одна называлась «Белая драгоценная гора».
Как называлась другая гора?
Другая гора называлась «Красная драгоценная гора».
Как называлась оставшаяся гора?
Оставшаяся гора называлась «Синяя драгоценная гора».
Что появилось на трех горах?
Три дерева появились на них.
Как назывались эти три дерева?
Одно из деревьев называлось «Белое сандаловое дерево».
Другое называлось «Синее сандаловое дерево».
Оставшееся называлось «Красное сандаловое дерево».
Какие птицы появились на трех деревьях?
Три птицы появились на трех деревьях.
Как называлась одна из птиц?
Одна из птиц называлась «Дикий орел».
Как называлась другая птица?
Другая называлась «Домашняя курица».
Как называлась оставшаяся птица?
Оставшаяся птица называлась «Черный дрозд»⁴².*

Баллада свидетельствует о том, что древнее население Ладакха было связано с верованиями бона, которые сохранились в народе и до сих пор. Троичная система мироздания: страна богов, страна людей и страна водных духов-нагов, традиционные цвета этих стран — белый, красный, синий... Следы культуры дардов мы находим по всему Ладакху. Они присутствуют в древних петроглифах, в примитивных шахтах по добыче золота, в руинах старинных замков, в ладакхском эпосе о Гесэре.

Над Ладакхом проходили века и тысячелетия, и каждый из них оставлял свои следы, культурные и этнические. Наш век собрал их воедино. Европеоидные монеты и дарды, потомки тибетцев и монголов Центральной Азии, кочевники с тибетских нагорий — все они, каждый в свое время, вливаясь в этот горный район, формировали многообразие его населения. Базар в Ле с убедительной очевидностью свидетельствует об этом. Многие пришельцы шли по руслу великого Инда.

Каждый раз, когда у меня возникает возможность, я отправляюсь к этой реке. Все основные монастыри и исторические памятники Ладакха расположены по ее руслу. Она пересекает сразу три страны — Тибет, Индию и Пакистан. Я сажусь на прибрежный валун и смотрю на воду. Здесь на плато Инд широк и спокоен.

Великая река зарождается где-то на Тибете, там, где в таинственном

покойников сжигают, помещают пепел в урну и хоронят вместе с украшениями, различным инвентарем и ритуальными принадлежностями. Над местом погребения сооружают небольшой чортен или ступу.

К западу от Ле лежит небольшая каменистая долина. Здесь всегда пустынно и тихо. На холме, возвышающемся над долиной, стоят погребальные чортены. Они похожи на домики с четырехскатной крышей, увенчанной каменным навершием. Эти домики-чортены напомнили мне погребальные склепы, которые я видела в аулах Чечено-Ингушетии и в «городе мертвых» в Северной Осетии. Чуть ниже по склону находились сооружения, по форме напоминавшие мегалитические «колодцы» и дольмены, но сложенные из обработанных камней, обмазанных глиной.

В дардских погребениях, раскопанных Франке, были черепа, которые антропологи определили как длинноголовые. Юрий Николаевич Рерих в своем экспедиционном дневнике так прокомментировал эти находки: «Из других памятников старины можно упомянуть так называемые дардские могилы, раскопанные в Даусербо миссионерами. В этих подземных помещениях, сложенных из неотесанных камней, были найдены глиняные горшки. В некоторых из них лежали человеческие кости. Однако происхождение этих захоронений неясно. Доктор О. Франке полагает, что они оставлены дардами. В пользу его предположения говорит тот факт, что все найденные черепа принадлежали долихоцефалам, в то время как современные тибетцы брахицефалы, за исключением населения пограничных районов Тибета. Я склонен считать, что могилы в Даусербо принадлежат древнейшим насельникам страны, отличавшимся продолговатой формой черепа. К сожалению, миссионерам пришлось прекратить раскопки, и множество захоронений до сих пор еще не исследовано. Было бы очень интересно сопоставить результаты этих раскопок с аналогичными находками в районе Великих озер на севере Трансгималаев»⁴⁰. Проводить дальнейшие раскопки погребений Франке запретил махараджа Кашмира.

Николай Константинович Рерих высказался довольно осторожно по поводу датировки этих дардских погребений. «Время их, конечно, — писал он, — значительно старше тысячелетия»⁴¹. Сам же Франке относил их к периоду между первыми годами до нашей эры и V веком нашей эры. Создатели дардских погребений знали бронзу, а в некоторых их захоронениях были найдены фрагменты железных предметов. Говорят, что дарды пришли в Ладакх из северо-западной Индии. В Гильгите, небольшом горном княжестве, до сих пор сохранилось дардское население. Дардов можно и сейчас найти в Ладакхе в районах Драса и Да. Они до сих пор сохранили свою древнюю традиционную культуру и раз в три года устраивают большой праздник, на котором поют старинные баллады. Вот одна из них:

Как впервые возникла земля?

в районе Великих озер, на севере Трансгималаев». А у старшего Рериха горы Ладакха вызвали ряд художественных ассоциаций, связанных с прошлым европейской культуры. Помните? «И Бругума Гесэр-хана сродни Брунхильде Зигфрида. Изворотливый Локи бежит по огненным скалам... По горам звучит «Ковка меча», и «Клич Валькирий», и «Заключение огня», и «Рычание Фафнира»⁴³. Возможно, что это была не просто художественная ассоциация, а интуиция ученого, облеченная в художественную форму. Эта же интуиция породила и рериховскую гипотезу о движении индоевропейских народов с гор на равнину. Можно предположить, что предки дардов были одним из таких потоков, который направлялся с Трансгималаев по руслу Инда. Именно тогда, в Ладакхе, на берегу Инда, гипотеза Николая Константиновича показалась мне очень логичной и красивой. Но она тоже требовала доказательств. Одно из них привел сам Рерих, ссылаясь на открытые им в Трансгималаях мегалитические памятники. Другие давала археология Ладакха. Но для того чтобы гипотеза стала утверждением, требуются еще исследования. «Потерянные вехи» не так легко отыскать.

В Ладакхе я увидела горы и великую реку. Но было еще и нечто третье. Оно вторгалось в установившуюся гармонию двух первых и никак не сочеталось с ними. Это было море. Древнее и призрачное. Но дно его было вполне реальным, и в него упирались подножия гор. Дно дыбилось гигантскими песчаными дюнами, и иногда было трудно определить, где настоящая гора, а где дюна, похожая на гору. Застывшие волны песка покрывали узкие долины в окрестностях Ле. Песчаные рыхлые тропы, в которых тонула нога, вели к развалинам старинных крепостей, к древним святилищам и алтарям. Песчаные барханы поднимались у монастыря Ше и уходили куда-то на восток, к Каракоруму. Холмы спрессованного веками песка окружали изображение Майтрейи на берегу Инда. Сквозь их вековые отложения проступали темные печальные лица странных фигур, изваянных ветрами. В них как бы отпечатались память о тех, кто когда-то здесь жил и ушел в небытие, смытый волнами неведомого моря.

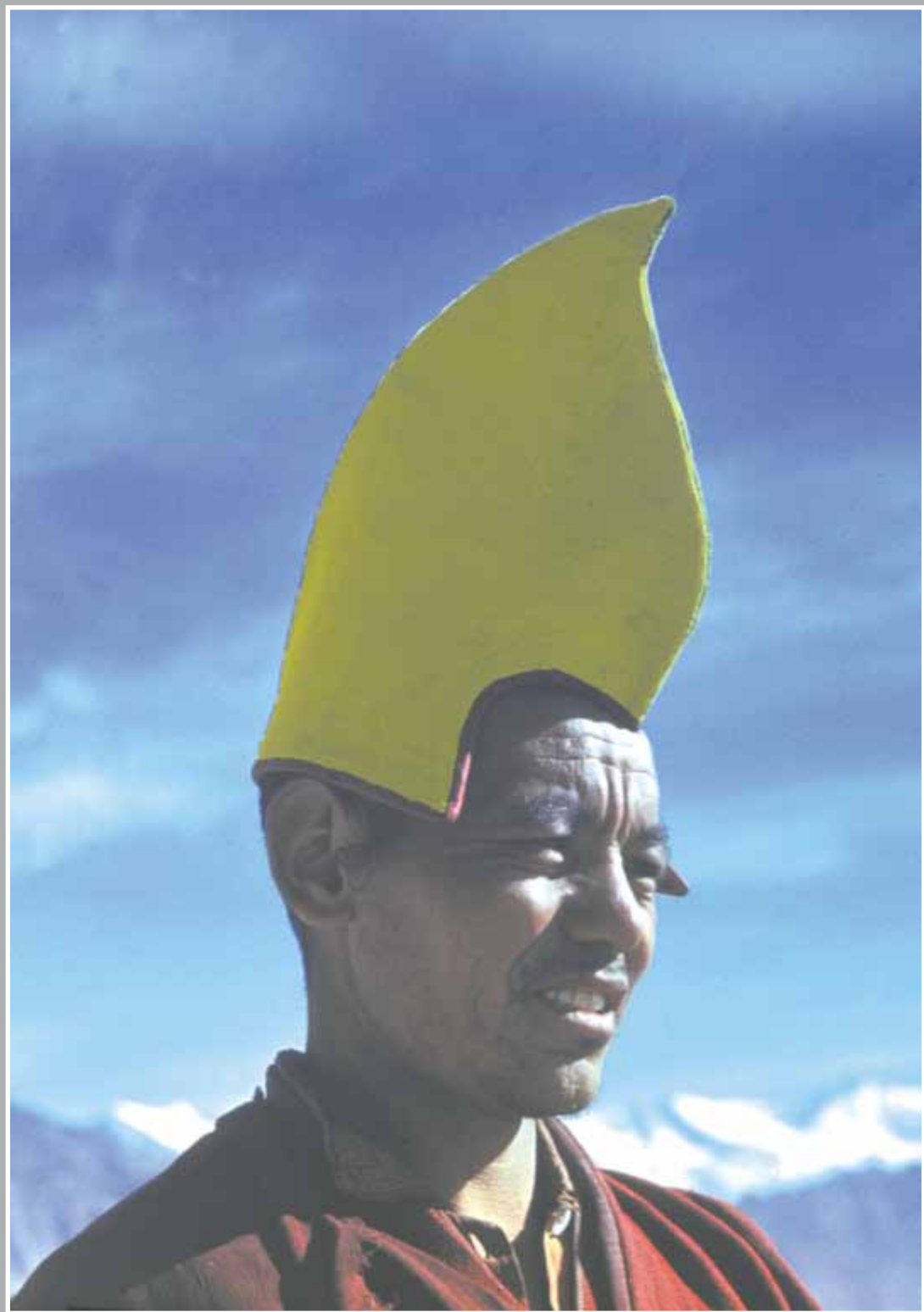
Гималаи и море. Сейчас эти два понятия кажутся несовместимыми. Но когда-то одно породило другое. Миллионы лет назад здесь гремели волны древнего моря Тетис. Казалось, так будет вечно. Но море несло в своих недрах собственную гибель. Гигантский катаклизм вздыбил его дно, и оно стало подниматься горами. Катаклизм столкнул в беспощадной борьбе две стихии — море и горы. Горы одержали победу. Но никто точно не знает, сколько миллионов лет длилась эта борьба. Известно только, что возраст Гималаев не менее тридцати миллионов лет. Сколько еще тысячелетий, обессиленное в отчаянной и безнадежной борьбе, билось умирающее море о безжалостные подножия победивших его гор? Возможно, у моря были свои кратковременные победы, и оно, собрав свои последние силы, грозно и гневно швыряло гигантские волны на растущие горы, в ярости достигало их вершин,

озере Манасаровар, озере Великого Нага, отражаются снежные пики священного Кайласа. Оттуда она уходит на север, к хребтам Ладакха, разрезая их узким каменистым ложем, как ножом, затем течет в глубоких отвесных каньонах, срывается перекатами на спусках и бурлит у обрывистых скал на крутых поворотах. У Гильгита поворачивает к югу и устремляется к жаркой равнине Пакистана. Здесь Инд становится широким и полноводным, но утрачивает свою прозрачность. Его воды мутнеют, наполняясь лёссовыми отложениями древней плодородной долины, а затем, разбиваясь на множество рукавов, достигают морского побережья и смешиваются с соленой водой Аравийского моря. Много тысячелетий Инд течет по этому пути. Какие народы жили на его берегах, кто проходил вдоль его голубой ленты? Об одних мы знаем что-то, о других подозреваем, а о третьих нам пока ничего не известно. Вехи их путей потеряны.

Река — это всегда путь. И не только по воде, но и по суше, вдоль ее берегов. Реки напоминают нить Ариадны, которая ведет в незнакомые страны, к их плодородным землям, тучным пастбищам и богатым базарам. По рекам шли самые древние торговые пути, по ним прокладывали дороги те, кто отправлялся на поиски новых мест. Вдоль рек двигались миграционные потоки. Шли племена, шли целые народы. Реки были надежным ориентиром. Они связывали горы с равнинами, пустыни с морями, глухие селения с процветающими городами. Инд же соединял Гималаи с равнинами Индии, Ладакх с Гильгитом, Тибет с Кашмиром, Трансгималаи с Великим Гималайским хребтом. Именно эта великая река да еще горы делали огромный район от Пенджаба до Тибета географически и исторически единым.

Если посмотреть внимательно на подробную карту, то можно заметить, что старинные дардские поселения идут одно за другим вдоль Инда, вплоть до Тибета. Можно предположить, что дарды пришли в Ладакх со стороны Трансгималаев, а не Гильгита. Ведь традиционная гипотеза об обратном их движении пока не получила никаких солидных доказательств.

Также не имеет убедительных аргументов и догадка, что древние погребения на территории Ладакха относятся к предкам дардов. Не исключено, что эти погребения неизвестной нам еще европеоидной группы. Случайные и несистематические раскопки дали слишком мало материала для каких-либо утверждений. Оба Рериха, Николай Константинович и Юрий Николаевич, не только обратили свое внимание на «дардские погребения», но и высказали на этот счет свои предположения, которые были связаны с общей гипотезой Н. К. Рериха, нашедшей отражение в его экспедиционных дневниках. Николай Константинович считал, что Трансгималаи были прародиной индоевропейских народов. Оттуда, в далеком прошлом, они двинулись на равнины Индии, в евразийские степи и далее в Европу. Поэтому Юрий Николаевич предлагал сравнить находки «дардских погребений» с «аналогичными находками

Желтошапочный лама

смывая с них все, что несли они на себе. Потом снова отступало и затихало, разрезанное горами на множество водоемов, озер и малых морей. Геологи утверждают, что горы Ладакха были одними из первых поднявшихся над древним морем. «Впервые земля возникла из озера... Три горы выросли там», — поют дарды в старинной балладе. Геологи подтверждают легенду.

Размышления и поиски завели меня в монастырь Тиксе. Монастырь был похож на сказочный остров-гору, возвышавшуюся среди песчаных барханов. Его дома, строгие и многоэтажные, уступами поднимались к вершине, туда, где стояло темно-красное здание. Яркие цвета его оконных переплетов и резных балок, поддерживающих крышу, весело горели на солнце. Это был храм Майтрейи — будущего Будды. Узкая каменная тропа вела от подножия горы к храму. Я поднялась по ней и толкнула массивную дверь. Дверь бесшумно открылась. Огромная, в три этажа, фигура Майтрейи была только что установлена и отливала снежной белизной гипса. Потом я прошла по монастырю. В белокаменных домах размещались монашеские кельи, комнаты для гостей, храмы, библиотека и сокровищница. В сокровищнице хранились золотые и серебряные статуи Будды, старинные мечи, украшенные драгоценными камнями, и бесценные танки. Одна из них изображала заповедную страну Шамбалу. Танку выносили из сокровищницы в дни самых торжественных праздников. В остальное время к ней не мог прикасаться даже настоятель монастыря. Ламы Тиксе были приветливы, дружелюбны и хорошо образованы. Их красные тоги то и дело мелькали на крутых каменистых тропинках и лестницах среди белых зданий. Остров жил своей особой размеренной жизнью, так непохожей на жизнь окружающих его деревень.

Николай Константинович Рерих на одной из своих картин изобразил этот монастырь и назвал ее «Остров отдохновения». На картине все было таким же, как и в действительности. И белокаменные здания, и устремленные к небу ступы, и каменистая гора, и пронзительно-синее небо.

К вечеру я поднялась на крышу главного храма. Там стояли два ламы в красных тогах и шапках, похожих на шлемы римских легионеров. На ограждении крыши лежали длинные медные трубы. Старший лама пристально смотрел куда-то на снежные вершины, которые постепенно становились розовыми. Потом сделал знак второму ламе и поднял трубу. Раздался звук низкий, тревожный и печальный. Он прокатился эхом по песчаной долине и замер где-то у снежных гор. И снова возник зовущий звук, как будто трубы призывали кого-то, кто укрывался за этими сверкающими пиками, уводили туда, к снежным вершинам, где таились полузабытые воспоминания о чем-то бывшем когда-то здесь, о неизвестных мне людях, ушедших в небытие тысячелетий, о других сказочных островах, растворившихся в миражах древних морей. Последний звук долго дрожал в лучах заходящего

Монастырь Тиксе

Майтрейя

солнца, как будто жаловался на что-то и плакал. Но постепенно истончался, становился почти неосязаемым и обессиленно и беспомощно затаил с последним всхлипом где-то у подножия снежных хребтов.

Отложив трубы, ламы подняли большие раковины. На бронзовых флажках раковин скакал легендарный конь Лун-по. На его седле пылало Сокровище мира. Вновь раздался глухой низкий звук, но он был уже иным.

Я спустилась в главный зал храма. Дверь была зашторена тяжелым занавесом, который опускают во время службы. В храме было полутемно, вдоль стен, с которых смотрели грозные тантрические боги с лицами-масками, горели светильники. Голубоватый и терпкий дымок курений поднимался с алтаря, и сквозь этот дым рвалось пламя, окружавшее три круга Норбу Римпоче. Ламы усаживались за длинные низкие столики, стоявшие перед алтарем. На столиках лежали узкие длинные листы священных книг. Маленький служка, круглоголовый, с лукавыми глазами, почтительно прикоснулся к моей руке.

— Тантра, — прошептал он и кивнул в сторону лам, готовившихся к службе.

Я знала, что к тантрической службе посторонние не допускаются, и направилась к выходу.

— Подождите! — неожиданно раздалось за моей спиной.

Я в удивлении обернулась.

— Вы можете остаться, — сказал лама, сидевший на тронезовышении. На нем была золотистая тиара, и я поняла, что это главный лама монастыря. Расторопный круглоголовый служка уже нес для меня потертый коврик. Я села в отведенном мне углу. Место оказалось очень удобным. Оттуда был виден весь зал, алтарь с благовониями, ламы, сидевшие за низкими столиками, и золотистая тиара главного ламы. Вновь появился служка и поставил передо мной тонкую фарфоровую чашку с ладакхским чаем, густо приправленным маслом. Чай был очень кстати. Я уже несколько часов ходила по крутым переходам «Острова отдохновения», порядком устала и хотела пить.

Как-то сразу и неожиданно зазвучал хор низких голосов, и ламы закачались над своими столиками. Заметались огоньки светильников, поползли призрачные легкие тени по стенам. Началось какое-то таинственное, странное действие, ритм которого захватывал и затягивал. Лица лам расплывались в сумраке, утрачивали присущие им черты, превращались в маски. Эти маски-лица качались в странной гармонии со звуками молитв или заклинаний. Сначала я пыталась уловить слова, но потом, захваченная ритмом и звуком, перестала это делать. Звук все нарастал и нарастал, он бился, как океанский прибой, о стены зала, а каменные стены, не уступая ему, противостояли его напору. Но где-то камень ослабевал, и, нехотя поддаваясь этому звуковому прибою, отодвигались стены и увеличивали пространство храма и сумрака, пропитанного благовониями. Постепенно в звуке что-то менялось, ритм

становился иным, в нем появлялась иная гармония, возникал иной тон. И этот тон, еще какое-то время слитый с первоначальным звуком заклинаний, отделялся от него, заполнял сумрак старинного зала и переходил в песню.

Звук этой песни, нездешней и тревожной, казалось, шел из какой-то глубины, преображал маски-лица и был похож на реку, сначала бурно спускающуюся с гор, а потом плавно текущую по равнине. Эта призрачная, завораживающая река все текла и текла... Она гремела на камнях и звенела струями прозрачной воды. Временами она ослабевала, потом вновь набирала силу и уходила куда-то туда, где тяжело и призрачно стыла вечность и Великое время. Но вот кто-то, печальный и безутешный, заплакал на ее берегу, и река подхватила эту печаль, наполнилась ею и превратила плач в песню. И казалось, что этим плачем звали кого-то, ушедшего в небытие, безвозвратно потерянного и исчезнувшего. Откуда пришла эта всепроникающая печаль, кого оплакивали и звали — я не знала. Только возникало ощущение, что река-песня, обессиленная этой печалью и этим безнадежным плачем, вот-вот иссякнет и умрет.

Но неожиданно, как наступающее возрождение, светло и радостно зазвучали флейты, торжественно забили барабаны и зазвенели литавры. Все это походило на ослепительную вспышку неземного огня, короткую и яркую. Огонь сник так же неожиданно, как и возник, и наступила тишина, исполненная какого-то неведомого значения. Но вот в ней, как в беспредельной черноте космоса, родился одинокий звук. Он пришел откуда-то из пустоты и, казалось, не имел отношения ни к этому храму, ни к этому залу. Он возник ниоткуда, но уже был везде и был похож на последний затухающий звук медного тунгчена. Однако из него через мгновение стало вырастать, не прерываясь, что-то иное, одухотворенное и живое. Выростал голос. Низкий, одинокий и печальный. Он не был сильным, но наполнил собой сумрак, пахнувший благовониями, все пространство зала и людей, сидящих в нем. Казалось, он шел откуда-то из глубины Великого времени, из тысячелетий, пропавших в песках и горах, из самой сердцевины непостижимой древности. Он принадлежал тому, кого звали заклинаниями, кого оплакивали и о ком печалились.

Это был голос прошлого, который плыл через века и поколения, пробиваясь через тугую преграду времени. Голос креп, обретал силу, он пел свою песню. Одинокую и неведомую. В ней была печаль чего-то несбывшегося и того, что уже никогда не сбудется. Но в ней была и надежда на то, что ее услышат и поймут. И как бы в ответ на эту надежду десятки голосов подхватили последнюю ноту уже затихающей песни. Голос растворился, исчез, но песня, которую он пропел, вновь звучала в храме. Теперь в ней что-то менялось, мелодия надежды крепла, звучала все сильнее и, наконец, завершилась победным аккордом. Наступила тишина. Она была мертвой, в ней не ощущалось никаких движений. Тишина ударила по напряженным нервам, как звук гонга,

*Вверху: ламы монастыря Тиксе
Внизу: монастырские служки*

возвещающего о каком-то перерыве. Что-то в действии кончилось и уже не могло вернуться. Кончилось таинство великой преемственности. Преемственности Времени, Труда и Знания.

И сама я, очнувшись, как будто вынырнула из глубин Времени и с удивлением оглянулась вокруг. Вдоль зала стояли застекленные шкафы со старинными рукописями, завернутыми в шелк. Со стен мудро и отрешенно смотрели тантрические боги. Лама, в тяжелом желтом плаще и шапке с желтым гребнем, подсыпал в жаровню у алтаря какие-то сухие стебли, и вновь голубоватый дымок поплыл над столиками, за которыми сидели ламы. Но теперь они выглядели по-другому. Как будто прошлое, с голоса которого они пели, оставило на них свою печать. Ламы были облачены в тантрические одежды. На их головах покачивались высокие черные шапки, на коротких шелковых накидках извивались драконы. Они теперь напоминали жрецов какого-то неведомого мне древнего культа. Ламы вновь закачались, передо мной поплыли причудливые черные колпаки, и темные отрешенные лица под ними казались высеченными из твердого камня. Вновь раздалось низкое пение, тонко зазвучали флейты, грянули барабаны, и голос прошлого, одинокий и печальный, сорвавшийся с медного раструба тунгчена, взмыл в сумрак уходящего вверх потолка.

Теперь прошлое не только звучало, оно жило в облике людей, в их жестах и словах молитв-заклинаний. Оно отрезало от меня мир настоящего, и я не знала, сколько тысячелетий мне нужно пройти, чтобы вновь вернуться в это настоящее. Я не представляла, какие пространства надо пересечь, какие неизвестные пески и какие неведомые горы надо было для этого преодолеть. Мир, в котором я жила до сегодняшнего дня, все отдалялся и отдалялся, и остался лишь сумрак старинного зала, мерцание светильников и эти жрецы в причудливых колпаках, с темными, словно каменными лицами. Я вдыхала терпкий и тревожный запах благовоний, слышала низкие голоса заклинаний и видела то, что могло происходить тысячелетия назад. Какая сила прервала Время, чтобы открыть это удивительное и непостижимое окно в прошлое? И во имя чего это было сделано? Зачем понадобилось напоминать обо всем этом? Прошлое не могло быть абстрактным. Оно всегда бывает чьим-то, кому-то принадлежит. Кого напоминали мне эти странные жрецы, чьи лица в черных высоких колпаках выплывали из сумрака и голубоватых струй благовонного дыма?

Догадка, которая мелькнула у меня, показалась мне настолько фантастической и несуразной, что я сразу от нее отмахнулась. Но она не хотела уходить, тревожила меня и требовала своего подтверждения. Она наводила меня на странные, немыслимые ассоциации. Где я уже встречала эти расшитые пелерины и передники? Чьи лица напоминали мне эти двое, сидящие совсем близко от меня? Орлиный нос, узкие глаза, прикрытые тяжелыми веками, крупные губы рта, переходящие в слабый подбородок. И перед глазами возник Кецалькоатль, Пернатый

На молитву

Ступа в горах

Нужно побывать здесь, чтобы понять происходящее. Нужно заглянуть в глаза этих приходящих, чтобы понять, как насущно для них значение Шамбалы. И сроки событий для них не любопытная странность, но связаны с построением будущего. Если даже иногда эти построения запылены и извращены, но сущность их свежа и движет умы. Следя за развитием мысли, вы познаете мечты и надежды.

Н.К. Рерих

Впервые слово «Шамбала» для меня прозвучало со страниц рериховского экспедиционного дневника.

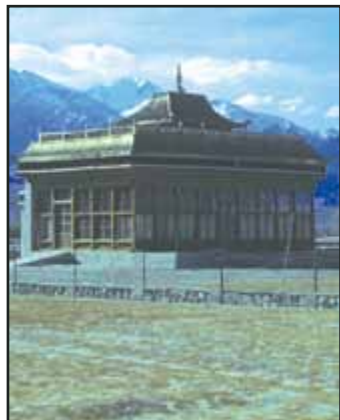
«Если будет произнесено, — писал Николай Константинович в «Сердце Азии», — здесь самое священное слово Азии — «Шамбала», вы останетесь безучастны. Если то же слово будет сказано по-санскритски — «Калапа», вы также будете молчаливы. Если даже произнести здесь имя Великого владыки Шамбалы — Ригден-Джапо, даже это громоздкое имя не тронет вас.

Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На Западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии»⁴⁴.

Я искала случая и места, чтобы поговорить с ламой Палденом об этом краеугольном понятии. Мы сидели с ним у скалы, на которой был высечен барельеф Будды, когда я спросила его о Шамбале. Он на какую-то минуту задумался, а потом начал говорить.

— Многие ламы, — сказал он, — знают о Шамбале. Но больше всех знают об этом те, кто связан с ваджраяной, тантрическим буддизмом. В буддизме есть разные школы. Есть хинаяна — «малая колесница», есть махаяна — «большая колесница», а ваджраяна, самая сокровенная из них, — «алмазная колесница». Великие мудрецы, Махасиддхи, практиковали ваджраяну и владели необычными силами, которые дают знание единства макрокосмоса и микрокосмоса. Изображения многих из них вы можете видеть в наших храмах. Они действительно существовали. Но люди, пришедшие с Запада, даже те, кто стремится изучить нашу историю, наши священные книги и наше искусство, считают, что эти Махасиддхи мифические и вымышленные лица. Они думают, что мы их придумали сами, чтобы убедить людей в силе ваджраяны. Но что можно на это им возразить? Разве нужно что-либо выдумывать, чтобы убедить людей в силе ваджраяны? Разве в нашей истории мало примеров, доказывающих эту силу? Ваши же западные ученые начинают с того, что отрицают такие факты, а нас обвиняют в выдумке. Когда они видят танки, на которых изображена Шамбала, они тоже в это не верят. Я слышал, как один американец сказал, что такого места, как Шамбала, на земле быть не может. «Где такое место, окруженное кольцом снежных гор? Покажите мне», — требовал он. Но мы молчали, потому что с таким человеком разговаривать бесполезно. Ему уже ничего не докажешь. Да и нужно ли доказывать?

змея, могущественный бог майя и ацтеков. Возник таким, каким его изобразили в знаменитом кодексе Борджиа. В пелерине и переднике.

И такие же горбоносые ему поклонялись. Это было как наваждение, которое не хотело рассеиваться. Древние жрецы в одеждах Пернатого змея продолжали совершать свое таинство, а над ними загадочно мерцал, объятый пламенем, космический камень Норбу Римпоче.

Наваждение все спутало и смешало, соединило невозможное, сплело воедино разное время и континенты. Оно не покинуло меня и тогда, когда я вышла из храма и стала спускаться с «острова» по песчаному бархану, в котором увязали и проваливались ноги. Увлеченная этим нелегким занятием,

я не сразу обратила внимание на тень, которая пересекала путь. Когда я подняла глаза, то увидела перед собой ацтека, бесшумно и легко, как мне показалось, возникшего из песка. У ацтека были прямые жесткие волосы, перетянутые красной лентой, крупная бирюзовая серьга в ухе и горбатый, резко очерченный нос. Я прикрыла глаза, но наваждение не исчезло. Более того, оно ткнуло себя в грудь и сказала:

— Чантанг.

Я поняла, что наваждение явилось с плато Чантанг и вело, по всей видимости, кочевой образ жизни.

— Тиксе? — спросил он меня.

Я махнула рукой в сторону «Острова отдохновения». Ацтек поблагодарил наклоном головы и стал подниматься вверх по песчаному бархану, туда, где в сумраке древнего храма среди тантрических богов, светильников и дыма благовоний витал дух Пернатого змея Кецалькоатля, странного родственника драконов и Великого нага. Я шла по вязкому песку, вглядываясь в заметенные ветрами Времени «вехи многих путей». Вехи складывались в загадочный узор, который, как орнамент старинного ковра, имел свои знаки и символы, свои законы и правила. Неожиданно возник странный гул, и на «остров» налетел холодный и пронзительный ветер. Он поднял тучи песка, закружил их в свистящем хороводе. Стало сумрачно, как под водой. Песчаные свивы, ставшие над барханами, напоминали гигантские волны, которые я видела на картине Рериха «Гибель Атлантиды». «Остров отдохновения» скрылся из глаз, и только временами, когда ветер сносил песок в сторону, призрачно и размыто возникали его здания, так похожие на те, которые гибли под ударами яростных волн на рериховской картине...

8. ВОРОТА ШАМБАЛЫ

Многие Махасиддхи побывали в Шамбале и рассказывали о том, что видели там. Они встречали там великих мудрецов, познавших великие истины жизни и смерти. Один из наших панчен-лам написал книгу «Путь в Шамбалу». Он там тоже был. Великий Будда, учитель, был связан с Шамбалой. Оттуда придет и будущий Будда, Майтрейя. Он установит справедливость на земле и сокрушит зло. Вы, путешествуя по Ладакху, видели не раз изображения Майтрейи на скалах, видели статуи Майтрейи в монастырях. Он символизирует для нас лучшее будущее. Те, кто не вникли в суть учения Благоговенного, считают, что Шамбала — это место на земле, где люди живут долгой и счастливой жизнью. Отчасти это так. Но само понятие Шамбалы — не простое. В Шамбале соединяется небо с землей. Это — связь миров. Если человек поймет, что это значит, он проникнет в суть самой Шамбалы. Попасть в Шамбалу, как в любую другую страну на земле, нельзя. Ни любопытство, ни научный интерес, ни вера не дают человеку возможности сделать это. Он должен обладать особыми качествами и высоким сознанием, чтобы пройти туда. Очень немногие попали в Шамбалу.

Путь туда труден и опасен. Практика ваджраяны, «алмазной колесницы», помогает обрести такие качества и преодолеть трудный путь. Из Шамбалы пришла к нам Калачакра — Колесо Времени, учение, которым овладевают те, кто придерживается ваджраяны. Наши тантрические таинства все определены законами Калачакры. Я слышал, что главный лама Тиксе разрешил вам недавно присутствовать на таком таинстве. Не мне судить, сколь верно он поступил. Но там вы так или иначе соприкоснулись с Калачакрой, хотя, может быть, еще этого не осознали. Калачакра — великое учение, которое пронизывает всю нашу жизнь. Оно говорит о Великом единстве макрокосмоса и микрокосмоса. Оно утверждает, что человек и Вселенная едины и человек является частью этой Вселенной, зависит от нее, но в то же время и воздействует на нее. Калачакра дает нам метод этого воздействия. У нас есть немало книг, посвященных Калачакре. Некоторые из них были пересказаны и написаны обычными ламами. Некоторые — теми, кто побывал в Шамбале и получил там нужные разъяснения и истинное знание Колеса Времени. Но чтобы овладеть этим знанием, человек должен пройти посвящение в Калачакру. Те, кто написали лучшие наставления по Калачакре, были такими посвященными. Вы слышали о «Калачакре-тантре» и других подобных книгах? В древней тибетской хронике «Голубые анналы» целая глава посвящена Калачакре.

— Калачакра возникла в глубокой древности, — продолжал лама, — много веков тому назад. Один из первых царей Шамбалы, Ригден Дава Занг-по, или, как его называют индийцы, Сучандра, был причастен к составлению Калачакры. В парке своего дворца, что стоит в столице Шамбалы Калапе, он построил огромную и прекрасную мандалу Калачакры. Это было в 530 году до н. э. С тех пор ее изображают при посвящении. Многие Махасиддхи, такие, как Нитопа, Наропа и другие,

Ритуальный танец в честь Калачакры

ный, и бег давался ему с трудом. Шумно дыша, лама остановился перед дверью, вынул связку ключей и отпер. Мы вошли. Я увидела большой зал, ярко освещенный полуденным солнцем. На алтаре стоял портрет Далай-ламы, два льва держали в лапах Норбу Римпоче — Сокровище мира. Рядом со светильниками лежали завернутые в желтый шелк книги. Как объяснил мне лама, это были тексты, которые читали во время посвящения. У стены стоял большой стол, накрытый стеклянным колпаком. Все пространство стола было усыпано белыми цветами священного чампака. Рядом лежал какой-то свиток.

— Это, — сказал лама, не дожидаясь моих вопросов, и показал на стол, — мандала. Вернее, здесь была мандала. Ее сделали тогда из песка и драгоценных камней. Колесо Времени выложили жемчугом. Она была вот такой.

Лама развернул лежавший рядом свиток. Солнце заиграло на ярких красках сложного геометрического узора мандалы. Рисунок напоминал ювелирное изделие. Линии переплетались в изощренный узор, в котором присутствовала какая-то таинственная гармония формы и цвета. Линии завораживали, а цвет звучал странной, неведомой музыкой.

— Не понимаешь? — сочувственно спросил лама.

— Нет, — честно призналась я.

— Я тоже не понимаю. Хотя кое-что и понимаю. — И хитро сверкнул узким глазом. — Меня отдали в ламы еще в детстве. Я прочел много молитв, сосредоточивался на многих мандалах, но просветление так и не посетило меня. Со мной, наверное, что-то не так. Другие ламы стали образованными и достигли больших степеней. Я же научился только повторять и не всегда понимаю, что повторяю.

— Ну а здесь что ты делаешь?

— Сторожу знак.

— Какой еще знак? — не поняла я.

— Этот храм. Он и есть знак. Его преосвященство Далай-лама так и сказал: «Этот храм есть знак на пути в Шамбалу». Вот я и сторожу этот знак. Мандалу, которую ты видела, много веков назад изобразил Владыка Шамбалы Ригден Дава Занг-по. Я ее тоже сторожу. Значит, я не зря столько лет был ламой.

Я осмотрела комнату, расположенную позади зала, в которой стоял резной трон Далай-ламы, а потом прошла в небольшой открытый павильончик. Там возвышалась мраморная статуя Будды. Лама пытался мне рассказать что-то о Будде, но никак не мог вспомнить какие-то важные эпизоды из его жизни, махнул безнадежно рукой и замолчал. Потом мы спустились с ним к Инду, на берегу которого сиротливо стоял горшок с водой, брошенный им, когда он меня увидел. От синих гор наплывала тишина, прозрачный воздух пронизывали золотистые лучи высокого солнца, и сонно о чем-то бормотала великая река Инд.

...В тот сентябрьский день 1976 года здесь, на плоском берегу Инда, похожем на огромную площадь, собралось не менее двадцати тысяч

побывали в Шамбале и принесли оттуда священные книги, мандалы и знания. Ученые утверждают, что Калачакра распространилась в Индии и Тибете только в X веке. Но это неправильно. Калачакра гораздо древнее. Во многих наших храмах вы видели статуи Калачакры. Это божество со множеством рук, которые образуют форму колеса. И руки в этом колесе напоминают спицы. Колесо Времени вращается в согласии с ритмом Вечности. Наши короткие жизни трудно соотнести с этим ритмом. Но тем не менее многое меняется на наших глазах.

Если раньше Калачакра была уделом избранных и посвященных, теперь все большее количество народа приобщается к учению, пришедшему из Шамбалы. Уже с 50-х годов теперешний Далай-лама, изгнанник собственной страны, проводит массовые посвящения в Калачакру. Простым людям непонятен таинственный ритуал посвящения, но их сердца отзываются на космический ритм, который они слышат в словах мантр и молитв, в пении и звуках труб и барабанов. Их души и сердца меняются в этом посвящении, в них капля за каплей вливается новое сознание. Сознание наступающей эпохи Майтрейи. Десятки и сотни тысяч людей стремятся участвовать в этих массовых посвящениях. И не только буддисты. Среди тех, кто приходит услышать слова о священной Шамбале и хочет проникнуться учением Калачакры, есть и мусульмане, и индусы, и христиане. Это учение не знает ограничений ни национальных, ни религиозных, ни кастовых. И сейчас наступило время, когда весть о Калачакре собирает многие тысячи людей.

Но все эти люди, включая лам, по-разному воспринимают Калачакру. Для одних — это научная философия, для других — религиозная служба, для третьих — красивая мечта о будущей справедливой жизни без страданий и лишений. Но Калачакра ни то, ни другое, ни третье. Это — Истина в разных обличьях. Истина о земле, небе и человеке. Человек с самых древнейших времен тянулся к Истине и искал эту Истину. Вот в этой Истине и заключена сила Калачакры и ее привлекательность для самых разных людей. Начиная с 50-х годов, когда Тибет еще не постигло несчастье оккупации и разорения, а Далай-лама не был изгнанником, и до теперешнего времени было проведено шесть раз массовое посвящение в Калачакру. Одно из них произошло в Ле в 1976 году. В память об этом на берегу Инда остался храм Калачакры и Шамбалы. Его специально построили в тот год посвящения. Вы его видели? — спросил Палден.

Конечно, я его видела. Храм стоял на плоском и пустынном берегу Инда, а за ним возвышались синие горы. Углы храмовой крыши были изогнуты, как на китайских пагодах. Легкие раскрашенные переплеты рассекали на ячейки почти полностью застекленные стены. Резные колонки главного входа смотрели на реку и синие горы. Когда я пришла в храм, он оказался запертым. Раздосадованная неудачей, я уже собралась уходить, как вдруг услышала поспешные шаги. На дорожке, ведущей к храму, я увидела бегущего ламу. Он был пожилой и груз-

чтожит зло с помощью воинов Шамбалы.

Церемония посвящения началась восьмого сентября. Присутствующие повязали лбы красными лентами и положили под них семя священного дерева чампак, на котором растут прекрасные белые цветы. Семя символизировало третий глаз, внутреннее зрение, доступное лишь духовно развитым людям. С гор напозлали тяжелые тучи, и с утра дул холодный ветер. Тысячи людей напряженно, затаив дыхание, ожидали появления Далай-ламы. Когда забили барабаны, низко и тревожно зазвучали медные трубы, Далай-лама появился в дверях храма. Колокольчик в его руках зазвонил тонко и мелодично. По рядам лам, стоявших по обе стороны двери, прошло движение. Далай-лама сделал еще один шаг, и тут случилось непредвиденное. На сидевших и стоявших на площади, как-то неожиданно и сразу, обрушился сильный дождь. Белые шарики града застучали по крыше храма, по сухой земле, по тогам лам. Порывы ураганного ветра неслись со снежных вершин гор, поднимая в воздух все, что можно было поднять. По земле потекли мутные потоки холодной воды и устремились к реке...

Там, где стоял Ле, сквозь шумящую завесу дождя виднелось лишь желтое облако. В городе бушевала пыльная буря. На площади, около Инда, никто не сдвинулся с места. Тысячи людей продолжали сидеть на размокшей земле, под дождем, градом и ветром, ибо космические часы не идут обратно. Колесо Времени нельзя повернуть вспять. В этот день и час сошлось вместе многое, что не сходилось веками. Время, Учитель, место, учение и воспринимающие учение. Нарушить это соответствие — значило сбить таинственный ритм Времени и Космоса, которые звучали в тот день в унисон. Струи воды стекали с намокших тог лам. Одежда на сидевших быстро намокла и уже не защищала ни от ветра, ни от холода. Церемония посвящения, сопровождаемая чтением мантр, священными песнопениями, чтением тантрических молитв, продолжалась четыре часа. И все это время люди оставались под дождем, который унялся только к вечеру. «Испытание Шамбалы», — говорили все после церемонии. Ладакхцы выдержали это испытание с честью. Ни заболевших, ни простуженных после церемонии не было.

Последний день посвящения был сухим и солнечным. Природа как будто извинилась этим днем за все устроенное накануне. Звучали трубы, били барабаны, ламы читали мантры. Далай-лама, устало откинувшись, сидел на троне. Вдруг, как вестники таинственной и древней страны, которая угадывалась за снежными перевалами, появились странные люди в необычных одеждах. Их лица были закрыты позолоченными масками. И эти маски походили на забрала на лицах воинов. Сквозь круглые прорезы отрешенно смотрели полуприкрытые веками глаза. Грудь украшали жемчужные изображения Колеса Времени с восемью спицами, на головах поблескивали короны. Они поплыли в медленном танце под звуки флейт и барабанов и казались пришельцами из иного, неведомого мира. Это был таинственный танец Калачакры,

ладакхцев, тибетцев и кочевников с Чантанга. Только что оконченный храм Калачакры сверкал свежими красками и позолотой. Вся площадь была покрыта палатками, разноцветными ладакхскими и черными тибетскими. Вдоль дороги, ведущей к Инду, стояли ламы в красных тогах. Они время от времени трубили в раковины. Сверкали на солнце старинные украшения женщин, пестрели разноцветные шляпы, похожие на цилиндры. Главное таинство происходило в храме, который плотным кольцом окружали полторы тысячи лам, созванных из многих монастырей Ладакха.

Три дня Далай-лама готовил себя к главной церемонии посвящения. Он сидел перед огромной мандалой, которую когда-то нарисовал Владыка Шамбалы, царь Ригден Дава Занг-по. Глаза Далай-ламы были закрыты, тонкие кисти рук бессильно опущены на колени. Многорукое и многоликое божество Калачакры взирало на Далай-ламу с танки, висевшей у алтаря. Медитация Далай-ламы длилась многие часы, и постепенно его бесстрастное лицо менялось и обретало черты божества на танке. Аромат редких курений плыл по просторному залу храма, потрескивали язычки светильников, однообразно жужжали голоса лам, читавших мантры-заклинания. А снаружи сидели многие тысячи людей, почтительно ожидая совершения того главного, ради чего они пришли. И образ таинственной страны за снежными хребтами, там, где на троне, украшенном драгоценными камнями, восседал царь, похожий на божество, витал над толпой и увлекал ее куда-то в сияющую даль будущего без страданий, без зла и насилия. И каждый из сидевших устремлял свои лучшие мысли и мечты туда, к небольшому храму под золоченой крышей, где происходило главное таинство и куда долетал голос священной Шамбалы.

После завершения трехдневного ванга уставший от напряжения и ожидания Далай-лама начал читать проповеди о Калачакре. Он говорил о Колесе Времени и о великом учителе Будде, о бесконечном буддийском космосе, о его циклах, о многочисленных югах, которые, сменяя друг друга, проходят над землей. Его голос звучал спокойно и негромко, но, усиленный микрофоном, доходил до самых дальних пределов площади на берегу Инда. Далай-лама повествовал о человеке — частице космоса, о силах, заложенных в нем, и о действии этих сил на всех окружающих. Он перечислял Великих мудрецов, которые осознавали эти силы и могли правильно ими пользоваться. Он описывал священную Шамбалу, где зародилось великое учение Калачакры. Но говорил о ней в образах и символах, из которых возникал таинственный облик Заповедной страны, похожей на древний миф, в котором жили многорукое злые и добрые божества, где земля непостижимым образом соприкасалась с небом и Великие мудрецы, прошедшие сотни тысяч жизней и воплощений, достигали высшего совершенства и познавали Истину земного бытия. Далай-лама повторял древние пророчества и рассказывал о будущем, в котором грядущий Будда Майтрея уни-

Храм Калачакры

Пинто молчал. Там же, в Ладакхе, я встретила еще с одним неожиданным «аспектом» Шамбалы. Получилось так, что я запуталась в узких улочках Ле. Пришлось спрашивать, как пройти к гостинице.

— Это совсем близко, — сказал мне первый попавшийся прохожий. — Пройдите эту улицу до конца, сверните направо и дойдете до Шамбалы.

— До чего? — не поняла я.

— До Шамбалы, — повторил прохожий.

— Разве так легко в нее попасть? — удивилась я.

— Легче легкого. Около километра отсюда, и вы в Шамбале.

Прохожий приветственно помахал рукой и скрылся за углом. Мне ничего не оставалось, как отправиться в Шамбалу указанным путем. Дорога вывела меня на окраину Ле. Здесь я увидела здание, а на нем вывеску. На вывеске крупными буквами было написано: «Шамбала». Наверное, вид у меня был самый дурацкий, когда я стояла перед этой вывеской, потому что проходивший мимо ладакхец задержался и восторженно посмотрел на меня.

— Это что? — тупо спросила я, указывая на вывеску.

— «Шамбала», — ответил ладакхец. — Отель, — пояснил он. — Очень дорогой.

«Как таинственно и ошеломляюще будут звучать фразы, — подумала я, — брошенные преднамеренно небрежно вернувшимися из Ладакха туристами: «Мы жили в “Шамбале”», «Мы заплатили двадцать долларов за ночлег в “Шамбале”», «“Шамбала” уютна и комфортабельна», «В тот день в “Шамбале” не было горячей воды». И т. д. и т. п.

Я представила себе все это, и в голову мне пришла мысль — а не поселиться ли мне в «Шамбале»? Воображение мое разыгралось. Я присылаю письмо в Москву, а на конверте обратный адрес: Ладакх, Ле, Шамбала, мне. Среди друзей, близких и родственников — паника. Все в восхищении, и пол-Москвы страшно завидует мне. Но «Шамбала», к сожалению, была еще не достроена.

9. РИМПОЧЕ КУШОК ТОГДАН

Рассказ о римпоче я начну с его биографии, сообщенной мне им самим. Римпоче был воплощенным ламой, и поэтому его биография начинается не так, как у других людей. Эти другие говорят или пишут: «Я родился тогда-то и там-то...» У римпоче все было по-иному. Ему надо было сообщить о восьми предыдущих жизнях и рождениях. Данная его жизнь, в которой мы с ним встретились, была уже девятой. Конечно, римпоче прожил много больше жизней, чем эти девять. Но в течение

полный тайного смысла и неразгаданных символов. Танец в честь Великих мудрецов, живущих среди снежных гор с незапамятных времен и давших миру учение Колеса Времени...

— Вы видели железный мост через Инд? — однажды спросил меня Таши Рабгиз. — Мы проходили с вами мимо него, когда шли в монастырь Ше. Так вот, в одном древнем пророчестве сказано, что, когда построят железный мост через Инд, наступит время Шамбалы. Вот оно и наступает.

С Таши был согласен и Римпоче Тогдан, настоятель монастырей Ламаюру и Фианг. Я просидела у Римпоче полдня, и наш разговор все время вращался вокруг Шамбалы. Римпоче рассказал мне о прекрасном острове на севере, который и есть Шамбала. Там много красивых дворцов и садов. Там есть храмы и библиотеки. В этих библиотеках собраны все книги мира, начиная с самых древних времен. Великие мудрецы, Махасиддхи, живущие там, обладают обширными знаниями. Настоятель поведал о ламе Ринчен Пунцоке, который посетил Шамбалу пятьсот лет тому назад, а также упомянул в этой связи о Панчен-ламе Пятом и нескольких ладакхцах.

На прощание Римпоче протянул мне несколько узеньких листочков. На них типографским способом был отпечатан какой-то тибетский текст.

— Возьмите это, — сказал Римпоче. — Это молитва Шамбалы. Теперь в наших монастырях часто ее читают. Железный мост через Инд уже построен.

Однажды доктор Смангла, коренастый крепыш с живыми и умными глазами, показал рукой в сторону долины Нубры.

— Там ворота в Шамбалу, — сказал он просто и как-то обыденно. — Оттуда иногда приходят вести. Но сейчас туда трудно попасть. Часть территории оккупирована китайцами.

Каждый раз, когда я бывала в той стороне, мне чудилось нечто знакомое в очертаниях скал и перевалов. Я долго не могла понять, к чему бы это. Но потом, просматривая в очередной раз взятые с собой для работы репродукции картин Рериха, нашла отгадку. Эти места мне были знакомы по его картинам. Картины назывались «Ворота Шамбалы», «Перевал Шамбалы».

«Ворота Шамбалы» когда-то звучало для меня как легенда или сказка. Теперь же это обретало свою реальную плоть и кровь. Вести из Шамбалы, вести о Шамбале. Здесь, в Ладакхе, среди снежных хребтов, неожиданно появлялась информация, как бы принесенная ветром.

— Это правда, — спросил меня однажды Пинто, сын министра Со-нама Норбу, — что Рерих написал книгу о Шамбале?

— Правда, — осторожно ответила я. — А откуда вы узнали?

последних он постоянно был высоким ламой. Когда римпоче родился, на каменном полу кухни, где произошло это событие, появился и расцвел голубой цветок. Это был особый знак, указывающий на высокое предназначение родившегося. Версию же о голубом цветке в Ладакхе подтверждают многие как факт неоспоримый и не подлежащий бесполезному обсуждению. Кроме этого данному рождению предшествовали события, непосредственно связанные с предыдущей, восьмой жизнью римпоче. Эта восьмая жизнь протекала тоже в Ладакхе.

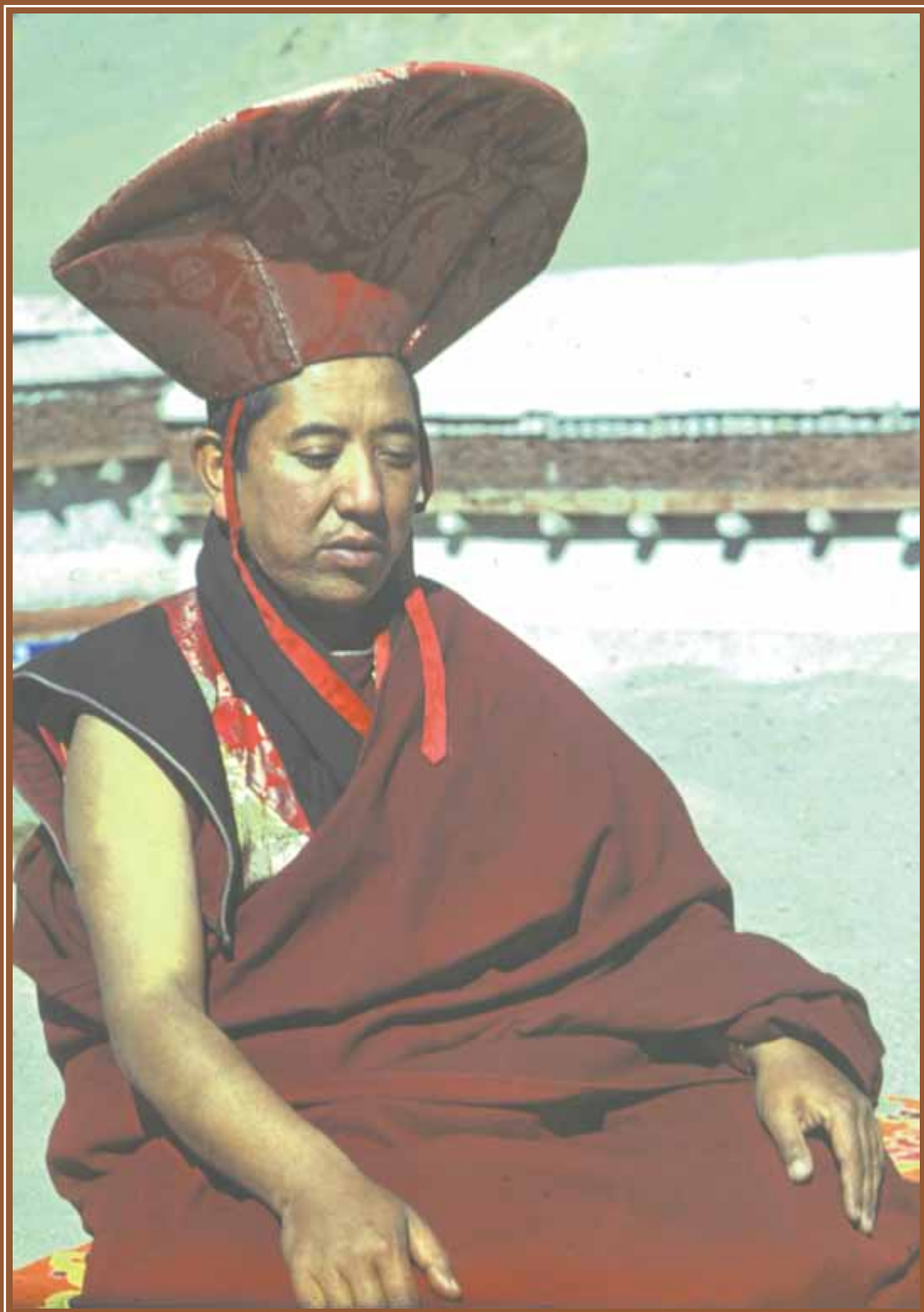

В местечке Ванла, в шести километрах от Ламаюру, когда-то жил высокий лама, искусный в тантрической практике. Его звали Комбо Тогдан. Лама обладал многи-

ми необычными для простых людей способностями, которые обрел, следуя учению Калачакры. Многие в Ладакхе приходили к нему за помощью, и тот никогда не отказывал в ней. За свою жизнь он сделал немало добрых дел и достиг ступени высокого совершенства. Лама умер, пообещав родиться еще раз и продолжить свою деятельность в качестве настоятеля монастырей Ламаюру и Фианга. Однако ни места, ни даты своего рождения не указал. За него это сделал настоятель монастыря Дигунтил. Правда, с некоторым опозданием, ибо монастырь Дигунтил находился на значительном расстоянии от Ламаюру. Но сути дела это не меняло.

В один прекрасный день ламы Ламаюру получили от настоятеля вышеупомянутого монастыря письмо. В письме было сказано, что в деревне Доргук, в восточном Ладакхе, живет воплощение Комбо Тогдана. Ламы Ламаюру отправились в эту деревню. Новому Тогдану в то время было два года. Как выяснилось, его мать умерла при родах, и мальчик остался без присмотра. Он был хилым и слабым, и родственники считали, что он скоро умрет. Но старая женщина, жившая по соседству, пожалела мальчика. Она понимала, что голубые цветы расцветают не при каждом рождении. И выходила его. Мальчик потом еще раз удивил добрую соседку.

Однажды она положила его на валун, с которого тот свалился, оставив на валуне отпечаток своей ступни. Говорят, что этот отпечаток можно видеть до сих пор. Такие отпечатки оставляют только те, кто обладает силой Махасиддхи. Старая женщина очень привязалась к мальчику и весьма огорчилась, когда в один прекрасный день в деревню пришли ламы из монастыря Ламаюру. Ламы познакомились с мальчиком, но ни рассказ о голубом цветке, ни отпечаток ступни не произвели на них должного впечатления. Ламы знали, что такие вещи с воплощенными высокими ламами случаются нередко. В том, что

Римпоче Кушок Тогдан

священные книги и молитвы. То, что настоятель позабыл всю свою ученость, родившись вновь, не смущало их. Они были настойчивы и упорны и прощали мальчику склонность к лени и озорству. Настоятель не только был живым и подвижным ребенком, но и оказался способным учеником. В четырнадцать лет его отправили в Тибет, в тот самый монастырь, высокий лама которого указал место его рождения. Путь в Дигунтил был не близок. Юного настоятеля сопровождали несколько лам.

Караван, состоящий из яков и лошадей, ранним утром покинул монастырь Фианг. Через месяц они достигли суровых и пустынных высот плато Чантанг. Там, за Чантангом, лежал желанный монастырь. Его настоятель узнал о караване за несколько дней до его прибытия. Быстроногие гонцы несли весть от монастыря к монастырю. В Дигунтиле Тогдана встречали ламы в праздничных одеждах. Били торжественно барабаны, ревели трубы. Настоятель Дигунтила сам

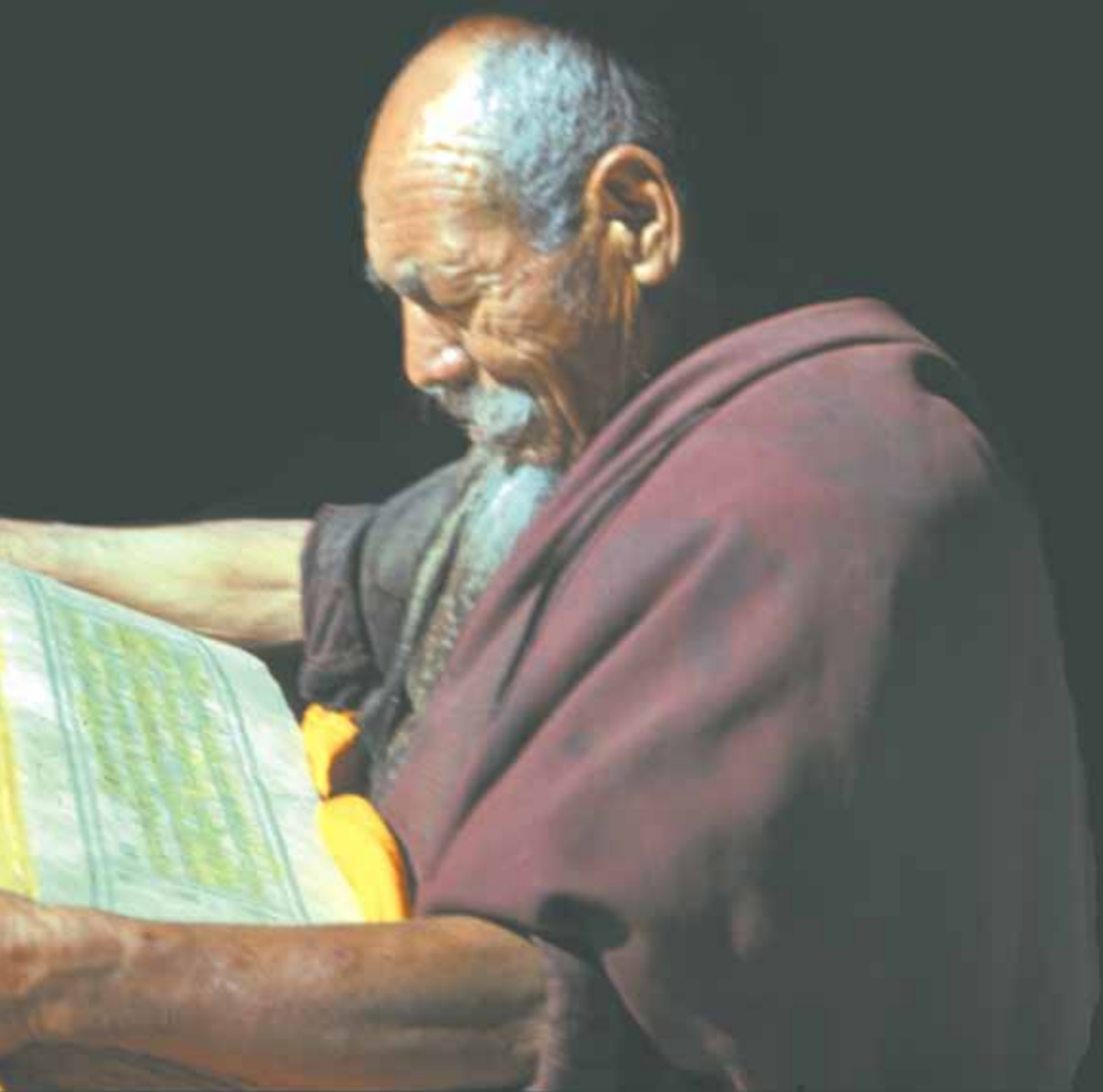
мальчик является таким воплощением, они не сомневались. Но они еще не знали, чье это воплощение. Им нужен был с в о й настоятель, чужого они не хотели. Чтобы это выяснить, они поступили так: положили перед мальчиком несколько предметов. Среди них были вещи, принадлежавшие умершему настоятелю. Чаша, четки и посох. Мальчику предложили выбрать то, что ему нравится. Он выбрал чашу, четки и посох. Теперь ламы не сомневались, что мальчик был воплощением высокого ламы из Ламаюру.

Они покинули деревню и вернулись за ним лишь через два года. Четырехлетнего настоятеля привезли в монастырь Фианг, посадили на трон, водрузили на голову красную, шитую золотом тиару и провели церемонию посвящения в сан. Но в отличие от того, кто прожил предыдущую жизнь, новый ничего еще не знал ни о храмах, ни о монастырях, ни о самом буддизме. Все это ему предстояло постигнуть. Ламы обучали настоятеля тибетскому языку и умению читать и понимать

Старый лама

Тибетская рукопись

вышел ему навстречу. Он помог мальчику сойти с лошади и повел его в свои апартаменты. Он же и стал его учителем. Под его руководством Тогдан постиг основы философии Махаяны, суть ритуальных текстов и практику «алмазной колесницы» — тантры. На это ушло еще шесть лет. Римпоче Тогдану было уже двадцать два года, когда в Тибете начались события, заставившие его срочно покинуть монастырь. Он уходил вместе с огромным потоком беженцев, устремившихся к индийской границе.

Китайские отряды шли по пятам, поэтому они отсиживались днем в скрытых ущельях и тайных пещерах, а ночью продолжали путь по крутым горным тропам, петлявшим среди нагромождений суровых и бесплодных скал. В таких местах нельзя было достать ни воды, ни еды. Но римпоче был молод и силен. Некоторые способности, развитые в нем многолетней тантрической практикой, помогли перенести трудности и невзгоды.

Ламы Фианга и Ламаюру, знавшие о событиях в Тибете, уже не чаяли увидеть вновь с таким трудом обретенного когда-то настоятеля. Поэтому, когда римпоче появился в Ладакхе живой и невредимый, в обоих монастырях был объявлен праздник и проведены церемониальные торжества.

Римпоче утверждает, что свою предыдущую жизнь он вспомнил, когда ему было семь лет. Вспомнил во всех подробностях. Долгое время некоторые люди в Ладакхе, знавшие умершего настоятеля, занимались тем, что проверяли римпоче. И из каждой проверки римпоче выходил с честью. Самая серьезная проверка была устроена в королевском дворце в Стоке. Дело в том, что в предыдущем воплощении римпоче принадлежал к королевской семье и провел свое детство во дворце в Стоке. С тех пор там произошло немало изменений. Может быть, никому бы во дворце и в голову не пришло проверять римпоче, если бы не сестра его предыдущего воплощения, совсем уже старая женщина, когда-то нежно привязанная к брату-ламе. Конечно, она знала, что ее любимый брат вновь появился на белом свете. Она желала и страшилась встречи с ним и откладывала ее со дня на день, из года в год. И только мысль о том, что она уже очень стара и желанная встреча может так и не состояться, заставила наконец ее решиться.

В тот знаменательный день она надела праздничное платье, покрыла голову тяжелым, расшитым бирюзой пераком. Перак был особым. Над самым лбом, в бирюзовое поле, был вшит золотой амулет, подаренный ей когда-то братом. Когда она увидела римпоче, то в первый момент ничего не ощутила, кроме почтения и уважения, которые она испытывала к любому высокому ламе. Ни взглядом, ни жестом, ни голосом стоявший перед ней не напоминал ей брата. Она успокоилась, чувство страха и тоски прошло, и она заговорила с римпоче о вещах, о которых обычно говорят прихожане с настоятелями. Римпоче тоже не выразил особых чувств при ее появлении. Только глаза его смотрели

на нее добро и сочувственно. В самом конце беседы, когда она уже собиралась уходить, взор римпоче задержался на ее пераке, и она вдруг почувствовала, как гулко забилося ее сердце. Но римпоче отвел глаза в сторону и ничего не сказал. Тоскливое разочарование поднялось откуда-то из глубин ее существа. Амулет на пераке был ее последней надеждой. Если римпоче его узнает, тогда все это правда. Перед ней действительно ее брат. О том, что брат когда-то подарил ей этот амулет, теперь могли знать только двое — она и этот молодой римпоче. Остальные свидетели давно умерли. Но он ничего не сказал, а только пристально посмотрел на перак. Она тяжело и устало поднялась и вежливо поблагодарила римпоче за беседу.

— А этот амулет, — как бы невзначай сказал он, показывая на перак, — тот самый, что я тебе подарил?

— Комбо, — обессиленно произнесла она и заплакала. Теперь она плакала снова над тем, кто давно уже умер, и над этим, кто так был не похож на того, ушедшего от нее в неизвестный ей мир.

— Я не Комбо, — сказал римпоче. — Я уже другой. Но часть Комбо живет во мне. Поэтому я зову тебя сестрой.

Но назвать его братом она так и не смогла.

Римпоче вышел проводить ее на крыльцо. Она двинулась по дороге, но потом остановилась и еще раз посмотрела на него. Все осталось по-прежнему. Чужой, не узнанный ею человек встретился с ней взглядом и ободряюще помахал рукой.

Визит старой женщины к римпоче не остался тайной в королевском дворце. Через некоторое время Тогдан получил приглашение пожаловать в Сток. Именно так началась та проверка, о которой я упомянула выше. Во дворце к ней основательно готовились. Там вспоминали, что было при предыдущем настоятеле и чего сейчас нет. Вспоминали долго и наконец вспомнили. В одной из комнат когда-то стояла статуя Авалокитешвары. Теперь ее не было. Потом обратили внимание на кладовую, где хранились съестные припасы. Только человек, долго живший во дворце, мог определить сложный путь к съестному по запутанным дворцовым переходам. Римпоче нашел дорогу в кладовую без особых затруднений. Он даже ни разу не сбился с пути и так же точно указал комнату, где когда-то стоял бронзовый Авалокитешвара. Затем обошел дворец и остановился в одной из комнат у гладкой стены.

— Когда заложили эту дверь? — спросил он, указывая на стену.

— Какую дверь? — в недоумении спросили его. — Здесь никогда двери не было.

— Нет, была, — настаивал римпоче.

Тогда во дворце опросили всех, но никто не знал про такую дверь. Наконец вспомнили об очень старом слуге, который жил в деревне у подножия дворцовой горы. Слугу доставили во дворец. Тот уже плохо видел и с трудом передвигался на больных ревматических ногах. Он подошел к стене, покачал головой и пошевелил высохшими губами.

ощущалось какое-то врожденное достоинство, придававшее и его шуткам, и его смеху какую-то неуловимую утонченность и изысканность.

На обеде у Пинто, куда мы были оба приглашены, римпоче был также раскован и прост. Много смеялся и шутил, отдал должное ладакхским блюдам из баранины и выпил немного пива. С мягким и тонким юмором рассказал несколько историй из жизни монастырских лам, проявив при этом недюжинное артистическое дарование. Потом перешел к политическим проблемам.

— Если мы не будем настолько умны, чтобы отдать свои голоса за Индиру Ганди и ее партию, — сказал он, — судьба всей страны окажется в руках политических авантюристов. У нас уже есть опыт такого правления.

В тот день мы действительно не чувствовали разницы между собой и римпоче. С нами за столом сидел добрый товарищ, который понимал все, о чем мы говорим. Но тибетский терьер хозяина был иного мнения. Именно он показал нам, что разница есть, и существенная. С первого же момента появления римпоче в доме терьер неотступно следовал за ним, как будто кто-то привязал его к ноге настоятеля невидимой нитью. Пинто пытался отогнать собаку, но из этого ничего не вышло. Терьер перестал подчиняться хозяину. Однако в комнату его не пустили. Пинто захлопнул дверь перед самым его носом. Сначала терьер скулил и царапал дверь. Потом он завыл. Горестно и печально. Пинто прикрикнул на собаку из-за двери. Вой прекратился. Но через какое-то мгновение раздались глухие удары в дверь. Терьер, видимо, разогнался и бил всем телом в дверь, стараясь ее высадить.

— Он убьется, — сказала я.

— Да что же это случилось с ним? — смущенно пробормотал Пинто.
— Он всегда был таким послушным.

Удары в дверь продолжались.

Наконец потерявший терпение хозяин открыл дверь. В комнату лохматым клубком вкатился терьер. Глаза обиженно сверкали из-под нависшей шерсти. Он устремился к римпоче, как-то судорожно, совсем по-человечески всхлипнул и улегся у его ног. За все время обеда он оставался там и даже не пожелал встать, когда Пинто бросил ему кусок мяса. Отъезд римпоче сопровождался его горестным воем. Он даже пытался вскочить в «джип», на котором уезжал настоятель. Но попытка не удалась, терьер сорвался, больно ударился о землю и распластался на ней, накрыв короткими лапами голову. Он скулил жалобно и тонко. «Джип» тронулся, но терьер не побежал за машиной, а поднялся, подошел к нам, зло и громко нас облаял и с достоинством удалился в глубь сада.

Однажды римпоче пригласил меня поехать вместе с ним в монастырь Фианг. Построенный в XVI веке Фианг был одним из крупнейших монастырей Ладакха, где настоятелями являлись воплощенные ламы. Он возник среди гор многоэтажной громадой, когда мы свернули

Скрюченным пальцем поковырял штукатурку. Под ней открылись следы дверного проема. Придворные остолбенели, а римпоче удовлетворенно рассмеялся. Рассказывая мне об этом случае, он подчеркнул, что прошлая память некоторых воплощений много длиннее прижизненной памяти некоторых живущих ныне.

— Люди быстро забывают, — сказал римпоче, — о том, чему были сами свидетелями. Проходит каких-нибудь пятьдесят — семьдесят лет, и они уже ничего не помнят.

Римпоче совершил в своей жизни немало поступков, вызвавших искреннее удивление окружающих. Один из них достоин упоминания. Тем более что был связан с событиями, в которые были вовлечены две державы — Индия и Китай. Римпоче понимал еще тогда, когда уходил с беженцами из поверженного Тибета, что китайцы на этом не остановятся. И он оказался прав. В 1962 году китайская армия перешла индийскую границу и вторглась в Ладакх. Бои шли на горных хребтах и перевалах. Хорошо подготовленная для войны в горных условиях китайская армия теснила индийскую, закрепляясь на территории Ладакха. В монастырях царило тревожное настроение. От тибетских беженцев было известно, что китайские солдаты разрушают монастыри, жгут бесценные буддийские рукописи и забирают монастырские ценности. Ламы возносили молитвы Будде, призывали его остановить продвижение китайских войск и прекратить войну. Римпоче в те дни пригласили в один из приграничных монастырей провести молебен. Он выполнил все, о чем его просили, и затем отпечатал на скале неподалеку от монастыря свой палец.

— Дальше этого места, — сказал римпоче, — китайцы не пойдут.

И действительно, вражеская армия остановилась в семи километрах от монастыря и дальше не пошла.

Первый раз в небольшой чистый домик на окраине Ле, где жил римпоче, меня привел Пинто. Домик стоял в абрикосовом саду, и почти сразу от него начинались поля, которые уходили к подножию синих гор. Меня провели в просторную светлую комнату, всю устланную коврами. По стенам комнаты висели старинные танки, на алтаре стояли бронзовые статуэтки ламаистских божеств. Сам же римпоче сидел на возвышении перед низким столиком, склонившись над продолговатой книгой. Он поднялся мне навстречу, и я увидела удлинённые живые глаза, орлиный нос и небольшой рот с полной нижней губой. В нем было что-то от ацтека.

Наш разговор начался с соблюдения всех церемониальных ладакхских правил. Мы выяснили, как каждый из нас себя чувствовал, все ли благополучно с нашим здоровьем, а также со здоровьем наших родственников. Римпоче был прост, крайне любознателен и смешлив. Временами в нем проскальзывало наивное и детское простодушие. Когда он слушал мои рассказы, его глаза расширялись от искреннего удивления и он приговаривал: «Вот это да». Но при этом в нем все время

*Монастырь Фианг.
Ритуальные маски: Падмасум и Намша*

уже создано природой. Нам же следует только это увидеть и понять.

И он протянул мне волшебный кристалл.

— Возьмите. Сегодня вы познали что-то новое. Пусть он вам напоминает об этом дне.

Ребенок, радовавшийся солнечному лучу, исчез, и передо мной стоял мудрец. Из-под припухших век пронизательно и ясно смотрели темные глаза.

Потом, уже в Москве, я несколько раз пыталась воспроизвести волшебную хрустальную радугу. Но у меня так ничего и не получилось. Может быть, солнце было не столь ярким, а воздух — прозрачным, как в Ладакхе. А может быть, чего-то не хватало моим рукам. Но так или иначе, волшебная радуга дремлет до поры до времени в кристалле горного хрусталя, подаренном мне римпоче Тогданом в далеком Ладакхе.

Потом римпоче провел меня по храмам монастыря. Мы переходили из зала в зал. Поблескивали в полутьме свежие краски деревянных резных колонок, темнели лица на старинных танках, загадочно светились изысканные бронзовые статуэтки древних богов, грозно и гневно смотрели широко открытые глаза многоруких и многоголовых божеств. В алтарь главного храма откуда-то сверху лились солнечные лучи и освещали огромную статую Майтрейи, играли на драгоценных камнях его позолоченной короны. По правую его руку, в высокой красной тиаре, сидел Скюба-римпоче, один из прославленных высоких лам, а по левую — святой Махасиддхи Дордже Семпа. По стенам тянулись застекленные шкафы. В них лежали книги, бережно обернутые в цветной шелк. Римпоче открыл один из шкафов, вынул объемистую и тяжелую книгу, снял шелк и раскрыл ее. По черной поверхности старинной бумаги побежали золотые строчки тибетских писем.

— Это Канджур, — сказал римпоче, — один из самых древних списков этой священной книги в Ладакхе.

Бумага на ощупь была шершавой, от нее исходил тонкий аромат храмовых курений.

Между шкафами одна за другой возникали старинные фрески. Будда, бодхисатвы, высокие ламы и святые смотрели с них отрешенно и загадочно. Римпоче показывал старинные танки, рассказывал историю каждой из них, объяснял сложную символику их персонажей. Потом мы поднялись на крышу храма. Оттуда открылся вид на горный простор. Синели, поднимаясь один за другим, гималайские хребты, белели ступы на склонах, сверкали снега на близких вершинах. Римпоче незаметно исчез за расписной дверью, выходящей на крышу. Он появился снова через некоторое время, но совершенно преображенный, непохожий на того римпоче, к которому я уже привыкла. На его голове красовалась шитая золотом красная тиара, точно такая же, какие я видела в алтаре на фигурах знаменитых лам красношапочной секты. Я схватилась за фотоаппарат, а римпоче просто, без тени кокетства, дал себя снять. Потом пришел учитель танцев. Тех танцев в масках,

с основной караванной дороги. Снизу по склону горы к монастырю карабкалась деревня с белыми массивными домами. Прямо на пригорке стоял ряд маны, завершенный высокой ступой. Белый конь, несущий на седле Сокровище мира — Норбу Римпоче, — устремил свой бег со ступы прямо к монастырю. Но мы направились чуть в сторону от монастыря, туда, где под горой стоял дом настоятеля. Нас встретил лама, на чьем попечении находился дом, отпер дверь и, многократно кланяясь, пропустил римпоче. Мы вошли в большую светлую комнату, за широким окном которой стояли близкие горы. Над горами шли лиловые тучи. В комнате вперемежку со старинными танками висели картинки, вырезанные из иллюстрированных журналов, фотографии и набор цветных портретов красивых японок. Римпоче задержался взглядом на них и спросил:

— Правда, красивые?

Я подтвердила.

За стеклянными дверцами резного шкафчика я увидела коллекцию камней. Здесь были аметисты, топазы, ярко-синяя тибетская бирюза, агаты с рисунками, похожими на пейзажи туманного утра, кристаллы горного хрусталя.

— Это очень ценные камни, — пояснил римпоче. — Каждый камень имеет свое целебное свойство. Целебную силу минералов знали еще в древности и в Тибете и в Ладакхе. — И римпоче стал рассказывать, какие болезни лечат минералы, которые лежали в резном шкафчике.

— А вот это, — римпоче вынул из шкафа кристалл горного хрусталя, — волшебный камень. Ни один камень в моей коллекции такого не может. Если на него направить солнечный луч... — И римпоче стал поворачивать кристалл, стараясь поймать этот солнечный луч. Но луч почему-то увиливал и обходил кристалл стороной.

— Куда же он подевался? — растерянно приговаривал римпоче. — Он же должен быть здесь. Вот, вот, я его сейчас поймаю. Ушел. А вот теперь не уйдешь. Вот, вот еще немного.

И вдруг, совсем неожиданно, на стене заиграла радуга ярких и чистых цветов.

— Ага, вот он, вот он, — закричал римпоче и как-то совсем по-детски радостно и восхищенно засмеялся.

Горделиво поглядывая на меня, римпоче повел волшебную радугу по стене. Она накрыла раскрашенные лица японских красавиц, и те сразу поблекли и ушли куда-то в глубь стены. Зато потемневшие от времени краски старинных танок вспыхнули и заиграли глубокими и сочными тонами. Радуга действительно была волшебной. Она давала возможность отличать настоящее искусство от подделки.

— Понравилось? — спросил меня римпоче.

— Очень, — искренне ответила я. — Радуга действительно необычная.

— Все самое необычное и волшебное, — задумчиво произнес он, —

10. ОРЛИНЫЕ ГНЕЗДА

Не хочется давать здешним изображениям этнографический или географический характер. Пусть они идут как символы «святости и твердыни». Пусть своим общим тоном героизма и подвига они скажут об этом крае.

Н.К. Рерих

«Орлиные гнезда» — так называется одна из картин Рериха. У самой скалы, среди снежных вершин, на крутых утесах стоят массивные квадратные здания. Последние лучи закатного солнца золотят их стены. Высокие, похожие на пирамиды ступы каким-то чудом удерживаются над отвесным обрывом. Среди скал, на которые уже спускаются сиреневые сумерки, не видно ни лестницы, ни тропинки, которые бы вели к зданиям. Складывается впечатление, что эти вознесенные к небу здания не имеют никакой связи с «нижним миром».

Старинный комплекс Ше является таким «гнездом». Расположенный в пятнадцати километрах от Ле, он возникает сразу и неожиданно после очередного поворота дороги, стоящий на массивном скалистом основании среди снежных гор. Отсюда с дороги виден целый город. Дворец на самой вершине, над которым сверкает золоченый шпиль ступы, замки, разбросанные по скалам, крепость с мощными зубчатыми стенами, увенчанными башнями, массивные каменные ворота, к которым поднимается мощеная дорога, белые здания храмов и поодаль, на скале, сторожевая башня. Когда-то на ней, в минуту опасности, зажигали сигнальные огни. Я поднялась в город и обнаружила, что он наполовину разрушен. Стены и башни зияли провалами, замки представляли собой руины. И даже сторожевая башня, так впечатляюще выглядевшая с дороги, оказалась полуобрушившимся ее остовом. В верхней части торчали полусгнившие балки, лестница обвалилась. По каменистой тропе я дошла до дворца. Его в 1645 году построил ладакхский король Сенге Намгиял, тот самый король Лев, о котором я уже рассказывала. Во дворце уцелели только стены, перекрытия рухнули, проемы окон разрушились и темными глазницами смотрели на Инд и снежные горы. Дикая голуби призрачными тенями носились по опустевшим покоям, и по углам в грудях обрушившихся камней шуршали многочисленные мыши.

Стены крепости, каменные башни, развалины старинных замков, высеченные в скалах изображения Майтрейи и Будды свидетельствовали о том, что само место было древним и значительным. Оно располагалось на перекрестке многих путей и дорог. Король Сенге Намгиял приказал построить здесь не только дворец, но и монастырь. В одном из храмов монастыря была воздвигнута статуя Будды. Самая большая статуя Будды в Ладакхе высотой в два этажа. Мне о ней рассказали в Ле еще до моего посещения Ше. От королевского дворца по разрушен-

которые устраивают в монастырях по особым случаям. Он был очень высоким, широкоплечим и походил скорее на богатыря — сподвижника Гесэр-хана, чем на ламу, имеющего отношение к такой деликатной профессии, как танцы. Мы спустились с римпоче вниз, в комнату, где в шкафах, завернутые в чистую ткань, лежали танцевальные маски. Римпоче стал вынимать их одну за другой.

— Это Падмасум. Это Махакала. Это Шава. Это Яма. — Он называл имена древних божеств, а на стол ложились желтые, красные, зеленые, черные маски. Оскаленные рты, острые длинные клыки, короны, украшенные человеческими черепами. Римпоче не стал возражать, когда я попросила разрешения их снять.

— Понравились? — только и спросил он.

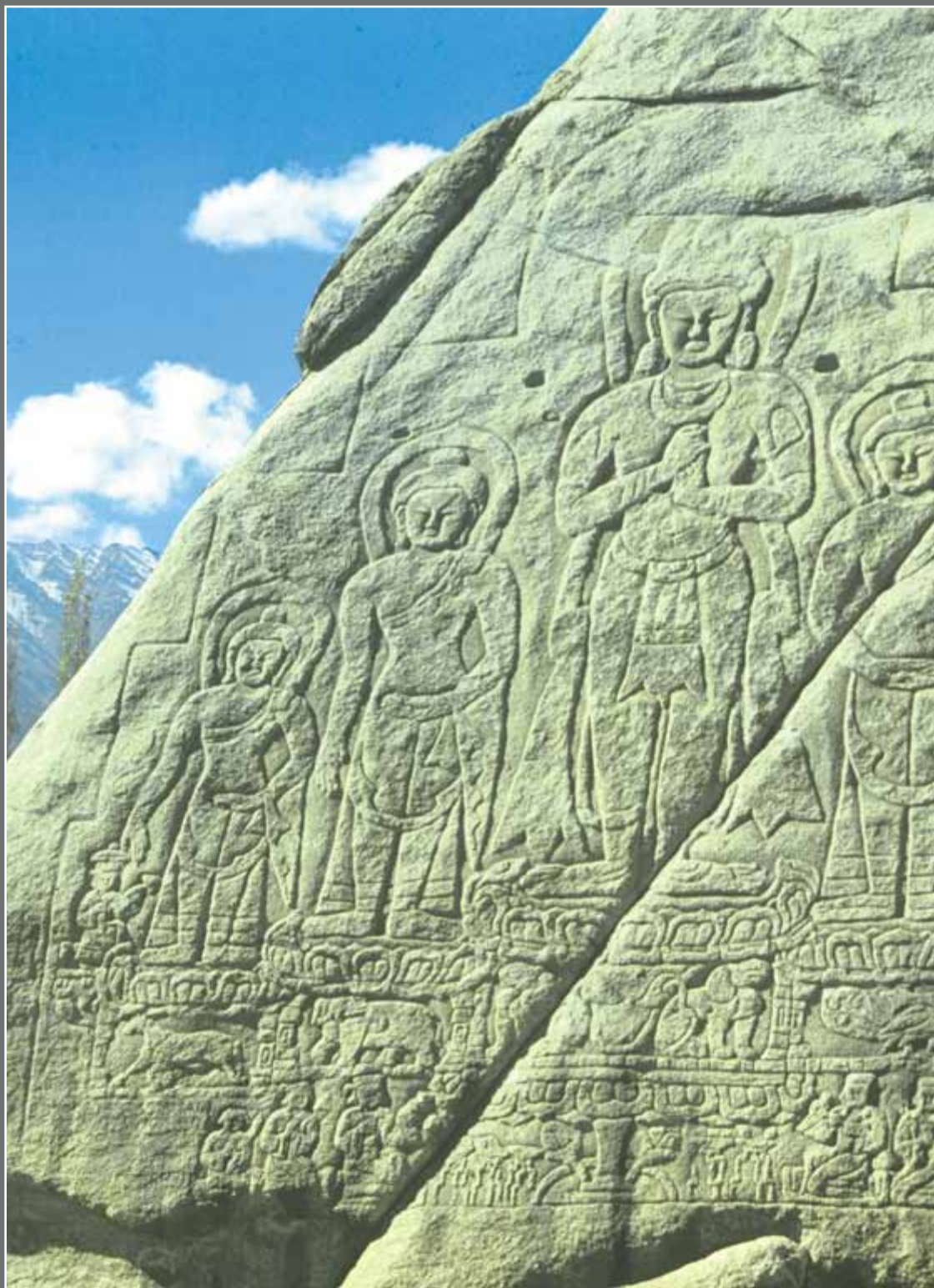
Я кивнула. Мы вынесли маски на свет. Римпоче засуетился, что-то сказал двум стоявшим ламам и уславил их куда-то. Оказалось, что римпоче послал их за цветными кусками ткани, чтобы у масок был соответствующий фон. Он вошел во вкус съемки. Помогал мне устанавливать маски, спорил со мной, если ему не нравилось положение какой-либо из них. Смотрел в видоискатель фотоаппарата и восхищался открывавшимся ему зрелищем. Мы покинули монастырь, когда солнце уже село за синие пики гор и оттуда, со снежных вершин, подул морозный и резкий ветер. К «джипу» нас провожала целая толпа лам, которые кланялись в пояс настоятелю и произносили слова, положенные в этом случае. В машине римпоче откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

— Ох, и устал я сегодня, — как-то прокряхтел он. — Но мы с вами хорошо поработали и все, что намечали, сделали, — и удовлетворенно рассмеялся.

И надо же было такому случиться, что единственная во всем Ле лужа оказалась на узкой улочке, неподалеку от дома римпоче. И в луже этой застрял грузовик.

— Не ждать же до утра, — сказал римпоче и хлопнул дверцей «джипа».

Он шагал по размолоченной грузовиком улице, подобрав красную тогу и высоко поднимая ноги. Шел привычным широким шагом, не обращая внимания на грязь и сгущавшиеся сумерки. Он уходил от нас в наступающую темноту, и наконец мы потеряли его из виду. Я сунула замерзшую руку в карман куртки и наткнулась на кристалл. В нем дремала волшебная радуга, подаренная мне римпоче Тогданом, мифом и человеком...

Барельеф «Пять Будд»

время, прошли здесь. В легендах говорится, что один направлялся на Алтай, а другой — в Шамбалу.

Позже, в Ле, листая книгу Рериха «Алтай — Гималаи», я наткнулась на слова, которые несомненно относились к Ше:

«Вот и место Будды. Оно изглажено временем. Предание говорит об «очень большом и древнем строении», но теперь устои утесов и щебень напоминают лишь о разрушении. Старые тесаные камни пошли на постройку позднейших ступ, которые в свою очередь успели рассыпаться. Одно лишь обстоятельство несомненно — вы стоите на месте древнего строения. Невдалеке старинная деревня и остроконечная груда развалин — остатки древнего укрепления, слившегося как монолит»⁴⁵.

Именно здесь, у этого перепутья, у меня возникла мысль посетить монастырь Хемис и кое-что выяснить. С этим монастырем была связана загадочная история, которая нашла свое отражение на страницах экспедиционного дневника Рериха и была связана с Христом, или, как его называли в Ладакхе и Кашмире, Иссой.

«Если из-за идола Будды, — писал Николай Константинович, — трудно увидеть высокий лик Будды-учителя, то еще неожиданнее в тибетских горах встретить и узнать прекрасные строки об Иисусе. Буддийский монастырь хранит учение Иисуса, а ламы отдают почтение Иисусу, здесь прошедшему и учившему. Если кто-либо будет слишком сомневаться в существовании таких документов о жизни Христа в Азии, то, значит, он не представляет себе широко, как были распространены в свое время несториане и сколько так называемых апокрифических легенд ими было распространено в древнейшее время, и сколько правды хранят апокрифы.

Ламы знают, что Иисус, проходя по Индии и Гималаям, обращался не к браминам и кшатриям, но к шудрам — трудящимся и униженным. Записи лам помнят, как Иисус возвеличивал женщину — Матерь Мира. Ламы указывают, как Иисус отрицательно относился и к так называемым чудесам»⁴⁶.

Будучи крайне осторожным и аккуратным в своих научных выводах, Рерих не сомневался в существовании рукописей о Христе-Иссе в Ладакхе. Он ни разу не подверг сомнению и утверждение о пребывании Христа в Гималаях, которое содержалось в этих рукописях. В начале нашего века доктор Франке обнаружил на скалах, в районе озера Тангце, так называемые мальтийские кресты и надписи на неизвестном ему языке. Такие кресты назывались еще несторианскими. Но миссионер Франке не считал эти кресты доказательством существования несторианской общины на территории Ладакха и полагал, что они были занесены сюда благодаря тесным торговым связям с Туркестаном, которые установились с VII века. В Туркестане же в то время находилась многочисленная несторианская колония⁴⁷.

После Франке эти кресты обследовала экспедиция Рериха. Оба они, и Николай Константинович и Юрий Николаевич, в отличие от Франке

ной лестнице я спустилась к монастырю. Во дворе монастыря цвели мальвы и ворковали дикие голуби. То там, то здесь мелькали красные шапки лам. Ламы бродили по монастырским проходам, похожим на узкие городские улочки, сидели на крыльце своих келий, греясь на нежарком осеннем солнце, с деловым видом сновали из одного здания в другое. Мое появление не привлекло их внимания.

Я подошла к двери главного храма, но она оказалась запертой. Надо было идти искать того, кто смог бы мне помочь. Я стояла и размышляла об этом, когда сзади раздалось деликатное покашливание. Я обернулась и увидела сухонького ламу с седой козлиной бородкой.

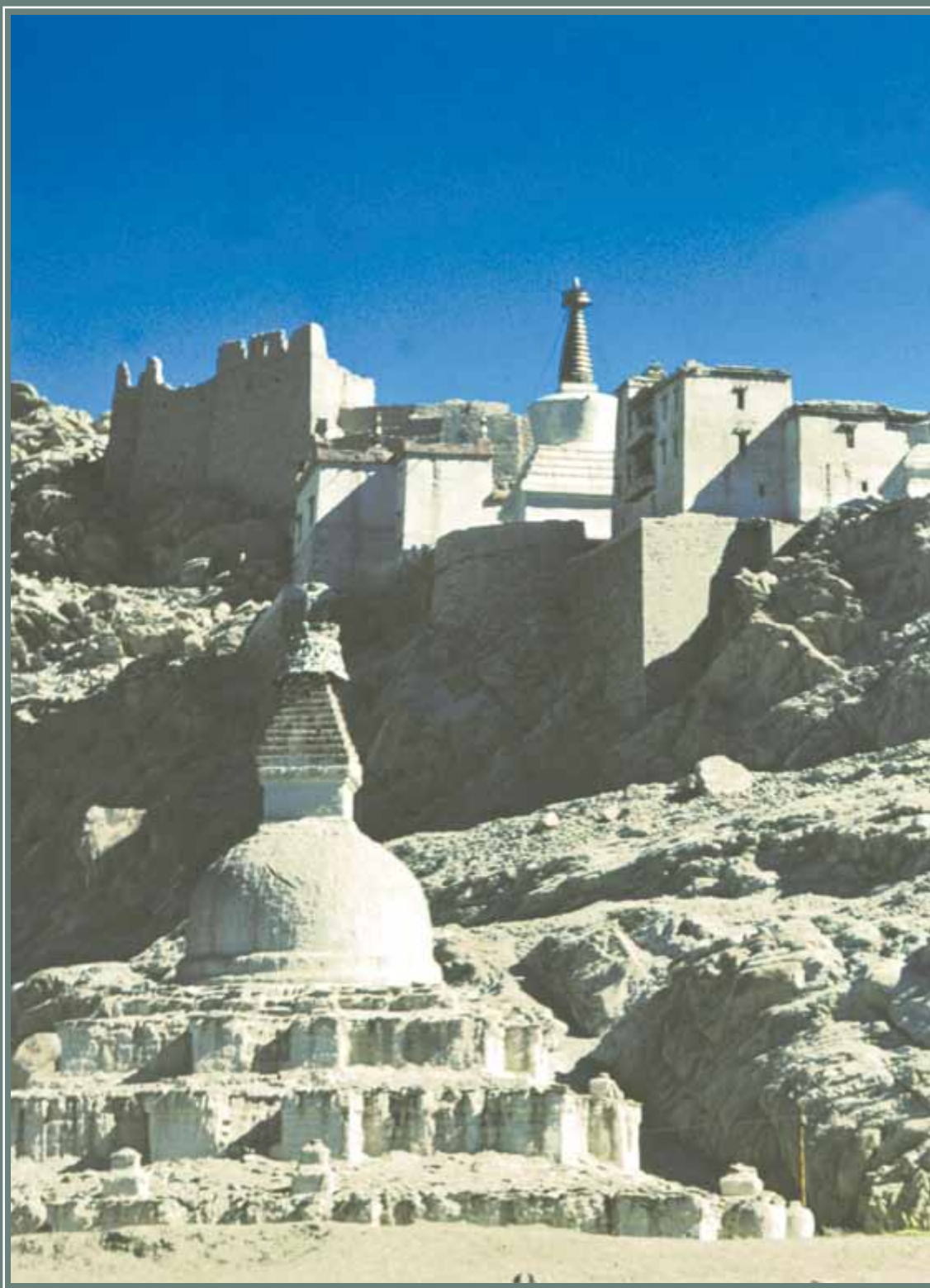
— Хочешь посмотреть Будду? — спросил он.

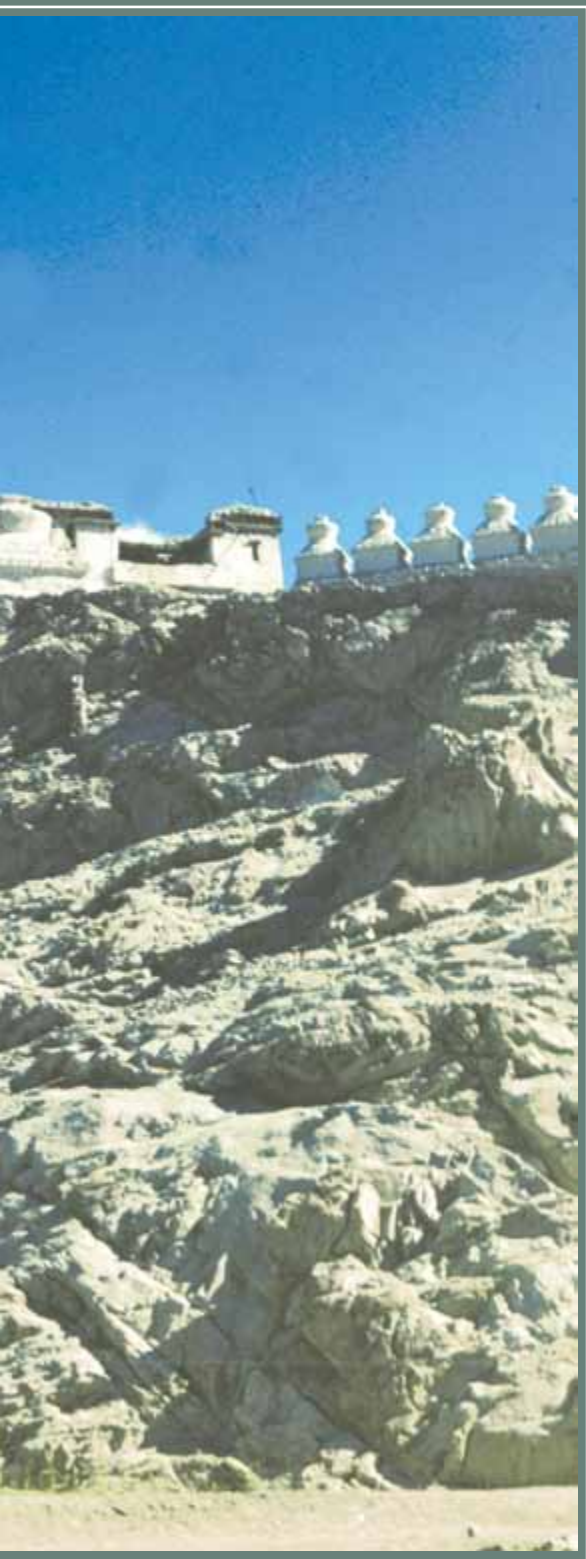
— Хотела бы, — ответила я.

— Это хорошо, — заулыбался лама, и морщины, похожие на лучики, собрались вокруг его узких глаз.

Лама напомнил мне китайского мудреца, какими их рисовали на старинных свитках. Мудрец исчез на какое-то время, потом появился снова, держа в руках большой фигурный ключ. Заскрипела распахнувшаяся дверь, и мы вошли в храм. Он производил несколько странное впечатление и был не похож на храмы, которые я видела раньше. Ни традиционных росписей, ни танок, и только в центре зала находилась огромная статуя Будды. Будда сидел на лотосе. Его торс отливал красной медью, а золоченая голова уходила куда-то вверх, за перекрытия потолка. Голова была высвечена ярким солнечным светом. С золотого лица Будды смотрели ярко-синие внимательные глаза. Надо лбом поднималась шапка синих волос.

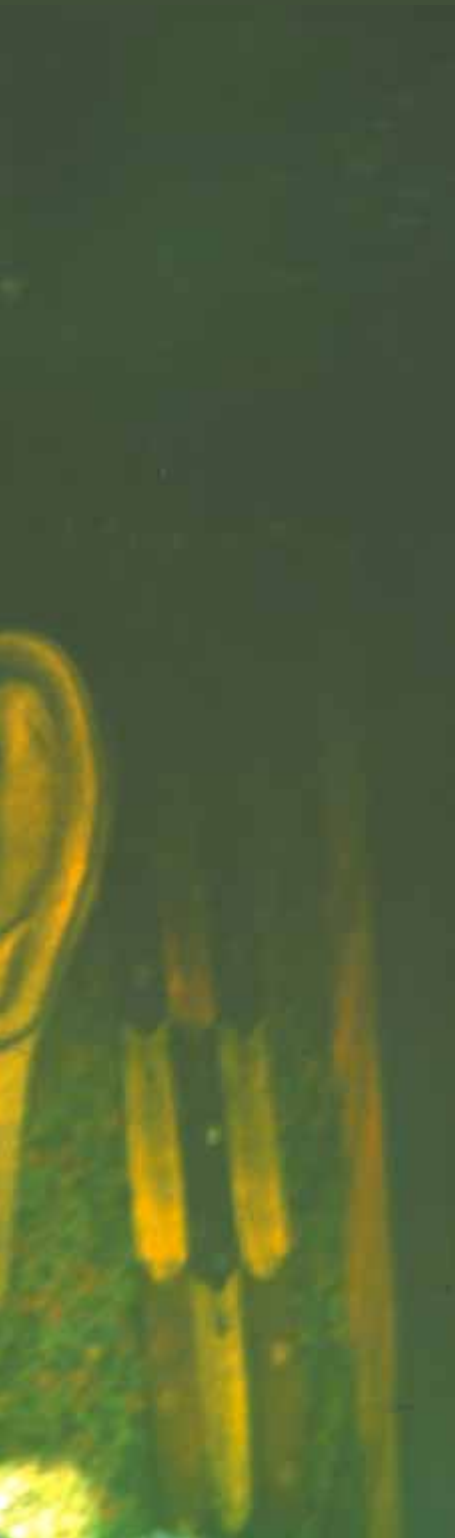
Лама провел меня по другим залам. Вид у них был запущенный и неухоженный. Алтари выглядели бедными, книги лежали на деревянных открытых полках, настенная роспись облупилась, обнажив потемневшую от времени штукатурку, с ободранных колонн свешивались грязные и пропыленные лохмотья шелка. Неопрятными были и тоги лам. Дела монастыря, видимо, шли не очень хорошо. Настоятеля в монастыре не оказалось, и лама с бородкой китайского мудреца так и не смог толком объяснить, куда он делся. Я спустилась вниз, к подножию скалистой горы, на которой стоял монастырь, и увидела большую ступу. Ступа стояла чуть поодаль от скального основания, почти у самой дороги. Углы ее обрушились, обнажив каменную кладку, но часть, на которой был укреплен шпиль, была заново оштукатурена и побелена. Отсюда, от этой ступы, был виден королевский дворец, монастырь, старинные башни и крепостные стены. Я остановилась, чтобы еще раз полюбоваться редким зрелищем Ше, и вдруг поняла, что все это я когда-то уже видела. И эти стены, и башни, и золотистый шпиль верхней ступы. Я вспомнила картину Рериха «Ше. Ступа» и еще раз поразила той точности, с которой Николай Константинович передал детали запечатленного им места. Картина эта имела второе название: «Перепутье Будды и Христа». Оба Великих Учителя, каждый в свое

*Ступа в Ше.
Перекресток Будды и Христа*

Монастырь Ше. Будда

были убеждены, что кресты свидетельствовали о существовании несторианской колонии в Ладакхе. Юрий Николаевич даже указал ее дату — между VIII и X веками. И не ошибся. Предположение Рерихов было подтверждено уже в 70-е годы нашего века. Археологическая служба Кашмира, музей штата и Кашмирский университет предприняли в эти годы ряд археологических туров по Ладакху. Результаты исследования были опубликованы в одном из научных изданий Кашмира⁴⁸. Индийские ученые выяснили, что в 800 году группа несториан покинула Туркестан и направилась в Гималаи. Их путь был долгим и нелегким. Они прошли Памир, а затем Каракорум. Надписи на согдийском и арамейском языках, расшифрованные учеными, сообщают, что это путешествие продолжалось целый год, в течение которого двести пятнадцать раз разбивали лагерь. Многие из участников этого беспрецедентного перехода не дошли до цели. Одни замерзли в снегах и ледниках Памира, другие сорвались с обледенелых скал Каракорума и нашли последнее пристанище в бездонных пропастях, третьи умерли от истощения и болезней.

Перейдя Каракорум, несториане спустились в Ладакх. Гостеприимная маленькая горная страна пришлась им по душе. Ламы были приветливы и внимательно слушали их рассказы о Христе, святом человеке, о его учении и жизни. Король Ладакха охотно разрешил несторианам поселиться на берегу приглянувшегося им горного озера. Патриарх Чарансар, который привел их, стал основателем деревни, где они и поселились. Несториане вырезали на скалах, окружавших деревню, кресты и надписи. На одном из валунов они написали по-арамейски: «Е-шу» — Ешуа, Иисус, Исса. Какова была дальнейшая судьба этой колонии, сейчас трудно сказать. Ушли ли они куда-нибудь в другие места, например в Тибет, или смешались с местным населением, восприняли буддизм и забыли о своем прошлом — никто не знает. Но факт существования такой колонии в Ладакхе теперь доказан.

...Он появился в Ладакхе в 1887 году, русский по подданству, поляк по национальности, Николай Нотович по имени и фамилии. Он был путешественником и журналистом. Что привлекло его в Ладакх — мы не знаем. Так же мало мы знаем о его жизни и о нем как человеке. Факты его биографии неточны, подчас запутанны и туманны. Он погиб или умер при весьма загадочных обстоятельствах, вскоре после публикации его книги «Неизвестная жизнь Иисуса Христа». Книга была издана в Париже на французском языке в 1893 году.

Путешествуя по Ладакху, Нотович попал однажды в монастырь Хемис. Там была богатая библиотека, которая все время пополнялась новыми рукописями. В монастыре существовал обычай — каждый лама, посетивший Лхасу, должен был привезти оттуда какую-нибудь рукопись. При разговоре с настоятелем Нотович выяснил, что в библиотеке есть многочисленные рукописи о жизни различных пророков и учителей. Среди них — рукописи об Иссе. Некоторые из них были

привезены из Лхасы, куда они попали из Индии и Непала. Нотович попросил разрешения настоятеля ознакомиться с ними. Настоятель не возражал, но поиски их в огромной монастырской библиотеке могли занять много времени. И тогда он предложил Нотовичу приехать в Хемис еще раз. Нам неизвестно, принял ли тот предложение настоятеля или нет. Однако сама судьба вновь привела путешественника в этот монастырь, и надолго. В одной из поездок по Ладакху он упал с лошади и сломал ногу. Ближайшим населенным пунктом оказался Хемис. Нотович попросил своих спутников доставить его туда. Монастырские ламы занялись лечением его ноги, а настоятель разыскал рукописи об Иссе.

Лечение заняло несколько месяцев, и у пациента появилась возможность ознакомиться с рукописями. Процесс этого ознакомления был нелегким. Настоятель читал рукопись вслух, переводчик переводил с тибетского, а Нотович записывал. Конечно, такая система двойного перевода могла привести к ошибкам. Более того, настоятель, по собственному усмотрению, возможно, и выпустил какие-то части рукописи, что создало впоследствии некоторые затруднения при изложении материала. Этим же можно объяснить и определенные противоречия, содержащиеся в книге «Неизвестная жизнь Иисуса Христа». В рукописи была описана жизнь Христа от четырнадцати до двадцати девяти лет, о которой умалчивает Библия. Иисус-Исса, согласно тибетскому манускрипту, покинул родительский дом и присоединился к купеческому каравану. Вместе с ним он прибыл в Индию, в Синд, а потом попал в Пенджаб. В Индии Иисус также посетил священные города Бенарес и Джаганатх, а затем в Гималаях изучал Веды и буддийские священные книги. Неизвестный автор рукописи отрицал чудесное воскресение Христа после распятия.

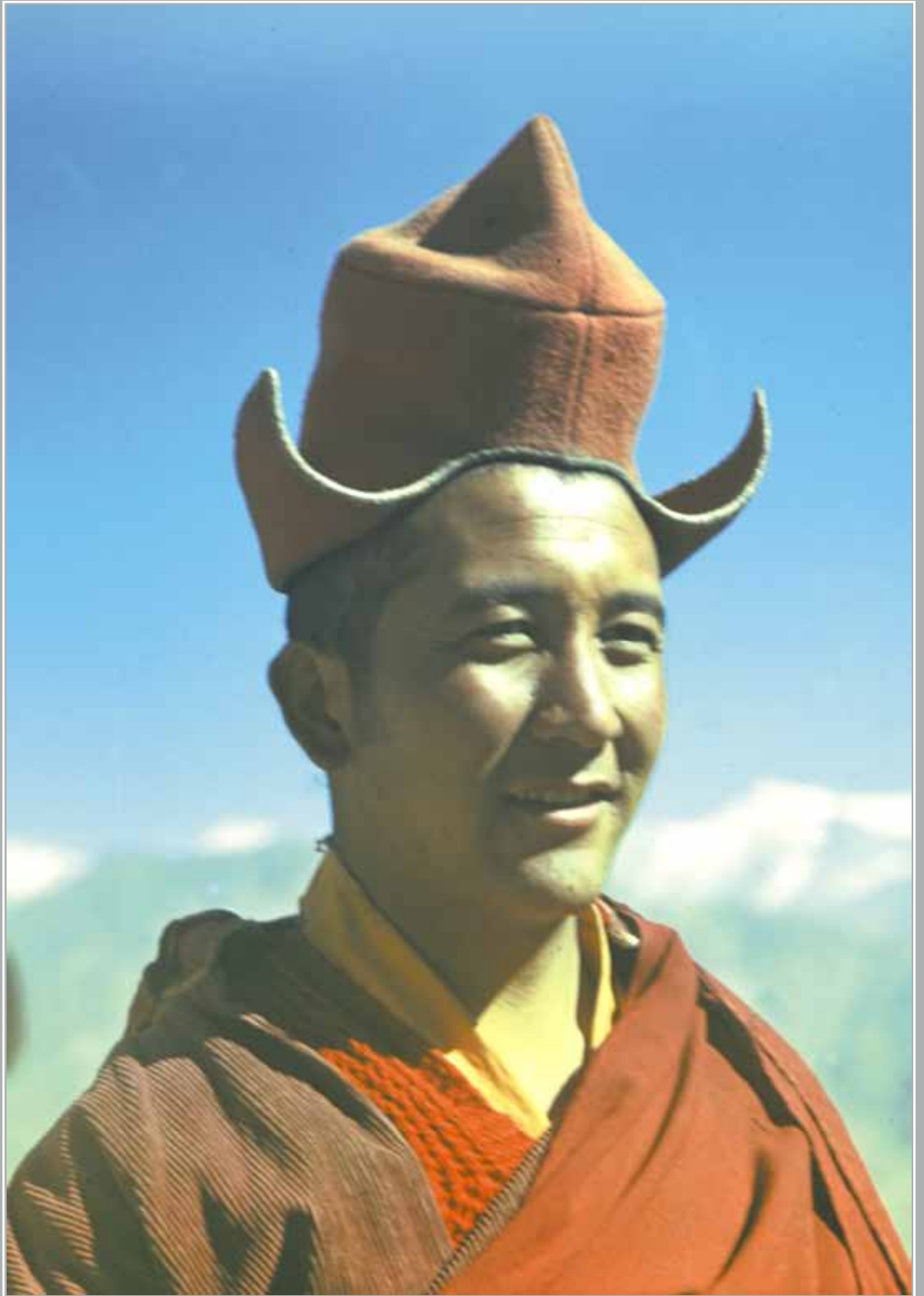
Когда в Париже вышло первое издание книги Нотовича, вокруг нее поднялся большой скандал. Клерикальные круги признали ее еретической, а Нотовича — клеветником. Книга явно нарушала установившуюся церковную традицию и подрывала основы христианской идеологии. И этого Нотовичу не простили. Потом о книге и тибетской рукописи забыли. И пожалуй, Николай Константинович Рерих был одним из немногих, который процитировал, после долгого молчания, куски рукописи в экспедиционном дневнике. Он обратился к этому сюжету потому, что сведения, полученные им в Ладакхе, подтверждали то, о чем писал Нотович. Однако, судя по всему, увидеть рукопись об Иссе воочию Рериху не удалось. О самом же монастыре он писал:

«Нужно видеть и обратную сторону буддизма — поезжайте в Хемис. Подъезжая, уже чувствуете атмосферу мрачности и подавленности. Ступы с какими-то страшными ликами-рожами. Темные знамена. Черные вороны. Черные псы гложут кости. И ущелье тесно смыкается. Конечно, и храмы и дома — все скучено. И в темных углах навалены предметы служения, точно награбленная добыча. Ламы полуграмотны... Вот оно — суеверие и корысть!.. Монастырь старый. Основан большим ламою,

Монастырь Хемис. Жилище лам

Монастырь Хемис. Красношапочный лама

оставившим книгу о Шамбале. И лежат эти манускрипты под спудом, может быть, кормят собою мышей»⁴⁹.

И действительно, Хемис в те двадцатые годы являл собою зрелище, точно описанное Николаем Константиновичем. Возрождение монастыря произошло только десятилетия спустя.

Рерих также упоминает в экспедиционном дневнике о «менее известном» источнике, где повествуется о жизни Христа в Тибете.

«Около Лхасы был храм учений, богатый рукописями. Иисус хотел познакомиться с ними. Мингсте, великий мудрец Востока, был в этом храме. Через много времени, с величайшими опасностями, Иисус с проводником достигли этого храма в Тибете. И Мингсте и все Учителя широко открыли ворота и приветствовали еврейского мудреца»⁵⁰.

Сколько времени пробыл Христос в этом странном и необычном храме — не сообщается. Дело в том, что в самом Тибете в то время не было храмов ни буддийских, ни бонских. Покинув этот удивительный храм, Христос пришел в Ле, преодолев трудный горный путь. «И Иисус учил в монастырях и на базарах, там, где собирался простой народ — именно там он учил»⁵¹. Во время Центрально-Азиатской экспедиции Рерихи собрали редкие и интереснейшие апокрифические сказания, в том числе и о Христе. Частично они были опубликованы в книге «Криптограммы Востока». Одно из них по сюжету перекликается с тем, что было процитировано выше. Необычным и редким является то, что сам рассказ идет от первого лица, а Христос называется только «Он».

«Мне также указано было проводить Его, куда я сам не мог еще войти.

На белом верблюде выехали мы ночью и ночными переходами дошли до Лагора, где нашли, казалось, ждавшего нас последователя Будды. Никогда не видел такой решимости, ибо были в пути три года. И три года пробыл Он там, куда я не мог войти. Мы ждали Его и провели до Иордана. Также белый холст покрывал Его, и также одиноко пошел Он под утренним солнцем. Над Ним была радуга»⁵².

Оба этих отрывка говорят о каком-то таинственном месте, где Христос провел какое-то время. Сопровождающий Его человек туда «не мог войти». Все это напоминает сказания и легенды о Заповедной стране. Созвучна этим сказаниям и картина Рериха «Путь». В ней нашла отражение несторианская интерпретация Христа, прежде всего как человека, преодолевающего земные трудности «человеческими руками и человеческими ногами». Среди нагромождений синих обрывистых скал бурлит, прыгая на черных валунах, горная река. Вдоль обрывистого и высокого ее берега вьется еле приметная тропа. И по этой тропе, рискуя каждый раз сорваться, идет человек. Он один в этой каменной пустыне, и силы его, кажется, на исходе. Но человек упорно стремится вперед, поднимаясь куда-то вверх по опасной и ненадежной тропе. У человека каштановые волосы, спадающие на плечи, и белое длинное одеяние. «Белый холст покрывал Его», — сказано в апокрифе.

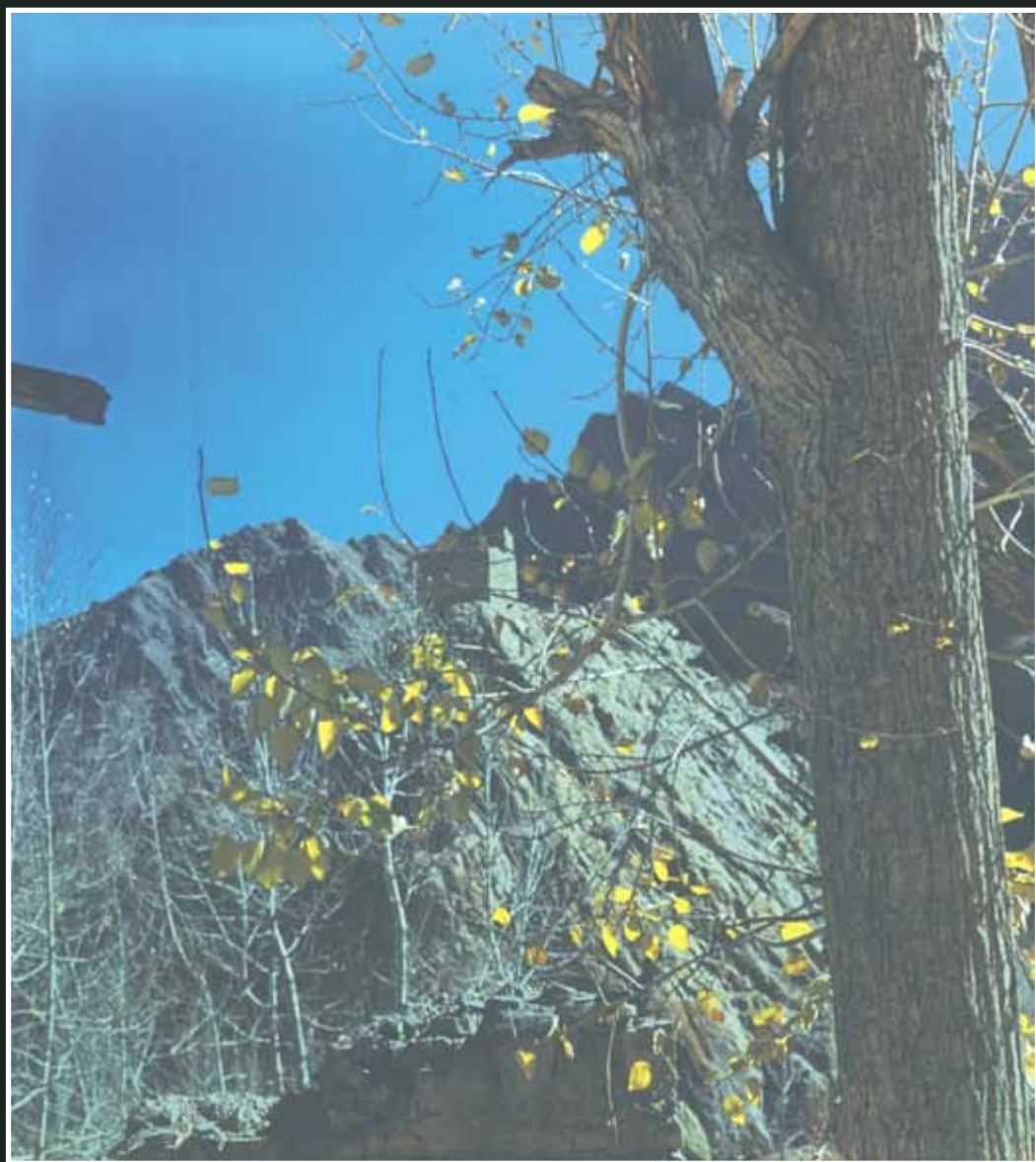
День был прозрачный и синий. Синими были горы, синим был Инд, текущий между ними, синей была дымка, поднимавшаяся со дна ущелья, в которое мы въехали. Здесь, на синем фоне, горели золотом и багрянцем деревья, покрывавшие склоны ущелья. Солнечные лучи пронизывали осенние листья, и они становились прозрачными и наполнялись каким-то внутренним огнем. Огонь то вспыхивал, то гас, и казалось, что в ущелье зажигаются многочисленные цветные фонарики, и от этого оно выглядело праздничным и нарядным.

Дорога шла по дну ущелья, и, когда она сделала очередной поворот, на скалах ущелья неожиданно, как чудо, возник старинный белокаменный город. Казалось, он безмолвно и мгновенно вырос из этих причудливых скал, зубчатой стеной прорезавших ярко-синее небо. На другой стороне ущелья, на высокой горе, стояла сторожевая башня, охранявшая город. Белокаменные дома с резными балкончиками и узкими окнами, забранными в яркие наличники, поднимались из глубины ущелья вверх, туда, к синему небу. Узкие улочки-лестницы петляли между ними и уходили к зубчатым желтым скалам. Над городом реяли гирлянды цветных флагов, и казалось, что город приготовился к какому-то празднику или встрече почетного и важного гостя. Из городских ворот вышел человек в красной тоге. На его голове как-то лихо сидела красная шапка, и концы ее, как крылья, были подняты кверху.

— Джулей, — сказал человек и улыбнулся открыто и просто душно. — Входите. Монастырь Хемис открыт для всех. Меня зовут Наванг Сул Тим. Я вам покажу то, что вы захотите увидеть, — и сделал приглашающий знак рукой.

Я вошла в город. Вернее, в монастырь, так похожий на город. Монастырь был красношапочным, основанным еще в XV веке «большим ламою, оставившим книгу о Шамбале». Ламу звали Сток Цанг-рас-чен. Помните ламу Тигра, который был при короле Льве? Монастырь рос и застраивался почти два века. Укрытый в ущелье, расположенный в стороне от главной дороги, он избежал многих нашествий и разорений, которым подверглись другие монастыри Ладакха в XVII и XVIII веках.

Наванг Сул Тим повел меня куда-то вверх по узкой каменной лестнице, толкнул резную дверь в массивной стене, и мы оказались в уютном мощеном дворе, залитом солнцем. Казалось, двор упирался прямо в каменистый склон ущелья. Вдоль двора шла галерея с яркими и веселыми деревянными колонками. Стены были расписаны фресками. Высоко в облаках парил лама в красной шапке, грозный Падмасамбхава сжимал в руке магический жезл. Черноликий Махакала отрешенно взирал на проходивших лам, Великий Наг в короне из змей обучал мудрости Нагарджуну. Таинственный и неразгаданный мир древних мифов и легенд жил в этом солнечном дворе, в старинных храмах, в белокаменных домах, населенных ламами в красных шапках с загнутыми, похожими на крылья краями. Наванг Сул Тим чуть приглушенным голосом рассказывал о великом маге Падмасамбхаве, сокрушившем

Окрестности манастира Хемис

Осень в Ладакхе

массовым исходом тибетских беженцев в Индию. Но среди прибывших в Ладакх беженцев римпоче не оказалось. Никто не знал о его судьбе. Прошло уже двадцать лет, и все эти годы Хемис живет без настоятеля. Сообщений о том, что он мертв, не поступало, поэтому нового настоятеля назначить нельзя.

И, как бы отвлекая мое внимание от римпоче и рукописей об Иссе, лама сказал, что их основатель написал книгу о Шамбале, и она хранится в монастыре. Но, чтобы ее увидеть, нужно тоже разрешение римпоче. Но его не было, а я не могла ждать столько лет, сколько ждали римпоче ламы.

В качестве утешения Наванг Сул Тим повел меня в апартаменты исчезнувшего настоятеля. Просторная комната была наполнена солнечным светом. Он лился через широкое окно и освещал расписные карнизы под потолком, яркие ковры на полу и мягкие диваны со взбитыми подушками. На резных колоннах висели старинные тибетские мечи, стрелы и ружья неизвестной мне марки. За вымытыми до блеска стеклами расписного шкафа стояли бронзовые фигурки Авалокитешвары и Тары. Резная дверь вела в соседнее помещение. Лама легонько толкнул ее, и мы оказались в комнате, по стенам которой стояли шкафы. В шкафах лежали завернутые в шелк книги.

— Это библиотека римпоче, — сказал Наванг Сул Тим. — Он здесь хранит священный Танджур-Канджур и самые ценные древние рукописи. Но шкафы никто не может открыть. Это сделает сам римпоче, когда вернется.

С «Прудом Иссы» повезло больше. Ориентиром мне служила картина Николая Константиновича. Она так и называлась — «Пруд Иссы». Здание, похожее на крепость, вписано в каменистый склон горы. У его подножия, отделенный узкой каменной грядой, поблескивает небольшой пруд. Была также и запись в экспедиционном дневнике Рериха:

«Долго грузились на яков. Кони, мулы, яки, ослы, бараны, собаки — целое библейское шествие. Караванчики — целый шкаф этнографического музея. Прошли мимо пруда, где по преданию впервые учил Исса. Влево остались доисторические могилы, а за ними — место Будды, когда древний основатель общины шел на север через Хотан. Дальше — развалины строений и сада, так много нам говорящие. Прошли каменные рельефы Майтрейи, при дороге напутствующие дальних путников надеждою на будущее. Остался позади дворец на скале, с храмом Дуккар — светлой, многорукой Матери Мира»⁵³.

Ориентиры были даны точно. Я обнаружила «Пруд Иссы» на окраине Ле, нашла старинный замок, точно такой, какой был изображен на картине. Он обветшал, боковые стены обвалились. Перед ним тянулось заболоченное пространство. Это и был «Пруд Иссы», который превратился в болото в то засушливое лето 1979 года.

Неподалеку, прямо с горы, стекал прозрачный ручеек. На его пути стояло небольшое святилище с молитвенной мельницей внутри.

злых демонов и заставившем их поклоняться Будде, о знаменитых Махасиддхи, которые не знали предела в познании мира и Вселенной, о великих Учителях, появлявшихся здесь время от времени, о мудрых нагах, хранящих бесценные сокровища в горах и на дне морей.

В главном зале храма, высоком и полутемном, горели массивные светильники, яркими свежими красками сверкали резные колонки и от старинных рукописей в застекленных шкафах шел тонкий и терпкий запах Времени и Древности. Бронзовое лицо Будды выплывало из сумрака, а за ним приглушенно светился серебром и позолотой высокий чортен. Многорукая и многоголовая статуя Калачакры соседствовала с Авалокитешварой, могущественным и сострадательным. Драгоценные камни сверкали в золотой короне будды Амидабы, загадочного будды непостижимо далекого прошлого. В желто-красном пламени горело и не сгорало Сокровище мира — Норбу Римпоче, три круга в причудливых извивах огня. Ушедшие в небытие легендарные красношапочные ламы с раскрашенными гипсовыми лицами восседали на своих тронах в красно-золотых тиарах.

Во втором храме было все именно так, как описал Николай Константинович. Мрачный и запущенный, с облупившимися старинными росписями, с масками, покрытыми пылью и паутиной. Рассохшиеся шкафы с выбитыми стеклами смотрели пустыми полками в зал. С колонн и потолка свешивались какие-то грязные клочья, не то бывшие когда-то танками, не то кусками шелковой ткани. Откуда-то из угла, где сквозь пыльное и грязное окно проникал тусклый свет, доносилось монотонное бормотание. Лама, сидевший перед низкой скамеечкой, читал что-то по длинной книге.

— Он читает Канджур, — сказал Наванг Сул Тим.

Лама не обратил внимания на нас и продолжал что-то бормотать, время от времени переворачивая страницы. По узкой крутой лестнице мы поднялись на крышу. Там, в деревянных ящиках, росли желтые и сиреневые цветы, ветер трепал ячьи хвосты на высоких флагштоках, а трезубцы «духа земли» были похожи на переплывающих реку змей. Ущелье оказалось далеко внизу, а отсюда открывался вид на горный простор. Снежные горы, окутанные синей дымкой, напоминали старинную китайскую акварель. Они были легкими и невесомыми, и казалось, что сейчас оторвутся от земли и поплывут по ярко-синему небу вслед за белыми облаками. Здесь, на крыше, я вспомнила о главной цели своего визита в Хемис. И спросила Наванг Сул Тима о старинных рукописях.

— У нас их много, — ответил лама. — Есть и рукописи об Иссе. Говорят, он был большим Учителем и учил людей в Ладакхе. Обо всем этом хорошо знает наш настоятель. Можно ли повидать настоятеля? О, он очень далеко. Когда вернется? Этого никто не знает.

И тут, на крыше храма, я узнала удивительную историю настоятеля Хемиса. Римпоче прибыл в монастырь из Тибета, ибо воплотился именно там. В 1959 году он отправился в Лхасу продолжать свое образование. Именно в этот год в Тибете начались волнения, кончившиеся

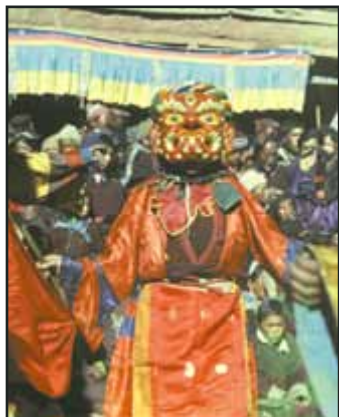
являются лишь послушными их учениками. Согласно закону тантры, все присутствующие на этих танцах должны находиться в состоянии медитации. Только таким образом они смогут постигнуть реальность совершающегося таинства. Но теперь, как я вам уже говорил, этот закон соблюдается редко. Вряд ли сейчас вам удастся увидеть эти танцы. Настоятель какого-нибудь монастыря, по внушению свыше, может вдруг объявить, но так бывает редко, а осенью такого и вовсе не бывает.

В конце ноября в Ладакхе началось какое-то странное движение. Численность населения Ле стала катастрофически увеличиваться. Люди поодиночке и группами прибывали в город. Кто на попутных грузовиках, кто на лошадях и яках, а кто просто пешком. Базар вновь стал шумным и тесным. Люди улыбались, здороваясь друг с другом. На каждом углу были слышны шутки и смех. Постепенно праздничное, приподнятое настроение охватывало город. Глубокой осенью Ле, отрезанный заснеженными перевалами от остального мира, вновь превращался в перекресток. И я что-то заподозрила. Прислушивалась к разговорам на базаре, старалась понять, о чем судачат празднично одетые люди. Но ладакхских слов, которые я успела выучить, не хватало, чтобы понять суть происходящего. Чаще всего повторялось два совершенно незнакомых мне слова — «Дак-ток» и «Чем-ре». Ни один разговор не обходился без этих слов — «Дак-ток» и «Чем-ре». И я отправилась к Палдену за разъяснениями. Палден сидел в своей келье и сосредоточенно правил какую-то рукопись. Он морщил лоб, покачивал головой и что-то бормотал про себя.

— Дак-ток и Чем-ре? — ученый лама нехотя оторвался от рукописи. — Это монастыри. Очень старые. Но они находятся далеко от Ле, километрах в пятидесяти. — И вновь погрузился в чтение рукописи.

А вечером в гостиничный двор на «джипе» ворвался Пинто.

— Людмила! Людмила! — прокричал он под моим окном, не выходя из «джипа». — Танцы! Сразу в двух монастырях! — И, газанув, прямо с места унесся куда-то в сгущающиеся сумерки.

И наступил день, когда мы все: Палден, Таши Робгиез, Пинто и я — отправились в Дак-ток. На всем нашем пути ехали и шли люди. Вереница за вереницей, как будто началось великое переселение в какие-то иные края. Яркое солнце горело в бирюзовых пераках женщин,плыли красные, лиловые, зеленые, черные шляпы-цилиндры с загнутыми полями, развевались белоснежные плащи из шерсти яков, чистыми и яркими тонами играли цветные кушаки

Вода медленно вращала мельницу и вытекала из святилища по трубе. Женщины окрестных деревень брали там воду. Чуть ниже за прудом росли фруктовые деревья, но за ними никто не ухаживал, и деревья одичали. Отсюда по берегу Инда дорога шла на Ше мимо барельефов Майтрейи, высеченных в придорожных скалах, туда, к «перепутью Будды и Христа». Там, в храме, у этого перепутья, рядом со статуей Падмасамбхавы стояло изображение основателя монастыря Хемис. Того, кто написал книгу о Шамбале. У него было спокойное лицо мудреца, оранжево-черная тога и плоская белая шляпа. Изображение ламы появилось здесь много веков спустя после того, как в этих скалах переплелись пути двух Великих Учителей. Один из них оставил после себя золоченую статую, другой — предания и сказания. Но пути эти были знакомы ламе в оранжево-черной тоге...

11. «ТАНЦЫ БОГОВ»

Самые большие и красочные праздники в Ладакхе происходят в монастырях. И среди них знаменитые танцевальные мистерии в масках занимают, пожалуй, первое место по многолюдности и популярности. Я приехала в Ладакх в октябре и поняла, что увидеть эти танцы мне не удастся. В Хемисе они прошли в июне, когда отмечали день рождения могущественного Махасиддхи Падмасамбхавы. Следующие должны были состояться только в феврале — в дни тибетского Нового года. Осень оказалась самой безнадежной в этом отношении. И я уже смирилась с тем, что не увижу «танцев богов», и довольствовалась тем, что осмотрела в некоторых монастырях ритуальные маски и поговорила с теми, кто обучал лам этим сакральным танцам. Ученый лама Палден также кое-что мне поведал.

— «Танцы богов», — сказал он, поудобнее усаживаясь в кресле в моем гостиничном номере, — очень древняя мистерия. Никто толком не знает, когда она зародилась. Одни говорят, что их придумал Падмасамбхава, великий волшебник и тантрист, когда боролся с демонами и превращал их в добрых богов, другие утверждают, что такие танцы знали еще жрецы бона. Может быть, последние и правы. В Тибете до сих пор простой народ называет эту мистирию «танцами демона Красного тигра». Такое божество существовало еще в боне. До сих пор в его храмах хранятся маски для таких танцев. Но существует разница между танцами в храмах бона и в буддийских. Говорят, что во время танцев приносились жертвы, даже человеческие, чтобы ублажить грозных демонов. В VIII веке Падмасамбхава запретил такие жертвоприношения и велел заменить живого человека его фигуркой, сделанной из теста. — Палден остановился, задумался, а потом снова продолжил: — «Танец богов» — тантрическое таинство. Каждое движение в нем имеет свой глубокий священный смысл, каждая мудра сообщает истину. Чтобы овладеть искусством мудр, надо долго и упорно учиться. Учителя, которые обучают лам этому искусству, являются посвященными. Те же, кто этому обучаются,

тонко и торжественно флейты. На ступеньках показался «король» в золототканой мантии. У «короля» было тонкое интеллигентное лицо, а на носу сидели очки в массивной оправе. Он медленно пересек двор и уселся на трон, покрытый пестрым ковром.

— Римпоче, римпоче, — пронеслось по толпе.

«Король» оглядел доброжелательным взглядом взволнованную его появлением толпу, склонил голову, на которой вместо короны красовалась такая же красная тиара, как и у музыкантов, поднял руку, возвещая о начале праздника. И тогда появились древние боги... Римпоче ударил в тарелки и под их аккомпанемент запел низким, приглушенным голосом древние заклинания. Им отозвались длинные медные трубы, протяжно и печально. Загремели барабаны, и маски-лица поплыли над толпой. Переступая с ноги на ногу и медленно поворачиваясь, танцоры двинулись по кругу. Они взмахивали широкими рукавами, и их ладони и пальцы складывались в знаки-мудры, таинственные и неведомые другим. Эти руки вели свой рассказ, древний, как эта земля и как заклинания, которые пел римпоче в королевской мантии. Красные, желтые, зеленые, синие и черные маски, неистовые и неумолимые, в коронах из черепов, возникали как бы из глубины веков.

Люди безмолвно взирали на оживших богов, страшных и грозных, на их таинственные движения, на их яркие шелковые одежды. А они все плыли и плыли по магическому кругу, куда никто не мог вступить, кроме них, и казалось, что каждое их движение, каждый взмах руки вызывал звучание меди и отзывался громом барабанов. Маски сменяли друг друга, меняли цвет и древние символы, и каждый раз об этой неизбежной и предрешенной смене возвещали резкими и пронзительными голосами серебряные флейты, как будто объявляли о чем-то новом, но тем не менее давно уже существующем и задуманном. И с каждой такой сменой возникало что-то неуловимо-отличное от предыдущего. Что-то менялось в движениях, в мудрах, в рисунке танцев. Что-то менялось в самих богах. Грозные и могущественные маги и демоны, они по какому-то неотвратимому скрытому закону превращались постепенно в хранителей новой религии, нового учения. Их суть становилась другой, и только маски сохраняли свой древний облик.

Звуки медных труб, глухой рокот барабанов и магические слова древних заклинаний пели и гремели об одном и том же. О гибели древних богов, их воскресении в ином качестве, великой цене, которую заплатили погибающие, чтобы жить вновь. Они заплатили ее тому, кто сидел в сумраке древней пещеры, со ступенек которой под звуки серебряных флейт сходили эти лики-маски. Могущественный маг, беспощадный и неумолимый, сжимал свой таинственный жезл с черепами, и его нарисованные глаза мерцали в пламени масляных светильников. Здесь, в залитом солнцем каменном дворе, он присут-

на халатах мужчин. Все устремились на танцы, зрелище, которое не пропускает ни один ладакхец. Шли с детьми. Шли со стариками. Шли из Ле, прибывали из окрестных деревень, спускались с гор.

На последнем участке пути дорогу стиснули горы и загнали ее в ущелье. А через короткое время на выходе из него возникла высокая розово-коричневая скала с врезанными в нее почти у самой вершины белыми квадратами каменных зданий. Дак-ток — «Вершина скалы». Мы поднялись по вырубленной в камне крутой лестнице и оказались в монастырском дворе, которому в этот день суждено было стать сценой одного из древнейших театров мира. Со двора вел ход в просторную пещеру. Сюда не проникал дневной свет, и только пламя масляных светильников призрачно освещало черно-коричневые неровные стены. В глубине пещеры кто-то сидел, неподвижно и прямо. Когда глаза привыкли к полумраку, я различила статую великого мага Падмасамбхавы. Красная тиара на голове, гневно расширенные глаза, магический жезл в тонкой руке. В пещере было тихо, и только откуда-то снаружи доносился приглушенный гул голосов, похожий на шум морского прибоя. Дак-ток начинался с этого святилища. До этого пещера служила многие века жрецам старой веры, а потом стала прибежищем буддийских философов. Говорят, сам великий Падмасамбхава жил в ней.

Я вернулась во двор, который теперь представлял собой зрелище удивительное и красочное. Зажатый между скалой и монастырскими зданиями, он напоминал праздничный двор старинного замка. Деревянные балконы, нависшие над ним, были затянуты яркими тканями. Гирлянды цветных флагов трепетали на свежем горном ветру. Длинная, шитая золотом танка, похожая на средневековый гобелен, свешивалась с крыши одного из храмов. На танке был изображен Будда с учениками и бодхисатвами. На балконах горделиво восседали ладакхские матроны в пераках и высоких шляпах-цилиндрах. На их длинных платьях красовались изящные накидки. Лиловые, зеленые, красные, розовые. Женщины были похожи на знатных дам, собравшихся на рыцарский турнир. Они громко переговаривались с теми, кто был внизу, шутили и смеялись. У высокой стены двора стоял трон, покрытый коврами. И мне показалось, что все собравшиеся ждали короля, который подаст сигнал к турниру.

Но король не спешил появляться. Зато выбежал шут в улыбающейся маске и хворостиной согнал тех, кто сидел на ступеньках храма. За шутот вышли музыканты. Они были в красных тогах и высоких красных шапках, похожих на папскую тиару. Со своими тарелками, барабанами и флейтами они стали по левую сторону трона. За ними появились еще люди в красных тогах. В руках они держали курящиеся ароматические палочки. Синий дымок, свиваясь тонкими струями, плыл в прозрачном, пронизанном солнечным светом воздухе. Блеснули на солнце тарелки, медью отозвались горы, и запели

Окрестности монастыря Хемис

Монастырь Дак-ток. Музыкант

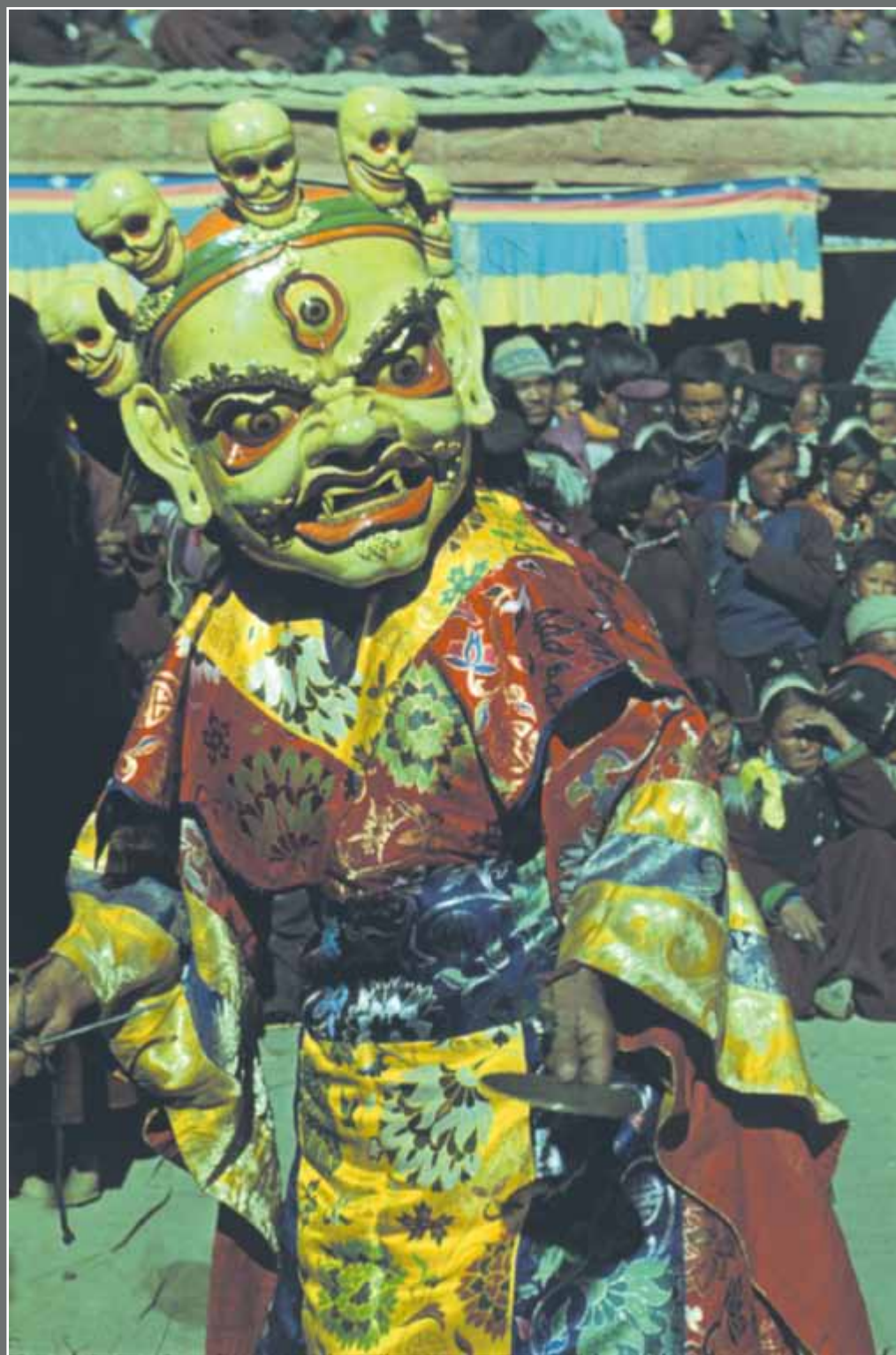

ствовал незримо и повсеместно. Его грозное имя — Падмасамбхава — заставляло подчиняться, заученно складывать пальцы и поднимать ладони по закону, предписанному им. И снова вскрикивали серебряные флейты, и снова со ступенек древнего святилища спускались древние демоны и буддийские дхармапалы, чтобы еще и еще раз в магическом танце рассказать о поражении древних богов и извечной победе добра над злом.

Взлетали вверх магические ножи, поражающие зло, и сверкали длинные тибетские мечи в руках «Хранителей религии». И слова тантрических заклинаний, непонятные и завораживающие своим неведомым ритмом, текли, как бесконечная река Времени, над этими горами, скалами, святилищем и грозными ликами древних богов. Голос римпоче то поднимался ввысь, то спускался в какие-то таинственные глубины. И ламы, в высоких красных шапках-митрах, послушно и умело вторили этому голосу. Временами мне казалось, что эти заклинания, такие ритмичные и настойчивые, вызывают или призывают кого-то, затаившегося там, в сумраке древнего святилища-пещеры. И оттуда кто-то должен появиться, непохожий на богов, но владеющий странной властью над ними и людьми. И он вышел. Тот, кто научил богов магическим танцам и сам учился у них, кто был посвящен в самую тайную часть тантры, умел создавать образы, вызывать из небытия древних богов и видеть их сны. Густая тень от полей черной шляпы лежала на его лице, и от этого черты лица казались размытыми и смазанными.

Римпоче опустил литавры и устало откинулся, прикрыв глаза тяжелыми веками. Теперь всем распоряжался тот, чьи черты лица нельзя было узнать. Начался самый важный тантрический танец. Танец черных шляп. Танец посвященных, тех, кто стоит между людьми и богами. Замолчали литавры и флейты. Низко запела медная труба, и звук ее, свободный и вибрирующий, был легок, как дыхание горного ветра. Казалось, запело само Время, застывшее в этих древних горах, скалах и пещерах. Двенадцать посвященных в черных шляпах, медленно кружась и низко нагнув головы, шли круг за кругом. Красно-желтые длинные одежды мели камни двора, узкие ладони безмолвно рассказывали о таинствах тантры. И казалось, что неведомый древний сон плывет над этой скалой, старинным храмом и празднично одетыми людьми. В этом сне оживали лица древних богов, пел ветер на горных вершинах и мерцали таинственно и разноцветно огни забытых святилищ.

Но труба неожиданно смолкла, прекратилось движение танцоров, и вздохнула в едином странном порыве толпа. Снова зарокотали барабаны и закричали флейты. И синий бык, угрожающе нагнув рога, прыжками пересек двор. Олень, с золочеными рогами, закружился вокруг него. Олень был очень похож на тех, которых я видела на древних камнях, около монастыря Фианг. Птицы, с тяжелыми клювами,

Монастырь Дак-ток. Танцы

Монастырь Дак-ток. Танцы

властно влек их, и они потеряли волю к сопротивлению. Потеряли и не удержались. Они снова принесли человека в жертву. Окровавленные части жертвы висели перед древним и грозным богом Чокменом. У Чокмена было неистовое кроваво-красное лицо. Теперь они читали заклинания высокими тревожными голосами, били в барабаны и вопрошали о чем-то своего бога. Чокмен безмолвствовал и косил яростным взглядом на вопрошающих. Он не хотел отвечать. Они опять его обманули. Обманули его и обманули себя. Вместо человека они подсунули ему тряпичную куклу. И даже кровь, искусно нанесенная на тряпичные части тела красной краской, не меняла дела.

Чокмен молчал, его не устраивала такая непоследовательность. Жрецы бона знали свое дело. Человеческие жертвоприношения предшествовали когда-то их танцам. Буддисты долго боролись с этим обычаем и одержали наконец победу. О человеческих жертвоприношениях осталась только память. Но те, кого несет время назад, неизбежно будут возвращаться к этой памяти. И не только возвращаться. Они будут стараться ее оживлять, хотя бы тряпичной куклой, разрезанной на части. Будут читать над ней заклинания и имитировать кровь. Будут неотступно смотреть назад и не захотят повернуть голов туда, где время обретает свое естественное поступательное движение.

В храмовом дворе жила и память о жертвоприношениях животных. На этот раз в качестве жертв предстали лошадь, корова, коза и собака. Сгрудившись, они стояли во дворе и вздрагивали от рокота барабанов и ударов звонких литавр. Корова время от времени принималась тревожно и призывно мычать, коза блеяла, а собака подвывала. И только лошадь стояла покорно, обреченно свесив голову с длинной гривой. К ним подошел лама с металлическим подносиком, на котором дымились раскаленные угли. Он помахал подносиком, и густой дым накрыл животных. Коза громко и непочтительно чихнула. Животные, очищенные огнем и дымом, были готовы к жертвоприношению, однако лама пометил каждого из животных красной краской, и жертва была совершена. В благодарность за сохраненную жизнь все они, лошадь, корова, коза и собака, должны были пробежать много раз вокруг молитвенного флага, который развевался посреди двора.

Самой умной оказалась лошадь. Она скосила глаза на ламу, в руках у которого был хлыст, взбрыкнула и, распушив хвост, безошибочно понеслась к воротам, откуда начиналась дорога к свободе. Коза же, обалдевшая от жертвенных испытаний, ринулась прямо на лам, сбила двух из них и почему-то устремилась к раскрытым дверям главного храма. Перехваченная на полдороге, она долго бодалась, блеяла, наконец вырвалась, подскочила к священному флагу и в знак протеста усеяла ритуальное пространство вызывающе крупным горохом. Зато корова показала все качества спринтера. Задрвав хвост, она, единственная из всех жертв, носилась по кругу, подгоняемая хлыстом. Но потом неожиданно нагнула рога и устремилась на своего мучителя. Тот

оранжевые, синие и черные, парили над камнями двора, распластав шелковые рукава-крылья. Птицы чем-то напоминали египетского бога Тота.

Все это было так странно и необычно, что я долго потом, когда все кончилось, не могла сдвинуться с места. Уже стал пустеть многолюдный двор, а я все продолжала сидеть. Подошел приветливый, улыбающийся лама и передал приглашение от римпоче. Я встала и пошла к крутой каменной лестнице, которая вела на самый верх скалы, в апартаменты настоятеля. Отсюда был виден весь монастырь. На соседних скалах высились руины старинных замков и стояла сторожевая башня, смотревшая пустой бойницей на восток. Пестрая людская река стекла со скалы и разбивалась у ее подножия на множество ручейков. Солнце уже низко стояло над вершинами снежных гор, но снега еще не зарозовели, а отдавали чистым золотистым цветом. Я взглянула на часы и поняла, что танцы в Дак-токе продолжались более пяти часов.

Назавтра произошло «переселение народов» из Дак-тока в Чем-ре. Он стоял в глубине гор, среди склонов, синеющих ущельями и гребнями. Как и многие монастыри Ладакха, он был похож на большой старинный город, затерянный среди скал, горных проходов и заснеженных вершин. Город был обнесен массивной стеной с круглыми башнями на углах. И опять у меня возникло ощущение, что я попала в далекое и незнакомое мне прошлое. Пятиметровая статуя неистового Падмасамбхавы в тантрическом храме наверху, лица основателей секты Кагью-па на шелковых танках, грозные тантрические боги на алтаре и фресках, бесстрастные ламы с узкими глазами и темными лицами в красных, расшитых золотом тиарах. Своя особая жизнь, свое особое время, так непохожее на время нашего века. Оно здесь явно остановилось и не хотело двигаться дальше. Мне даже показалось, что время двигалось назад. Поэтому ламы вышли из повиновения, стали ленивыми и грубыми, а настоятель превратился в слабого и немощного старика, дремлющего в ожидании танцев, которые никак не могли начаться. На него никто не обращал внимания. Он то засыпал на своем троне, то вновь просыпался и долго не мог понять, где он находится и что нужно от него всем этим собравшимся людям. Когда прогремели первые литавры и протрубили трубы, было уже далеко за полдень, и это значило, что традиция была нарушена. Но настоятеля это обстоятельство несколько не смутило. Когда время идет назад, то оно теряет свое значение и смысл.

Время несло меня назад, как послушную песчинку в бурной реке. Из XX века я попала в XIV, из XIV — в какие-то безымянные века, которые я могла определить только как «очень древние». Древность звучала глухим рокотом барабана и печальным зовом трубы. И я пошла на эти звуки. Они привели меня к резной храмовой двери. Я толкнула ее и вошла. Ну конечно, они не удержались. Обратный ход времени

Монастырь Дак-ток. Танцы

*Монастырь Дак-ток.
Танец черных шляп*

каким-то непостижимым образом уцепился за балку второго этажа и висел на ней в странно-отрешенной задумчивости. Во дворе поднялась паника, и корова, воспользовавшись этим, куда-то исчезла. В общей сутолоке все забыли про собаку. Она же, спокойно улегшись у трона римпоче, приготовилась смотреть танцы богов, которые наконец начались. Все было похоже на танцы в Дак-токе, но и чем-то отличалось от них. Возможно, порядком номеров, продолжительностью, а может быть, знаками-мудрами. Но смысл их был тем же. Рокотали барабаны, гремели медные тарелки, трубили длинные трубы.

Когда все маски закружились в общем последнем хороводе, из круга, мягко ступая, вышел олень, достал из широкого рукава фигурку человека и положил на камни двора. Фигурка была сделана из теста и вымазана красной краской. И вновь время потекло назад. Олень, взмахивая ветвистыми рогами, затанцевал над ней. К нему присоединились остальные маски и запели низкими печальными голосами песню-заклинание. Потом взлетели рукава-крылья и зловещая черная птица, похожая на древнеегипетского бога Тота, опустилась перед жертвой. Ритуальный нож-пурба вонзился в голову фигурки. Зарокотали барабаны, загревели литавры, древние беспощадные боги в коронах из черепов закружились над жертвой, неумолимые, как сама судьба. Потом бог-олень опустил перед фигуркой на колени, рассек ее на части и разбросал эти части по монастырскому двору. На месте, где лежала фигурка, остался таинственный треугольник, раскрашенный черным, лиловым и красным. В центре треугольника белели неведомые древние знаки.

Стало совсем тихо. Как призраки, возникли посвященные в черных шляпах. Они забили в барабаны и закружились вокруг тайных знаков, как древние шаманы, вызванные из небытия чьей-то недоброй силой. Они были похожи на черных больших птиц, и от них бежали и ложились на камни двора, освещенного красноватыми лучами заходящего солнца, четкие темные тени. Римпоче, окончательно проснувшийся, запел странную, похожую на птичий клетот песню. Он пел о торжестве добра над злом, о временах, когда вместе с этим злом уничтожали и самого человека, предполагаемого источника зла. Колесо Времени под печальное рокотание барабанов и ревущие звуки труб продолжало медленно поворачиваться назад...

Мы покидали Чем-ре уже в темноте. Над ночными горами вставала луна, еще не полная, но яркая, и заливала голубым светом снежные вершины. Где-то слева, внизу, шумел Инд. Время от времени кричала какая-то ночная птица. Потом показались огоньки Ле, и мы въехали на улицы уснувшего города...

* * *

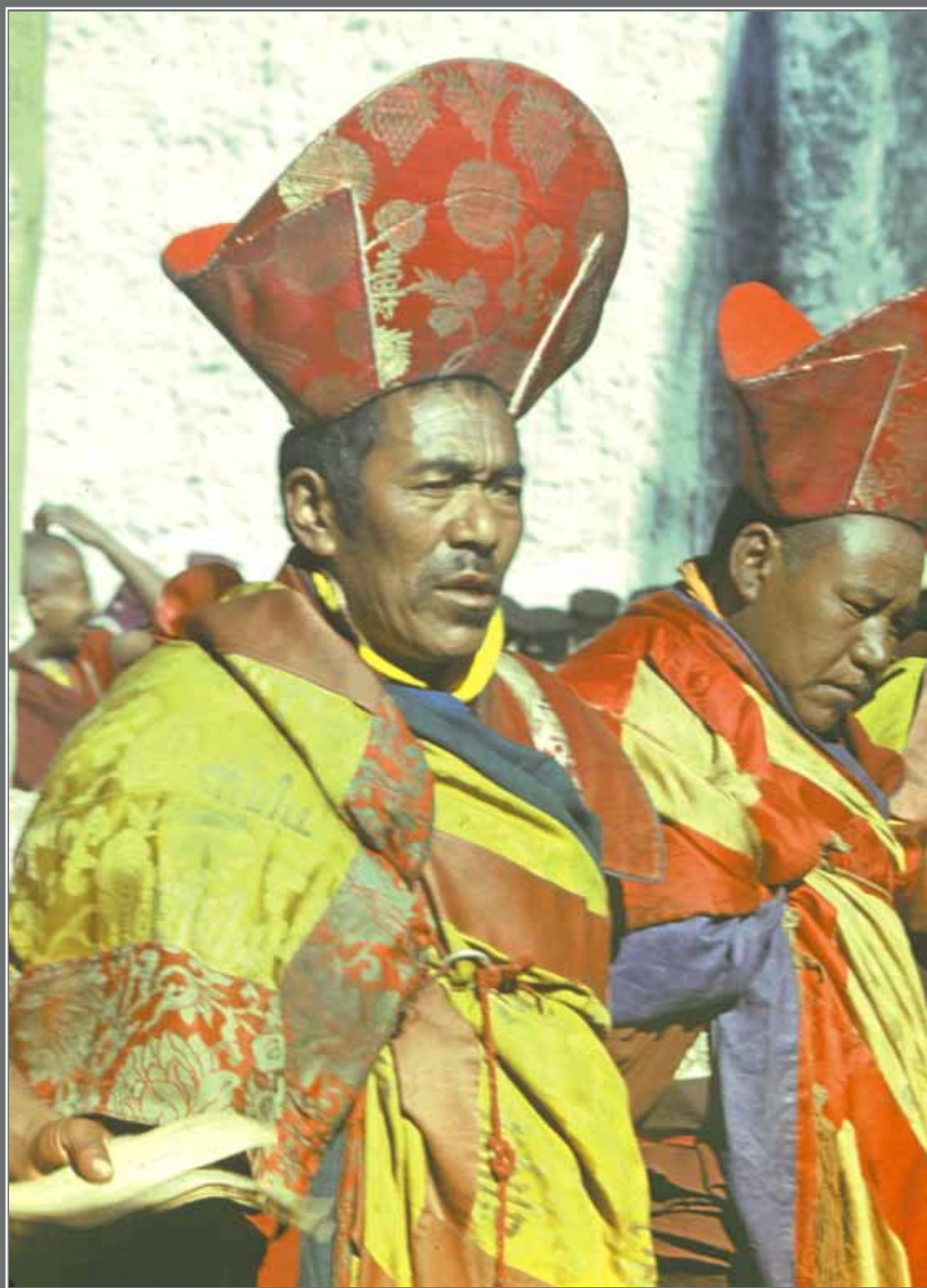
Праздник кончился. Люди сняли нарядные одежды, и в Ладакхе

наступили будни. Мой праздник тоже кончился. В несколько оставшихся до отъезда дней я, уже свободная от работы, без особой цели бродила по Ле и окрестным горам. Время от времени над ними появлялись тяжелые снеговые тучи, солнце исчезало, и все краски от этого становились приглушенными и как бы выцветшими. Дул морозный ветер, налетая порывами на город, опустевшие поля и голые деревья. Снежные хлопья кружились в воздухе вместе с тучами желтоватой пыли, поднятыми ветром. Спускались сумерки, но уже не сиренево-прозрачные, а тяжелые и темные, чем-то похожие на тучи, идущие над горами. На опустевшем базаре в редких лавках зажигались неяркие огоньки. Узкие улочки быстро погружались в темноту и словно вымирали. Одиноко и печально пела храмовая труба в Шанкар-гомпа...

Когда самолет взлетел, под ним во всей красе встала снежная громада Каракорума. Над его ледниками и перевалами стояло голубое марево. На какое-то мгновение мне показалось, что в этом мареве возник призрачный караван. Он направлялся к седловине, туда, где за снежным хребтом начинались степи и пустыни Китая. Он шел туда, куда я уже не могла пройти по многим причинам... Но видение, похожее на мираж, быстро рассеялось, и я поняла, что тот караван уже давно пересек перевал Каракорума и что с тех пор уже прошло пятьдесят четыре года.

Самолет развернулся и сделал прощальный круг над Ле. Внизу проплыли желтые лунные скалы, старинный королевский дворец, замки и сторожевые башни.

Потом город исчез, растворившись в голубом мерцающем мареве. А под самолетом уже разворачивалась грандиозная картина Великого Гималайского хребта. От горизонта до горизонта, наползая друг на друга, тянулись снежные горы. Сверкали ледники, и пики вершин уходили в пронзительно-синее небо. Но не исчезали в нем, а застывали белыми искрящимися громадами, врезанными в синее полотно небосвода. Ощущение высоты, отделявшей самолет от гор, почему-то исчезло, и казалось, серебряный крылатый корабль плывет среди этого снежного царства, почти касаясь крыльями склонов и нагромождений девственного льда. Где-то далеко внизу петляла великая река Инд. Мы перевалили Великий Гималайский хребет, и горы стали ниже. Потом появились облака, и самолет, как по ледяной горке, резко съехал по ним вниз и поплыл над голубым туманом Кашмирской долины, все дальше уходя от снежных хребтов и пиков, среди которых лежала, похожая на сон, маленькая горная страна...

Монастырь Чем-ре. Ламы

Выход танцоров

Настоятель монастыря Чем-ре

Н.К.Рерих. Замок Ладака

ПРИМЕЧАНИЯ

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

- ¹ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.247.

Часть первая. ШАГИ ПЛЕМЕН

- ² *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.240—241.
- ³ Алтай. 1974, №3. Сибирские огни. 1974, №10.
- ⁴ Ошибка, которую часто допускали видевшие Елену Ивановну люди. На самом деле у нее были темные волосы и темные глаза.
- ⁵ *Цесюлевич Л.* Рерих на Алтае//Алтай. 1974, №3. С.67—68.
- ⁶ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. США, 1929. С.25.
- ⁷ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.244.
- ⁸ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи//Архив П.Ф. Беликова. С.161.
- ⁹ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. США, 1929. С.51.
- ¹⁰ *Грязнов М.* Древнее искусство Алтая. Л., 1958. С.12.

Часть вторая. ДОРОГА ВЕЛИКИХ СТРАННИКОВ

- ¹¹ Петроглифы долины реки Елангаш. Новосибирск, 1979. С.9.

- ¹² *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.87.

- ¹³ *Рерих Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. С.108.

- ¹⁴ Юность. 1970, №10. С.103.

- ¹⁵ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. США, 1929. С.46.

- ¹⁶ *Рерих Н.К.* Держава света. США, 1931. С.258—259.

- ¹⁷ *Рерих Н.К.* Держава света. США, 1931. С.267.

- ¹⁸ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.255.

- ¹⁹ *Рерих Н.К.* Сердце Азии//Н.К.Рерих. Избранное. М., 1979. С.99.

Часть третья. СТРАНА ГОР И СНЕГОВ

- ²⁰ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.74.

- ²¹ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.75.

- ²² *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.74.

- ²³ *Francke A.H.* Antiquities of Indian Tibet, vol.1, p.102. New-Delhi, б/д.

- ²⁴ The Moon Land. Ladakh. New-Delhi, 1979, p.55.

- ²⁵ Здравствуйте — по-ладакхски.

- ²⁶ *Рерих Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. С.38.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ²⁷ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.75.
- ²⁸ *Francke А.Н.* Antiquities of Indian Tibet. Vol.1, p.97.
- ²⁹ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.77.
- ³⁰ *Перух Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. С.39.
- ³¹ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.86.
- ³² *Перух Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. С.41.
- ³³ *Перух Н.К.* Сердце Азии. М., 1979. С.114.
- ³⁴ *Перух Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. С.46.
- ³⁵ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.80.
- ³⁶ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.87.
- ³⁷ *Francke А.Н.* Antiquities of Indian Tibet, vol. 1. New-Delhi, б/д, р.79.
- ³⁸ *Перух Н.К.* Сердце Азии. США, 1929. С.24.
- ³⁹ *Francke А.Н.* Antiquities of Indian Tibet, vol.1, New-Delhi, б/д, р.105.
- ⁴⁰ *Перух Ю.Н.* По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982. С.45.
- ⁴¹ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.84.
- ⁴² *Francke А.Н.* Histori, folklore and culture of Tibet. New-Delhi, 1979, р.31—32.
- ⁴³ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.77.
- ⁴⁴ *Перух Н.К.* Избранное. М., 1979. С.152.
- ⁴⁵ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.86.
- ⁴⁶ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи//Архив П.Ф. Беликова. С.30.
- ⁴⁷ *Francke А.Н.* Antiquities of Indian Tibet. New-Delhi, б/д, vol.1.
- ⁴⁸ Research Biannual. Srinagar, 1978, vol.2, р.6—10.
- ⁴⁹ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.81.
- ⁵⁰ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи//Архив П.Ф. Беликова. С.32.
- ⁵¹ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи//Архив П.Ф. Беликова. С.32.
- ⁵² *Сент-Илер Ж.* Криптограммы Востока. Париж, 1929. С.45.
- ⁵³ *Перух Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.89.

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ	7
--------------------------	---

Часть первая. ШАГИ ПЛЕМЕН

1. В посках прошлого.....	15
2. Верхний Уймон.....	25
3. По Катунскому хребту	34
4. Кара-Тюрек	51
5. Шаги племен	59
6. Гора Солнечного Оленя	75
7. Доказательства, разрешившие сомнения	82

Часть вторая. ДОРОГА ВЕЛИКИХ СТРАННИКОВ

1. Великий всадник.....	89
2. Дорога великих странников	104
3. Костры пустыни	125
4. «Бьется ли сердце Азии?»	135

Часть третья. СТРАНА ГОР И СНЕГОВ

1. Вдоль караванной дороги	167
2. Перекресток	207
3. Похвальное слово ладакхцам	226
4. Ученый лама Палден	244
5. Потомки Гесэра.....	261
6. Духи деревни Айю.....	288
7. Потерянные вехи многих путей	300
8. Ворота Шамбалы.....	321
9. Римпоче Кушок Тогдан	332
10. Орлиные гнезда	349
11. «Танцы богов»	372

ПРИМЕЧАНИЯ.....	397
-----------------	-----

*Людмила Васильевна
Шапошникова*

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Книга вторая
ПО МАРШРУТУ МАСТЕРА
I

Художник макета
Л.В.Шапошникова

Цветные фотографии
Л.В.Шапошниковой

Зав. публикаторским отделом
Л.А. Чистякова

Редакторы *П.Ф.Волков, ЕЛ.Мочина*

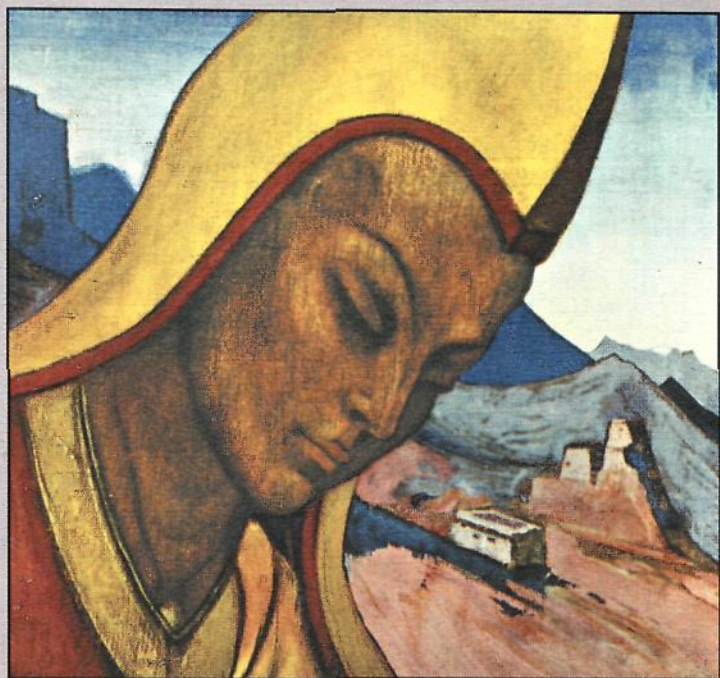
Компьютерное сканирование, верстка
ДАДемагин, И.В.Ковалева

Техн. редактор *Л.П.Богатова*

Корректоры *Л.Ю.Ласькова, М.С.Винниченко*

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага мелованная имп. 115 г.
Гарнитура школьная. Печ. л. 25,0. Усл. печ. л. 32,50. Заказ 3276
Международный Центр Рерихов
121019, Москва, Малый Знаменский пер., 3/5

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Типография «Новости».
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

“...Продвигаясь по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции, я все больше убеждалась, что экспедиция была главным свершением в жизни Николая Константиновича Рериха. Вся предыдущая его жизнь была подготовкой к ней, вся последующая — работой над ее результатами. Стало окончательно понятно, что надо пройти по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции спокойно, не торопясь, внимательно вглядываясь в то, что открылось Рериху на этом пути, о чем он писал и размышлял”.